

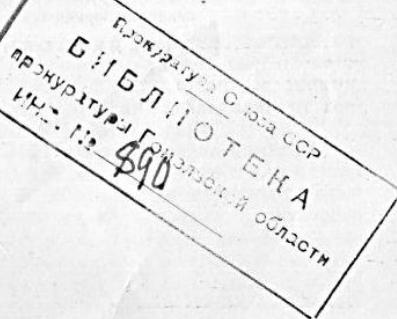
ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР
Всесоюзный научно-исследовательский институт
криминалистики

Настоящее издание печатается в
качестве пособия для прокурорско-
следственных работников и продава-
ется в открытой книготорговой сети
не подлежит.

СЛЕДСТВЕННАЯ ПРАКТИКА

ВЫПУСК

46

Государственное издательство
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва — 1961

РЕПОЗИТОРИЙ ГПУ

СКОРИНЫ

Настоящий выпуск подготовлен во ВНИИ криминистики Прокуратуры СССР научными сотрудниками кандидатами юридических наук М. С. Брайниным, В. В. Братковской, Н. И. Гуковской, Л. М. Карнеевой, В. М. Николайчиком, С. С. Степищевым, В. Г. Танасевичем, Н. А. Якубович, а также Е. А. Боборицким, В. И. Ивановым, Н. П. Косоплечевым, Э. Д. Курановой, А. Р. Ратиновым.

Ответственный редактор
выпуска № 46
кандидат юридических наук
Н. А. ЯКУБОВИЧ

Прокурор г. Нальчика,
старший советник юстиции
В. И. Никифоров

Старший следователь
прокуратуры г. Нальчика
юрист 2-го класса
Г. А. Соловьев

ПРИСЛУШИВАЯСЬ К ОБЩЕСТВЕННОМУ МНЕНИЮ

При приеме граждан по жилищным вопросам нередко приходилось слышать от посетителей весьма неприятные упреки: «За деньги в Нальчике можно получить квартиру и вне очереди».

Прокуратура города несколько раз проверяла подобные сигналы, но каких-либо положительных результатов это не дало. Летом прошлого года к нам поступило письмо, в котором неизвестный заявитель утверждал, что жилая площадь в городе предоставляется не иначе, как за взятки.

Тогда мы решили связаться с жилищно-бытовой комиссией Нальчикского городского Совета, члены которой поддерживают повседневный контакт с лицами, нуждающимися в жилой площади, и располагают сведениями относительно ее распределения.

Через некоторое время один из членов комиссии сообщил, что его знакомый Чачакин в беседе с ним назвал двух лиц, давших в виде взяток крупные суммы с целью внеочередного получения жилой площади. С помощью Чачакина установили их личность. После некоторого запирательства они подтвердили, что действительно дали по 5000 руб. некоей Хаджиевой Любке, которая обещала им оказать содействие в получении квартиры. Хаджиева выдала им расписки в получении этих денег.

В расписках указывалось, что деньги якобы получены взаимообразно и будут возвращены в течение одного месяца (срок этот давно истек). Располагая такими данными, мы возбудили уголовное дело.

Один из взяткодателей показал, что в марте 1959 года, ночью в одном из темных переулков города Хаджиева устроила ему встречу с неким Майоровым. Последний отрекомендовался депутатом городского Совета, сообщив, что ведает распределением жилой площади и обещал предоставить квартиру. Он попросил также подыскать других лиц, нуждающихся в жилой площади.

Личности Хаджиевой и Майорова были установлены. Как оказалось, Майоров работал заведующим городским дезинфекционным пунктом, депутатом не являлся и к распределению квартир никакого отношения не имел. Хаджиева вообще нигде не работала. Оба жили на широкую ногу.

У Хаджиевой произвели обыск, в котором, помимо следователя, приняли участие два курсанта школы милиции.

Роли участников обыска были распределены заранее, изучено расположение комнат. Один из курсантов имел задание вести наблюдение за действиями находящихся в обыскиваемом помещении лиц, никого не выпускать и не впускать.

В момент объявления постановления о производстве обыска мать Хаджиевой пыталась незаметно выскользнуть из комнаты, но ее задержал работник милиции. Последний сообщил, что перед попыткой выйти из комнаты она открыла ящик стола и что-то взяла оттуда. При личном обыске у нее нашли небольшой узелок, в котором оказалась трудовая книжка на имя Мозговой. Дальнейшим обыском помещения обнаружили паспорт, принадлежащий Носенко, спрятанный среди книг.

Категорически отрицая свою вину, Хаджиева заявила, что деньги она брала взаймы под проценты, но проценты не выплатила и «обозленные ростовщики» оговаривают ее, приписывая ей взяточничество. Такое объяснение не заслуживало доверия. На вопрос, зачем ей понадобилось одновременно занимать у трех лиц по 5000 руб., Хаджиева ничего вразумительного не ответила. К тому же «займодавцы», ранее не знакомые с Хаджиевой, едва ли могли доверить ей столь крупные деньги, да еще и без оформления договора займа законным порядком.

Допрошенная по поводу обнаруженной у нее при обыске трудовой книжки Хаджиева показала, что та

принадлежит ее знакомой, которая принесла книжку для консультации относительно получения пенсии. Такое объяснение не вязалось с действиями матери Хаджиевой, пытавшейся незаметно вынести трудовую книжку. Кроме того, как явствовало из записей в книжке, Мозговая родилась в 1908 году и имела лишь девятилетний стаж работы, что не давало оснований помышлять об уходе на пенсию.

В момент обнаружения трудовой книжки Хаджиева всячески пыталась заглянуть в нее и прочесть имеющиеся там записи. Но ее лишили такой возможности. Это пригодилось в дальнейшем при допросе Хаджиевой. Когда ей предложили назвать фамилию той, кому принадлежала трудовая книжка, она это сделать не смогла. Притворившись, что забыла фамилию, она заявила: «бывает так, что вылетит из головы и не можешь вспомнить». Тогда Хаджиевой предложили назвать хотя бы имя владельца трудовой книжки, чего она также не могла сделать. Поняв, что она изобличена, Хаджиева попросила отложить допрос, сославшись на усталость.

Напрашивался вывод, что наличие у Хаджиевой чужой трудовой книжки связано с каким-то другим преступлением. Допрос Мозговой ничего положительного не дал. Слово в слово она подтвердила объяснения Хаджиевой, сообщив, что обращалась к ней за консультацией и помощью в подсчете трудового стажа. Однако и Мозговая не смогла сообщить элементарных сведений о Хаджиевой, не знала даже ее фамилии.

Допрос Носенко — владельца найденного у Хаджиевой паспорта — также ничего не дал. Он показал, что вручил паспорт для прописки на квартиру к матери Хаджиевой. Аналогичные объяснения дала и она сама.

На вопрос о том, с какой целью Носенко собирался менять местожительство, допрошенный ничего вразумительного не ответил.

В дальнейшем события разворачивались таким образом.

Был произведен обыск в служебном кабинете Майорова. Среди деловых бумаг в ящике стола обнаружили довольно значительную сумму — 1900 руб. Сначала Майоров пытался утверждать будто это деньги из кассы, но, поняв, что после обыска его не оставят на свободе, и ему не удастся переговорить с кассиром, тут же

отказался от такого объяснения и заявил, что не знает о происхождении найденных денег. Обыск на его квартире ничего не дал. Хаджиеву и Майорова арестовали.

Исходя из обстоятельств дела, можно было предположить, что граждане, давшие Хаджиевой взятки, узнав о возбуждении уголовного дела, будут посещать ее квартиру и требовать возврата денег. При допросе соподельствительно часто посещали неизвестные, что-то требовали от нее и предъявляли какие-то претензии.

Для выявления лиц, давших Хаджиевой взятки, решили прибегнуть к помощи общественности дома, в котором она проживала; активисты даже организовали группу для оказания содействия в расследовании этого дела.

Один из активистов сообщил, что после обыска и ареста Хаджиевой ее муж срочно послал куда-то сына. Не исключалось, что с ним была направлена записка кому-либо из лиц, со стороны которой Хаджиев опасался разоблачения своей жены. Этими лицами могли быть, например, владельцы трудовой книжки и паспорта (Мозговая, Носенко).

Догадка подтвердилась. Первоначально Носенко отрицал факт посещения его квартиры сыном Хаджиевой, однако, когда ему объявили, что будут вынуждены проинформировать о нем для отыскания записи, Носенко передал следователю записку, написанную рукой Хаджиева. «Тов. Носенко! Если у вас спросят в прокуратуре города, почему ваш паспорт у Любы, то скажите, что вы отдали его для прописки».

Носенко признался, что дал Хаджиевой в виде взятки 5000 руб., рассчитывая таким путем получить квартиру. Позднее он стал настойчиво требовать от нее обещанной квартиры или возврата денег.

Наконец Хаджиева заявила Носенко, что живяя площадь ему уже выделена и нужен паспорт для прописки в новой квартире.

По показаниям Носенко, муж Хаджиевой обещал возвратить ему 5000 руб., если Носенко не выдаст его жену. Надеясь вернуть свои деньги, он давал угодные Хаджиеву показания.

Через Носенко удалось установить, что его сестра Аниканова также дала Хаджиевой 5000 руб. Это подтвердила впоследствии и сама Аниканова. Посещая квартиру Хаджиевой, Носенко неоднократно был свидетелем того, как Хаджиева звонила по телефону «какому-то Павлу Никифоровичу» (так звали Майорова). Она кричала на него, требовала скорее выделить квартиру, говорила, что «люди наступают ей на горло».

Дальнейшему успеху расследования способствовало изменение Хаджиевой меры пресечения. Ее освободили под подписку о невыезде, ибо опасаться, что она скроется или помешает расследованию, не было оснований.

Если раньше взяточники, зная об аресте Хаджиевой и опасаясь разоблачения, не решались навещать ее квартиру, то, узнав об освобождении Хаджиевой, они стали осаждать ее, требуя возврата денег. О каждом таком посещении члены группы содействия тут же сообщали по телефону в прокуратуру. Установить личность посетителей не составляло особого труда. Проживая в течение ряда лет в одном дворе с Хаджиевой, активисты знали в лицо многих ее знакомых, к тому же взяточники, как правило, затевали с ней скандал. «Клиентов» тут же приглашали в прокуратуру. Как правило, эти лица, имели при себе расписки Хаджиевой, так как рассчитывали добиться возврата денег. Изъятие расписок значительно облегчало последующий допрос взяточников. В тех случаях, когда по каким-либо причинам задержать взяточника в момент посещения квартиры Хаджиевой не удавалось, члены группы содействия запоминали его лицо и внешний облик. Были случаи, когда они по собственной инициативе устанавливали местожительство этого человека или адрес его работы. Таким путем с помощью общественности установили 11 человек, передавших Хаджиевой и Майорову в виде взяток от 5000 до 7000 руб. каждый. Двум из этих граждан члены группы содействия посоветовали явиться в прокуратуру и рассказать правду. Благодаря этому к следователю пришли с повинной Оленникова, а затем Коростиенко. Коростиенко рассказала также о том, что проживающая недалеко от нее Ткаченко также дала Хаджиевой 7000 руб. и что посредником в этой операции была некая Салова.

Установленные нами масштабы преступной деятельности заставили нас вновь пересмотреть вопрос о мере пресечения Хаджиевой. Она была арестована.

Для выявления остальных взяткодателей решили прибегнуть к печати. С этой целью в газетах «Кабардино-Балкарская правда» и «Коммунизмge Жол» была опубликована статья прокурора города. В ней говорилось о том, что Хаджиева, распуская слух о своих больших связях, убеждала доверчивых людей в том, что за приличную сумму может оказаться им содействие в получении жилой площади. Статья заканчивалась призывом: «Долг каждого честного человека — сообщить в прокуратуру обо всем, что ему известно по этому делу».

После опубликования статьи в прокуратуру города стали поступать новые сведения о преступной деятельности Хаджиевой и ее подручных: одни писали анонимные письма, другие звонили по телефону, а восемь человек явились лично, рассказав о даче ими взяток Хаджиевой. Один из явившихся с повинной — Дурнев предъявил расписку, согласно которой Хаджиева получила от него 10 700 руб. Эта сумма превышала обычную «таксу» Хаджиевой. Оказалось, что она обещала Дурневу помочь приобрести, кроме квартиры, еще легковую автомашину.

Всего за период с 1956 по 1959 год Хаджиева при активном содействии Майорова получила под видом взяток от 34 граждан Нальчика 151 200 руб. При этом Хаджиева шла на всякие уловки: одному показывала недостроенный дом, гарантировав в нем коммунальную квартиру, у другого брала паспорт, якобы для оформления ордера, третьему устраивала встречу с «депутатом горсовета», в присутствии обманутых граждан звонила ему по телефону, требуя немедленного предоставления квартиры.

Тщательная проверка показала, что ни один факт предоставления жилой площади не был связан с какими-либо отклонениями от законного порядка.

Так удалось развеять ложный слух о предоставлении жилой площади за взятки.

Выше уже говорилось об изъятиях при квартирном обыске у Хаджиевой трудовой книжки на имя Мозговой Н. П. и о возникшем предположении о совершении

Хаджиевой преступлений, связанных с трудовыми книжками.

Коростиенко показала, что со слов Саловой ей известно, будто Хаджиева каким-то путем оформила пенсию для Ткаченко. У последней изъяли трудовую книжку и пенсионное удостоверение, из которых было видно, что Ткаченко А. С. получает пенсию по старости.

В трудовой книжке содержались записи о стаже работы Ткаченко в Нальчикском городском дезинфекционном пункте в течение 20 лет. Эти записи были заверены печатью гордезпункта, где заведующим работал Майоров. Между тем имевшаяся в книжке подпись заведующего гордезпунктом не была похожа на подпись Майорова. К этому времени следствие располагало большим количеством расписок, выданных Хаджиевой. На одной из них стояла подпись «Мормуль» — девичья фамилия Хаджиевой.

Точно такая же подпись была в трудовой книжке. Все другие записи в ней также оказались выполнеными рукой Хаджиевой.

Как показала Ткаченко, Салова познакомила ее с Хаджиевой, которая предложила ей за 1200 руб. помочь незаконно оформить пенсию. Ткаченко дала Хаджиевой просимую сумму и через несколько дней та вручила ей трудовую книжку, по которой через несколько дней Ткаченко назначили пенсию.

Нетрудно было предположить, что этот случай не единичен.

Майоров показал, что в трудовой книжке на имя Ткаченко он заверил фиктивные записи по просьбе Хаджиевой, не преследуя никакой корыстной цели. На вопрос о том, сколько всего было выдано фиктивных трудовых книжек, он признал два или три случая, пояснив, что лица, которым были выданы эти документы, он не помнит.

Затем была допрошена Хаджиева. Она прежде всего пыталась узнать, каким путем удалось раскрыть эти факты. Тактика ее защиты состояла в том, чтобы представить Майорова организатором всех преступлений, а себя — второстепенным исполнителем. Поэтому она опасалась, что Майоров признается раньше нее. Полагая, что из желания поставить себя в более выгодные условия она постараится восполнить показания Майорова,

мы ознакомили Хаджиеву с протоколом его допроса. Расчет оказался верным. Хаджиева рассказала о многих фактах незаконного назначения пенсий по подложным документам.

Не зная фамилий получателей подложных трудовых книжек, она изъявила желание указать их местожительство.

Хаджиеву под конвоем вывезли в город и в течение нескольких часов по ее указанию изъяли подложные трудовые книжки у пяти граждан.

Внезапное появление следователя вместе с Хаджиевой действовало на лжепенсионеров ошеломляюще. Они тут же признавались в незаконном получении пенсии и уплате Хаджиевой вознаграждения за фабрикацию трудовых книжек.

Поскольку не исключалось, что обвиняемые снабдили поддельными документами так же и своих родственников, мы выявили из их числа возможных кандидатов на пенсию и, проверив в горсобесе списки пенсионеров, установили, что с 1956 года незаконно получала пенсию мать Хаджиевой.

Расследованием было также установлено, что в 1954—1957 гг. Хаджиева, работая секретарем-машинисткой в республиканской больнице, похитила 10 бланков трудовых книжек, заверив их печатью больницы.

Казалось, что следствие благополучно заканчивается. Виновные признались в совершенных преступлениях. Однако критический анализ материалов дела давал осуждение полагать, что раскрыты не все преступления.

Таким основанием, в частности, являлось следующее сообщение: Ткаченко назначили пенсию 2 июня, а факт использования ею подложных документов установлен 28 июля. Между тем, пенсию она еще ни разу не получила. По-видимому, узнав о возбуждении уголовного дела, кто-то из работников горсобеса, находившийся в преступной связи с Хаджиевой и Майоровым, из предосторожности не предъявил пенсионное дело к оплате. Других причин к задержке выплаты пенсии не было.

Изобличенные в незаконном получении пенсии граждане показали, что ни с кем из работников горсобеса они не связаны, получать пенсию им помогала только Хаджиева. Как Майоров, так и Хаджиева категорически

отрицали причастность кого-либо из работников горсобеса к незаконному назначению пенсий.

Допросы работников горсобеса ничего не дали.

С целью установления других фактов фабрикации трудовых книжек решили организовать массовую проверку пенсионных дел в горсобесе для отбора тех из них, в которых имеются документы с печатями республиканской больницы и Нальчикского дезинфекционного пункта.

Несложная по своему содержанию, но громоздкая по объему работа могла затянуть следствие. Чтобы ускорить ее, мы обратились к членам Совета пенсионеров и с их помощью отбор нужных дел закончили за короткий срок. Из числа отобранных дел нужно было выявить те, в которых содержались поддельные документы. Протасматривая дела, мы обращали внимание не только на внешний вид, но и на содержание документов, на их стиль.

Почти все заявления с просьбой о назначении пенсии по поддельным документам заканчивались одной и той же фразой: «Другой пенсии не получаю». Такой же фразой заканчивалось заявление, содержащееся в пенсионном деле Ткаченко и написанное рукой Хаджиевой. Это давало основание предположить, что все заявления были написаны или самой Хаджиевой, или по крайней мере под ее диктовку. Заключительные штрихи подписей в трудовых книжках были одинаковы и похожи на окончание подпись Хаджиевой.

Во всех этих трудовых книжках указывался продолжительный стаж работы в республиканской больнице и городском дезинфекционном пункте, причем первоначально значилась работа в больнице, а затем уже в городском пункте. Объяснялось это тем, что Хаджиева на первой странице похищенных бланков, трудовых книжек в свое время поставила печать больницы.

Имеющиеся в пенсионных делах некоторые копии паспортов и трудовых книжек оказались заполненными рукой Хаджиевой.

Анализ документов при массовой проверке дал возможность выявить и другие пенсионные дела, в которых находились поддельные документы. Таким путем установили еще шесть случаев незаконного получения пенсий.

При сопоставлении различных документов, находящихся в этих делах, оказалось, что некоторые из них написаны одним и тем же почерком, не похожим на почерк Хаджиевой или Майорова. Допросом лжепенсионеров установили, что их подстрекала к приобретению подложных документов и незаконному оформлению пенсии некая Ильинская. За посредничество она получала от 500 до 1000 руб. Одна из лжепенсионеров, кроме того, показала, что заявление и другие документы ей писала Ильинская. По получении таких показаний у Ильинской было произведен обыск. Еще до этого Ильинская скрылась от следствия.

При обыске обнаружили чистый конверт, с внутренней стороны которого имелась запись адреса без указания фамилии и имени. На вопрос, чей это адрес, мать Ильинской заявила, что не имеет об этом представления, местопребывание дочери ей неизвестно. Далее обнаружили два письма, из которых явствовало, что мать недавно ездила к дочери в Пензенскую область и знает, где та в настоящее время проживает. Уличенная в обмане, мать Ильинской назвала адрес дочери, который совпал с адресом, обнаруженным на внутренней стороне чистого конверта.

На другой день по нашей телеграмме Ильинскую задержали в селе Башмаково, Пензенской области.

После этапирования Ильинской в г. Нальчик она на допросе показала, что ее мать также получала пенсию по поддельным документам. Однако пенсионного дела матери Ильинской в горсобесе не оказалось.

Исчезновение пенсионного дела еще раз подтверждало, что кто-то из работников горсобеса связан с незаконным назначением пенсий.

При изучении личности работников горсобеса стало известно о систематическом пьянстве инспектора Серебрякова и бывшего заведующего Похлебина, в то время как зарплата каждого составляла 600 руб. в месяц. Однако это, равно как и факты приема поддельных документов для назначения пенсий, не могло еще служить основанием для привлечения их к уголовной ответственности.

Правильная тактика допроса приобретала решающее значение для изобличения Серебрякова и Похлебина.

Серебрякова ознакомили с новым уголовным законодательством, и, в частности, с положением о том, что чистосердечное признание является смягчающим вину обстоятельством.

Серебряков сильно нервничал, руки его дрожали, ответы были нелогичны. В критический момент мы описали ему одно из его посещений квартиры Хаджиевой, о чем имели подробные сведения. Серебряков не выдержал и стал излагать историю преступной связи с Хаджиевой, с которой он познакомился и начал совершать преступления два года назад.

Только после его признания Хаджиева рассказала о своей преступной связи с ним и бывшим заведующим Нальчикского горсобеса Похлебиным.

Для раскрытия преступлений в полном объеме мы вновь прибегли к помощи общественности. Было созвано собрание пенсионеров города, на котором присутствовало несколько сот человек. Собранию мы рассказали о преступных действиях Хаджиевой, Майорова и других.

Кроме того, были проведены беседы с различными коллективами трудящихся, во время которых мы рассказывали об этом деле и призывали население оказать помощь следственным органам в разоблачении аферистов и расхитителей. Общественность города откликнулась на наш призыв. Трудящиеся приходили в прокуратуру и заявляли, что такая-то гражданка или гражданин никогда не работали на предприятиях и учреждениях, а пенсию получают.

В результате проверки этих заявлений еще ряд лиц были изобличены в незаконном получении пенсий.

С помощью общественности удалось полностью раскрыть преступную деятельность бывшего заведующего Нальчикским горсобесом Похлебина. По сигналу граждан о том, что некая Безуглая каким-то образом добилась незаконного назначения пенсии, мы допросили ее соседей и родственников. Они показали, что Безуглая никогда нигде не работала. В горсобесе изъяли ее пенсионное дело, из которого было видно, что ей назначена пенсия в размере 300 руб. и она уже успела получить 10 500 руб.

В пенсионном деле оказался заполненный рукой Похлебина протокол о восстановлении стажа работы Бе-

зуглой. В качестве свидетелей, подтвердивших стаж ее работы, значились Озерной и Дикун. Первый на допросе показал, что он не расписывался в протоколе и о работе Безуглой ему ничего неизвестно, второй пояснил, что Безуглая «обещала ему на пол-литра» и он расписался в протоколе, причем Похлебин вовсе и не спрашивал его о работе Безуглой.

После этого Безуглую признала, что документы сфабриковал заведующий горсобесом Похлебин, который систематически пьянился с ее покойным мужем, что она не имеет трудового стажа, необходимого для назначения пенсии, о чем Похлебину было известно.

Всего нами установлены 21 случай незаконного назначения пенсий по поддельным документам и хищение пенсионных средств на сумму 105 тыс. руб. Этот ущерб удалось возместить изъятием ценностей и описи имущества обвиняемых.

Под видом взяток за предоставление жилой площади аферисты получили от граждан 151 тыс. руб. Взяточодателей к уголовной ответственности решили не привлекать, ограничившись в отношении их мерами общественного воздействия. При этом мы учитывали, что большинство из них явились с повинной и активно участвовали в разоблачении аферистов, а остальные стали жертвами обмана и вымогательства.

Наши представления об этих лицах были рассмотрены общественными организациями. Так, завком Станкостроительного завода сообщил в прокуратуру о том, что действия взяточодателя Середина обсуждались на общем профсоюзном собрании, коллектив завода обсудил его поступок и вынес ему общественное порицание.

Уголовное дело было разделено на два самостоятельных производств: дело о мошенническом получении денег под видом взяток за предоставление жилой площади и дело о хищении пенсионных средств.

Оба дела слушались выездной сессией суда. По делу о хищении пенсионных средств участвовал общественный обвинитель, работник Министерства социального обеспечения РСФСР т. Баранов. Государственное обвинение поддерживалось прокурором города. Все привлеченные к ответственности были осуждены. Материалы процессов освещались в печати.

Старший следователь
прокуратуры Сталинградской
области юрист 1-го класса
И. В. Калайтанов

ПОМОЩЬ ОБЩЕСТВЕННОСТИ ОБЕСПЕЧИЛА БЫСТРОЕ РАСКРЫТИЕ УБИЙСТВА

В последнее время неизмеримо возросла роль общественности в проводимых мероприятиях по предупреждению преступлений. Однако не менее важную роль общественность играет при расследовании преступлений и розыске преступников. Порой даже самые сложные и тщательно замаскированные преступления раскрываются успешно и быстро, если к расследованию привлекается широкий круг общественности.

О том, как с помощью общественности в течение нескольких дней было раскрыто убийство гражданки Салава и ее сына Модриса, я и хочу поделиться на страницах «Следственной практики».

Во второй половине дня 17 января 1960 г. поселку Дубовая Балка, расположенному на северо-западной окраине Сталинграда, распространилась тревожная весть о том, что недалеко от поселка в овраге лежат трупы женщины и ребенка. Эту весть принесли в поселок проживавшие в нем 12-летние пионеры Толя Галунин и Володя Разоргин, которые, катаясь на коньках по дну оврага, обнаружили там трупы. О страшной находке они рассказали родителям, а те немедленно сообщили в милицию.

На место происшествия выехал следователь прокуратуры Сталинского района Сталинграда т. Шевцов в сопровождении судебномедицинского эксперта, сотрудника научно-технического отдела милиции и понятых.

РЕПОЗИТОРИЙ ГДР

При осмотре было установлено, что труп женщины в возрасте 23—25 лет и труп мальчика в возрасте до одного года лежат на дне глубокого оврага в 300 м от шоссе Стalingрад—Гумрак. В области головы и лица трупа женщины имелось множество глубоких ссадин, а шея трупа была тугу затянута шарфом, завязанным пятью узлами. Пальто и платье на груди женщины были расстегнуты и подняты выше бедер. Шею трупа мальчика перетягивал жгут из ползунков, а во рту был кляп из фланелевой распашонки¹.

Между шоссе и местом обнаружения трупов на снегу имелись три дорожки следов ног человека: две, ведущие к месту происшествия, и одна — в сторону шоссе.

Рядом с трупами на снегу лежали дамская хозяйственная сумка, предметы детской и женской одежды, игрушки и мужская рубашка со следами крови на рукавах.

Никаких документов, удостоверяющих личность убитых, при осмотре не обнаружили.

Снег запорошил трупы и следы ног, некоторые вещи, лежавшие на месте происшествия, вмерзли в лед. Между тем, в день обнаружения трупов снегопада не было. Это обстоятельство дало основание полагать, что убийство совершено несколько дней назад. Смерть женщины, по заключению судебномедицинского эксперта, наступила от асфиксии, вызванной сдавливанием шеи петлей, а смерть ребенка — от перелома костей свода черепа с повреждением вещества мозга и обширных повреждений внутренних органов, возникших от ударов тулем предметом с большой силой. Смерть обоих наступила за четыре дня до момента осмотра, т. е. 13 января 1960 г.

По данному факту т. Шевцовым было возбуждено уголовное дело, которое на следующий день передали мне для дальнейшего расследования.

Результаты осмотра места происшествия позволяли судить о многом.

Две дорожки следов, ведущие от шоссе к месту убийства, и одна, ведущая в противоположную сторо-

¹ Вследствие того, что трупы вмерзли в лед и снять с них одежду было невозможно, детальный их осмотр произвели в морге.

ну, давали возможность предположить, что убийца был один и шел вместе с женщиной, впоследствии оказавшейся убитой (ребенок находился у кого-то из них на руках). Наличие вещей и других ценностей на месте происшествия отвергало версию об убийстве с целью ограбления. Этот вывод косвенно подтверждался и другим обстоятельством: грабитель вряд ли убил бы грудного ребенка, который не мог служить ему помехой в ограблении и впоследствии изобличить его.

Положение трупа женщины и состояние ее одежды могло свидетельствовать об изнасиловании с последующим убийством. Однако и в этом случае возникал вопрос о мотивах убийства ребенка.

Отдаленность места происшествия от поселка, отсутствие каких-либо дорог и тропинок в этом направлении, разбросанная по снегу женская и детская одежда давали основание предположить следующее:

а) потерпевшая является приезжей, впервые оказавшейся в Стalingраде и его окрестностях, ибо мало вероятно, чтобы женщина, хорошо знающая окружающую местность, могла с грудным ребенком на руках пойти зимой в овраг, куда не ведет ни одна дорога;

б) потерпевшую обманул путем завел в безлюдное место близкий ей человек и там убил.

В связи с этим возникла версия о том, что убийцей мог быть муж потерпевшей, который решил избавиться от нее и ребенка, чтобы не платить алиментов или развязать себе руки для вступления в новый брак.

Для проверки как этой, так и других версий требовалось немедленно установить личность убитых. В этом направлении и началось расследование дела.

При проверке предположения, не является ли потерпевшая приезжей и не сдавала ли она часть своих вещей в камеру хранения, наше внимание привлекло следующее обстоятельство: в камере хранения станции Стalingrad-1 находились невостребованные с 13 января 1960 г. небольшой чемодан и сумка с вещами, в том числе и детскими, на имя Мотовсова. Такой продолжительный срок невостребования ручной клади, как пояснили работники вокзала, явление в Стalingrade довольно редкое. Мы решили вскрыть чемодан и осмотреть его содержимое. Чемодан оказался незапертый. В нем, кроме детской одежды, игрушек и про-

дуктов, нашли черный креп-сatinовый галстук фасона «регата», который обычно носят моряки Морского флота, газету «Правда» на латышском языке за прошлый год из г. Лиепая Латвийской ССР, а под газетой — нарисованный карандашом портрет молодой женщины, очень похожей на убитую.

Кладовщица камеры хранения Викулина, принимавшая эти вещи, вспомнила, что сдавал их 13 января 1960 г. после прибытия московского поезда № 68 молодой мужчины, внешность которого она не запомнила.

Возникло предположение, что вещи, обнаруженные в камере хранения, принадлежат погибшей, прибывшей из г. Лиепая, по национальности латышке. Морской галстук, очевидно, принадлежит служившему в Морском Флоте знакомому или близкому ей мужчине, который мог сдать эти вещи в камеру хранения.

Но имевшихся данных, как мы хорошо понимали, было совершенно недостаточно, чтобы прийти к правильному выводу о личности потерпевших. Тогда мы решили обратиться за помощью к общественности.

С этой целью во все отделы и отделения милиции города и области разослали соответствующие ориентировки и размноженные опознавательные фотоснимки трупов с предложением информировать о происшедшем общественные организации, добровольные народные дружины, уличные комитеты, управляющие домами, коллективы предприятий и учреждений. Аналогичные просьбы высказали и за пределы Сталинградской области, а в г. Лиепаю командировали работника уголовного розыска.

Обращаясь к общественности с просьбой сообщить нам о всех случаях неожиданного исчезновения женщины с ребенком или выезда их в Сталинград, мы надеялись на активную помощь со стороны советских людей. Как и следовало ожидать, у нас оказалось много помощников. Люди, узнав о трагедии в Дубовой Балке, приходили в прокуратуру, звонили по телефону, писали нам, сообщая те или иные факты и сведения, которые, по их мнению, необходимо было проверить.

Мы также собрали работников вокзала станции Сталинград-1, дежуривших в сменах 12 и 13 января 1960 г., которым сообщили о случившемся и предъя-

вили опознавательные фотографии трупов — неизвестной женщины и ребенка. Перонные контролеры Малышева, Субботина, Гринченко и Мозговая опознали в убитых пассажиров, прибывших в Сталинград 13 января 1960 г. в 7 час. 45 мин. поездом № 68 Москва — Сталинград. Они хорошо их запомнили, так как потерпевшая, выйдя из вагона с ребенком и вещами, задала им несколько вопросов о расположении камеры хранения, зала ожидания и т. п., а также воспользовалась их услугами в переноске вещей.

После допроса Малышевой, Субботиной, Гринченко и Мозговой им предъявили чемодан и сетку, сданые в камеру хранения на имя Мотосова. Они опознали вещи как принадлежавшие той неизвестной приезжей женщине. Таким образом, мы с достоверностью установили, что потерпевшая прибыла в Сталинград 13 января 1960 г. поездом № 68 Москва — Сталинград, но, кто она, оставалось неизвестным.

24 января 1960 г. штукатур одного из строительных участков Сталинграда, комсомолка Четвертухина сообщила нам очень важные сведения. Будучи в отпуске у родных в хуторе Моховом Урюпинского района Сталинградской области, она узнала, что ее односельчанин Климов, недавно демобилизовавшийся из Военно-Морского флота, после неудачной попытки разойтись со своей женой Салава, проживавшей в хуторе Моховоем у его родных, 12 января 1960 г. вместе с ней и 10-месячным сыном Модрисом выехал в Сталинград.

В тот же день аналогичное сообщение поступило от жительницы того же хутора Гущиной, которая хорошо знала жену и ребенка Климова и вместе с ними ехала в поезде от станции Калмык до станции Поворино, откуда 12 января 1960 г. Климов с семьей выехал в Сталинград поездом № 68.

Четвертухина и Гущина опознали в предъявленных им трупах жену Климова — Салава и их сына Модриса. В ночь на 25 января Климов был задержан в Сталинграде и на первом допросе сознался в убийстве жены и ребенка.

Климов, находясь на службе в Военно-Морском Флоте, в г. Лиепая зарегистрировал брак с Салава. В октябре 1959 года он уволился в запас и вместе с женой и сыном уехал к своим родным, на хутор Мохово-

вой Сталинградской области. Через месяц Климов, оставил жену с сыном у своих родных, выехал в Сталинград, где устроился на работу. Здесь же он познакомился с П. Скрысь от нее, что имеет семью, он собирался на ней жениться. Однако помехой осуществлению этого намерения явились его жена и сын. Климов решил избавиться от них.

Вначале он пытался отправить жену с ребенком обратно в г. Лиепаю, однако сделать это ему не удалось. Тогда у Климова созрела мысль убить их. С этой целью он приехал с женой и сыном в Сталинград, сдал чемодан и сетку жены в камеру хранения на вымышленную фамилию и поехал вместе с семьей к своему родственнику. Вечером Климов предложил жене поехать на квартиру к его знакомым, где он собирался якобы устроить их жить на некоторое время. Пользуясь тем, что жена совершенно не знала окрестностей Сталинграда, Климов завел ее в овраг у Дубовой Балки и там убил сначала ее, а затем и сына.

В целях скрытия преступления он уничтожил все документы. Через неделю, однако, преступник был задержан и разоблачен.

Так обращение к общественности помогло быстро раскрыть тяжкое преступление. Сталинградский областной суд, рассматривавший это дело, приговорил Климова к расстрелу.

Старший следователь
прокуратуры Саратовской области
младший советник юстиции
В. А. Дубровин

«МЕДВЕЖАТНИКИ»

За время с декабря 1958 года по апрель 1959 года неизвестные преступники трижды взламывали сейфы в различных учреждениях Саратова, похищая при этом значительные суммы.

Первыми были взломаны железные ящики базы межханизации треста «Саратовнефтепроводстрой». Ограбление было совершено в ночь, последовавшую за днем выдачи зарплаты работникам базы. Пробив ломом отверстие в верхней крышке большого ящика и сорвав у малого ящика, стоявшего в этой же комнате, навесной замок, преступники похитили 28 076 руб.

При осмотре места происшествия на стенах ящиков удалось обнаружить нечеткие отпечатки ткани, по форме похожие на следы пальцев в перчатках. Пол в комнате, где стояли ящики, оказался обильно посыпанным махоркой.

Прошло около трех месяцев, и взломщики вновь дали о себе знать. На этот раз в помещении сберегательной кассы поселка Еланка преступники взламывали уже не железные ящики, а настоящий толстостенный стальной сейф. По следам на сейфе можно было видеть, как они бесплодно пытались просверлить стенки сейфа и отогнуть его верхнюю обшивку. Похитить деньги преступники так и не смогли. На стенах сейфа и в этот раз были выявлены неясные отпечатки ткани, а пол около сейфа оказался обильно посыпанным махоркой.

И, наконец, через 20 дней после неудавшегося взлома сейфа в сберегательной кассе стало известно о новом

РЕПОЗИТОРИЙ ГУР

взломе, на этот раз сейфа строительного управления № 1 (СУ-1) треста «Саратовнефтепроводстрой», откуда преступники похитили 85 708 руб., в основном мелкими купюрами по 5—10 руб. Такая значительная сумма оказалась в сейфе потому, что днем раньше, во второй половине дня 11 апреля, СУ-1 получило деньги для выдачи зарплаты. Лицам, не успевшим получить зарплату в этот день, должны были выдать ее в понедельник 13 апреля. 12 апреля 1959 г. в четыре часа утра сторож СУ-1 Иванова сообщила по телефону дежурному РОМ о том, что неизвестные преступники связали ее, взломали сейф и скрылись.

На место происшествия немедленно прибыли дежурный следователь прокуратуры и работники милиции.

При осмотре установили, что преступники выставили стекло в одной из комнат здания управления. Затем они проникли в коридор, а оттуда, взломав дверь, в помещение бухгалтерии, где находился сейф. Сейф имел два замка: основной и замок усиления. Вокруг обоих замков по кругу, вплотную друг к другу было высверлено большое количество отверстий так, что они оказались соединенными между собой. Высверленная часть металлической облицовки двери сейфа была отогнута. Сувалды основного замка оказались сдвинутыми вправо, а сувалды замка усиления лежали на дне замочной коробки в деформированном состоянии. Под комнаты, особенно вокруг сейфа, как и в предшествовавших случаях, оказался густо посыпанным махоркой. При осмотре окружающей местности в 300 м от СУ-1 нашли электродрель, принадлежавшую, судя по ее номеру, СУ-1, а неподалеку — пару белых нитяных перчаток.

Сторож Иванова сообщила, что в два часа ночи она, находясь в кабинете начальника управления, услышала скрип двери, в темноте вышла в коридор и увидела какого-то мужчину, который сказал ей: «Войди обратно!» — и втолкнул в кабинет. Там неизвестный заставил ее лечь на диван лицом вниз и связал ей руки за спиной. Она слышала, как взламывали дверь в бухгалтерию и как сверили сейф. Лица, охранявшие Иванову, менялись. По ее представлению преступников было не менее трех человек. Когда все стихло и преступники ушли, Иванова

сама освободилась от веревок и тут же позвонила в милицию.

Расследование этого преступления поручили мне. Попытки выяснить какие-либо дополнительные обстоятельства, которые позволили бы установить преступников, окончились безрезультатно, описать их внешний вид Иванова не смогла. Значит, эти обстоятельства следовало устанавливать тщательным анализом имеющихся материалов данного дела, а может быть, и двух других, к тому времени уже прекращенных производством из-за необнаружения преступников.

При изучении немногочисленных документов, находящихся в трех уголовных делах, мне удалось найти общие для этих дел характерные особенности.

Все взломы совершались в ночное время в организациях, расположенных в одном районе города. Ограбление сейфов базы механизации и СУ-1, которые входят в один и тот же трест, произошло в ночь после получения этими организациями денег для выдачи зарплаты. Преступники применяли аналогичные способы проникновения в помещения и способы взлома, в некоторой степени «совершенствуя свое мастерство». Последний взлом совершался с помощью электродрели, которая, судя по ее заводскому номеру, принадлежала СУ-1.

При осмотрах обнаруживались следы ткани, возможно, перчаток. Во всех случаях преступники посыпали пол махоркой для того, чтобы служебно-розыскная собака не смогла взять след.

Это небольшое обобщение позволяло сделать два предположения:

все преступления совершены одной и той же группой лиц;

все участники этой группы либо кто-то из них работал в системе треста, так как хорошо знал планировку помещений, в каждом случае был осведомлен о наличии денег в сейфах и был вооружен инструментом, принадлежащим СУ-1.

Исходя из этих предположений, я решил попытаться найти возможных участников преступлений среди работников СУ-1 или базы. Для этого следовало прежде всего установить: а) кого из работников СУ-1 не было дома

в ночь с 11 на 12 апреля 1959 г. и б) кем была получена электродрель, обнаруженная на месте происшествия.

Большинство работников базы и СУ-1 жили в поселке «Строитель», находящемся в районе расположения базы. Поэтому оперативным и следственным путем удалось установить тех жителей поселка, которые вернулись домой после двух часов утра 12 апреля 1959 г. Таких было много, среди них Евстигнеев и Семенов, проживавшие в одном из бараков общежития.

Характеристика, которую им дали допрошенные мною работники отдела кадров СУ-1, была явно отрицательной. Оказалось, что Евстигнеев за систематические прогулки уволен в феврале 1959 года и с тех пор нигде не работал. Несмотря на это, он хорошо одевался и часто пьянистовал в компании с Семеновым, с которым очень дружил.

Вызвал подозрение и некий Сорокин, также работавший в СУ-1. Обнаруженная на месте происшествия электродрель значилась за одним из рабочих СУ-1, который на допросе заявил, что эту дрель у него на время взял Сорокин.

13 апреля я пригласил на допрос Евстигнеева, а затем и Семенова для выяснения основного вопроса — где они находились в ночь с 11 на 12 апреля 1959 г. Оба упорно утверждали, что были на танцах до 11 часов вечера и ничего об ограблении не знают.

К 15 апреля показания Евстигнеева и Семенова проверили. Присутствие их на танцах не подтвердилось. Не подтвердилось также и то, что они находились после 11 часов дома. Выяснилось, что Евстигнеев и Семенов были дружны еще до их приезда в Саратов. Мои подозрения об участии обоих в преступлении окрепли.

В конце дня 15 апреля я снова вызвал Семенова на допрос. Чувствуя, что из двух подозреваемых Семенов скорее расскажет, где в действительности он находился с Евстигнеевым в ночь с 11 на 12 апреля, я предъявил ему данные, опровергающие его первоначальные показания.

Реакция Семенова оказалась для меня неожиданной. Он замолчал и отказался отвечать на вопросы, а на другой день сам захотел дать показания.

Его показания сводились к тому, что он, Евстигнеев, и еще двое неизвестных ему, но знакомых Евстигнееву лиц взломали сейф с помощью электродрели, взяли оттуда деньги, которые затем разделили между собой. Семенов подробно рассказал, где он закопал свою долю. С помощью работников милиции я в присутствии понятых осмотрел три ямы, указанные Семеновым, и обнаружил в них 18 273 руб.

Убедившись в правильности показаний Семенова, я немедленно задержал Евстигнеева. Через жителей поселка ему сразу же стало известно об обнаружении скопанных Семеновым денег. Первый допрос, на который я вызвал Евстигнеева почти сразу после совершения им ограбления, ожидание ареста и задержание Семенова, обнаружение спрятанных денег и внутренняя уверенность в том, что Семенов все рассказал — в значительной мере надломили волю Евстигнеева к сопротивлению.

Этим, вероятно, и объясняются первые сказанные им слова: «Гражданин следователь, скажите, в чем наша ошибка, почему вы нас так быстро нашли?» Одной этой фразой Евстигнеев подтвердил свое участие в ограблении. В ходе допросов Евстигнеев рассказал, что совместно с Семеновым, Сорокиным, Пресмыцким и Маевым он совершил ограбление сейфов на базе и в СУ-1 и пытался взломать сейф в сберегательной кассе.

Этими показаниями закончился решающий этап в раскрытии преступления. Позже Евстигнеев подробно рассказал, как он сам, Пресмыцкий и Маев взломали сейф базы и что после дележа денег Маев уехал из Саратова. Сейф в сберегательной кассе взламывал он с помощью коловорота при участии Сорокина, Пресмыцкого и Семенова, который принес коловорот. Однако взломать сейф они не смогли, сверло быстро затупилось, и сверлить коловоротом было очень трудно. Тогда же участники преступления решили следующий взлом совершить с помощью электродрели. Электродрель достал Сорокин. Выбрав день зарплаты в СУ-1, они решили похитить деньги из сейфа. Дрелью орудовал Сорокин, который, боясь оставить следы своих пальцев, одел перчатки. На вопрос, куда он дел свою долю похищенного, Евстигнеев рассказал, что вначале

он спрятал деньги вместе с деньгами Семенова, но затем, опасаясь, как бы тот его не обманул, выкопал 14 000 руб. и отдал на сохранение своему знакомому Сомову, пообещав ему за это 1000 руб.

Немедленно были направлены оперативные группы для задержания Пресмыцкого, Сорокина и Сомова и производства у них обысков. Одновременно я принял меры для установления местонахождения Маева. При обыске у Сомова удалось без особого труда обнаружить 14 000 руб. Сомов сразу же подтвердил показания Евстигнеева.

Задержали также и Пресмыцкого, но похищенные им деньги обнаружить при обыске не удалось. Увидев на столе следователя деньги, изъятые у Семенова и Евстигнеева, он понял, что они изобличены и бессмысленно отрицать свое участие в хищении. После этого он рассказал, где им была зарыта его доля похищенного. Таким образом, еще 19 049 руб.—доля Пресмыцкого—также появились на столе следователя.

Оперативная группа, направленная на задержание Сорокина, вернулась ни с чем. Позже выяснилось, что Сорокин видел, как производили обыск у Евстигнеева, и скрылся. Задержать его удалось 17 апреля около двух часов ночи, когда он пытался проникнуть к себе в квартиру через окно.

На допросе Сорокин категорически отрицал свое участие в ограблении сейфов.

Однако после того, как он узнал, что остальные участники преступления признали себя виновными, его упорство несколько поколебалось. Окончательно Сорокин пришел к убеждению в бессмыслиности запирательства после того, как я сообщил ему о подробностях совершенного им преступления, в частности, о том, что взломы он совершал, будучи в перчатках, что взял электродрель у своего знакомого, что и перчатки, и дрель он бросил, возвращаясь с места преступления, когда испугался проезжавшей патрульной милиционской автомашины. Кроме того, на одном из допросов Семенов сообщил о поездке всех участников преступления в Вязовский район с тем, чтобы посмотреть, нет ли возможности ограбить сейф местного отделения банка, при этом они останавливались в гостинице, куда сдавали свои паспорта. Когда я рассказал Соро-

кину и об этих деталях их преступной деятельности, он заявил: «Ну, теперь все, Ваша взяла». После этого Сорокин показал, где спрятана его «доля».

Всего у Евстигнеева, Пресмыцкого, Сорокина и Семенова изъяли 72 757 руб., похищенных ими из сейфа СУ—1, а в погашение ущерба, причиненного государству—имущество и деньги на сумму 12 500 руб.

19 апреля милиция задержала Маева, который на очной ставке с Евстигнеевым и Пресмыцким сознался в ограблении сейфа базы механизации.

Дальнейшим расследованием были проверены полученные доказательства и уточнены роли каждого из обвиняемых.

По моему мнению, в основном успех расследования определился правильным анализом материалов уголовных дел, четкой организацией работы, оперативным проведением следственных действий, чему в значительной мере способствовал деловой контакт в работе с органами милиции.

Заведующий циклом
кrimиналистики курсов
усовершенствования следователей
Прокуратуры СССР¹
младший советник юстиции
И. Е. Быховский

ОГОВОР ИЛИ ИЗОБЛICHENIE COУЧАСТИКОV ХИЩЕНИЙ?

— Этого не может быть! Тут какая-то ошибка! — таково было единодушное мнение работников Ленинградского областного отделения Главного аптечного управления (ЛОО ГАПУ), когда ревизор Субботина, возвратившись из Кировска после внеплановой ревизии, сообщила о недостаче в сумме 223 тыс. руб. у заведующей аптекой № 58 Евгении Васильевны Петровой.

Действительно, в этом сообщении было много непонятного. Как может недостача составить 223 тыс. руб., если в аптеке по бухгалтерским данным значится товаров всего на 417 тыс. руб., а проведенная три месяца назад инвентаризация никакой недостачи не установила? И потом — недостача у Петровой, той самой Петровой, которая была на отличнейшем счету? Ведь ей неоднократно объявлялись благодарности «за хорошую работу», «за перевыполнение плана», совсем недавно начальник отделения Олейникова выдала характеристику, где черным по белому значилось: «Петрова как работник дисциплинированна, энергична и трудолюбива... сохранность государственного имущества, доверенное ей, обеспечивает».

Правда, злые языки поговаривали, что между Петровой и руководителями ЛОО ГАПУ чесчур хоро-

¹ Во время расследования описываемого дела И. Е. Быховский работал в должности старшего следователя прокуратуры Ленинградской области.

шие отношения: кое-кто видел, как Петрова передавала главному бухгалтеру Макаровой какие-то свертки, кое-кто припомнил, что Петрова слишком часто заходила в кабинет к начальному отделения Олейниковой.

18 октября аптека № 58 была передана вновь назначенному заведующему. При передаче недостача возросла до 244 тыс. руб. Проверили еще раз все приходные и расходные документы — сомнений быть не могло, недостача определена правильно. Руководство ЛОО ГАПУ направило материал в районную прокуратуру.

Петрову задержали, а в ее квартире сотрудники милиции произвели обыск, которым, однако, «никаких вещей и предметов, относящихся к делу и подлежащих изъятию», обнаружено не было.

На следующий день помощник прокурора района допросил задержанную Петрову.

Высокая, худая, с резкими чертами лица женщина попросила разрешения собственоручно изложить свои показания и через некоторое время передала допрашивающему 17 страниц, исписанных ровным мелким почерком без каких-либо исправлений и помарок.

— Прочтите, — сказала она, — и вам все будет ясно.

Чем дальше углублялся помощник прокурора в чтение протокола, тем более он убеждался в том, что дело идет не об обычной недостаче.

«...Пять лет назад главный бухгалтер Макарова В. П. потребовала от меня предоставления ей ежемесячно наличными деньгами 1500—2000 руб. ...Кроме того, Макарова требовала от меня покупки вещей; в позапрошлом году я купила для ее дочери отрез шерсти серого цвета на летнее пальто, а до этого — отрез креп-де-шина стального цвета... в прошлом году три пыльника белого цвета...»

По словам Петровой, не отставала от Макаровой и управляющая отделением Олейникова. Она также систематически вымогала у нее крупные суммы денег, требовала покупки различных вещей, в связи с чем Петрова была вынуждена изымать деньги из кассовой выручки.

«...Макарова, — писала Петрова, — мне все время заявляла: «За исход инвентаризаций не беспокойтесь, а всю сумму расхода я при первой возможности погашу...»

Макарова предупреждала меня о плановых и внеплановых инвентаризациях, в доказательство у меня имеется ее письмо... Давая Макаровой деньги, я единственno могла надеяться на ее обещание, а потом уже мне стало ясно, что я являюсь жертвой руководящих работников ЛОО ГАПУ...».

Петрова также показала, что Олейникова передала ей в виде залога за взятые у Петровой деньги, похищенные последней из выручки, золотое кольцо с тремя бриллиантами. По словам Петровой, недостача в аптеке частично объясняется и кражами товаров, которые систематически совершали не материально ответственные работники аптеки. Об этом она якобы узнала от бывшего работника аптеки Жаровой.

По окончании допроса Петрова была арестована.

В связи с данными о причастности работников областного отделения к хищениям в аптеке № 58 уголовное дело направили в прокуратуру Ленинградской области, где я в то время работал старшим следователем. По указанию прокурора я принял его к своему производству.

На первый взгляд трудно было поверить, что преступникам удавалось скрывать недостачу в течение пяти лет, во время которых аптека подвергалась инвентаризации 19 раз. Сомнительным выглядело и заявление Петровой о том, что лично для себя она «ни копейки денег из кассы не брала. Однако при дальнейшем расследовании показания Петровой находили подтверждение.

В частности, 29 октября дальняя родственница Петровой — З. Ф. Красулина, работавшая секретарем Кировского городского исполнкома, представила в прокуратуру письмо от Макаровой на имя Петровой. Значение этого письма при расследовании дела было настолько велико, что необходимо привести из него выдержку:

«Евгения Васильевна!... На 1 октября у вас будет внеплановая инвентаризация, едет к вам Субботина. Подготовьте, чтобы в документах был порядок и чтобы сразу при ней сделать отчет. Думаю, что в остальном у вас все будет хорошо. Как новый бухгалтер? Как здоровье? Когда получите это письмо, позвоните мне. Привет маме. В. Макарова. 24 сентября».

31 октября другая родственница Петровой — Н. Ф. Красулина передала в прокуратуру золотое кольцо с тремя бриллиантами. При этом она рассказала, что 23 октября к ней зашла Петрова и сказала: «Нина, сохрани это кольцо как вещественное доказательство, оно принадлежит Наталье Семеновне Олейниковой».

Подтвердились показания Петровой и в отношении передачи Макаровой и Олейниковой предметов одежды и обуви. Их обнаружили при обысках у последних.

Выяснилось также, что руководство ЛОО допускало значительное превышение в аптеке № 58 нормативных остатков и не принимало надлежащих мер к уменьшению товарных запасов.

Санитарка аптеки Жарова сообщила на допросе о ряде известных ей фактов мелкого хищения товаров работниками аптеки.

Однако и Макарова, и Олейникова отрицали наличие какой-либо преступной связи между ними и Петровой. Обнаружение у них предметов одежды, полученных от Петровой, они объясняли тем, что Петрова по их просьбе приобретала эти, в то время дефицитные, предметы в Кировске, где их якобы легче было купить, причем утверждали, что за все товары они полностью расчитались с Петровой.

Золотое же кольцо, как показала Олейникова, она передала Петровой для продажи через знакомого ювелира. По словам Олейниковой, Петрова передала ей 2600 руб., вырученных от продажи кольца.

Макарова признала, что сообщила Петровой о предстоящей внеплановой (незапланированной) инвентаризации, однако утверждала, что допустила этот «должностной преступок» якобы с единственной целью — ускорить представление Петровой отчета. Наличие в аптеке № 58 сверхнормативных запасов она объяснила большим объемом работы, из-за которого она не смогла принять действенных мер к уменьшению товарных остатков аптеки.

Олейникова и Макарова категорически отрицали получение от Петровой каких-либо денежных сумм, похищенных из выручки аптеки.

Все говорило за то, что между Петровой, с одной стороны, и Макаровой и Олейниковой — с другой, существовали взаимоотношения, выходящие за рамки служебных. Вместе с тем следствие не располагало доказа-

РЕПОЗИТОРИЙ ГРУППЫ

тельствами, позволяющими сделать категорический вывод о том, что Петрова передавала деньги Макаровой. Однако вскоре эти данные удалось получить.

Допрошенная в качестве свидетеля З. Ф. Красулина показала, что однажды по просьбе Петровой она отвезла в ЛОО ГАПУ почтовый конверт и передала его Макаровой. По словам Красулиной, конверт был плохо за克莱ен в средней части, в пути она его немного откленала и увидела, что там лежат сложенные пополам сторублевые бумажки.

Учитывая показания Красулиной, установленный факт сообщения Макаровой даты внеплановой инвентаризации, показания Петровой и другие материалы дела, я арестовал Макарову и предъявил ей обвинение в хищении государственных средств.

Она не признала себя виновной и утверждала, что Красулина дает в отношении ее ложные показания.

Такова была ситуация, сложившаяся по делу на первом этапе расследования.

Дело о недостаче в аптеке № 58 представляет известный интерес с точки зрения работы с документами, выяснения личности обвиняемых и оценки доказательств на предварительном следствии.

Работа в различных направлениях в процессе расследования проводилась одновременно, но целесообразно рассказать о ней последовательно.

* * *

В какой период образовалась недостача в аптеке № 58? Каким образом она скрывалась при производстве 19 инвентаризаций? Кто причастен к сокрытию недостачи?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо было тщательно исследовать бухгалтерские документы, тем более, что Петрова уверяла, что не знает, как скрывалась недостача, ибо это без нее делали работники ЛОО.

Из бухгалтерии областного отдела пришлось изъять все экземпляры инвентаризационных ведомостей и отчеты Петровой за последние пять лет.

Помимо этого, из аптеки № 58 по отдельному требованию изъяли и доставили в Ленинград в опечатанных ящиках все документы, записи и черновики, относящие-

ся к деятельности Петровой. В областной прокуратуре в присутствии понятых — работников одной из аптек Ленинграда — эти ящики распечатали, а содержимое их рассортировали и тщательно осмотрели.

Среди вороха бумаг, записей и документов удалось найти ценнейшие доказательства, во многом обеспечившие установление истины по этому делу.

Одним из способов установления периода, в течение которого образовалась недостача, является исследование инвентаризационных ведомостей, поскольку при этом могут быть выявлены данные об их фальсификации.

Экземпляры инвентаризационных ведомостей аптеки № 58 изучались как изолированно, так и в сопоставлении с другими экземплярами той же ведомости.

При внимательном осмотре инвентаризационных ведомостей обращало на себя внимание то, что во втором и третьем экземплярах ведомости цифры, обозначающие количество некоторых товаров, располагались крайне неровно как относительно горизонтальной строки, так и относительно друг друга. Однако в первом экземпляре те же цифры были написаны ровно, без каких-либо особенностей (см. рис. 1).

Это навело на мысль о том, что неравномерность в расположении цифр во втором и третьем экземплярах ведомости — результат учинения кем-то приписок, выполненных после составления инвентаризационной ведомости. По-видимому, лицу, совершившему приписки, не всегда удавалось точно совместить текст первого экземпляра ведомости с текстами последующих экземпляров.

Почти во всех инвентаризационных ведомостях имелись неоговоренные исправления цифр, обозначающих количество товаров некоторых наименований.

Особенно много исправлений было обнаружено в ионьской инвентаризационной ведомости, составленной при инвентаризации, предшествующей обнаружению недостачи.

В связи с этим ведомость подвергли криминалистической экспертизе, давшей заключение, что по ряду позиций цифры, обозначающие количество товаров, имеют дописки и исправления в сторону увеличения количества товара. В конечном итоге сумма приписок в

Бало ртуты штука 15	450 бр.	бак -86	387-
Жидкое каменное 25 л	200 бр.	бр 77	154-
шило инструменты	2440	шт 140	
накетка 1= пакеты	3185	п.	1573-
Марки штуки	3202,5	шт	
Фрукты зернистые 400	400	шт 276	1104
Соль антисептик	223,410	куб 2,60	580-
Картонные	4	бр 145-15	

Бало ртуты штука 15	450 бр.	бак -86	
Жидкое каменное 25 л	200 бр.	бр 75	
шило инструменты	2440	шт 145	
накетка 1= пакеты	3185	п.	160
Марки штуки	3202,5	шт 136	
Фрукты зернистые 400	400	шт 260	
Соль антисептик	223,410	куб 150	

Бало ртуты штука 15.	150 бр.		
Жидкое каменное 25 л	200 бр.		
шило инструменты	2440		
накетка 1= пакеты	3185		
Марки штуки	3202,5		

Рис. 1. Три экземпляра одной и той же ведомости. Вверху — первый экземпляр, в середине — второй, внизу — третий. Во втором и третьем экземплярах в числах «2440», «3185» и «3202,5» хорошо видно смещение цифр относительно горизонтальной строки и друг друга.

денежном выражении составила по этой ведомости 106 884 руб. 38 коп.

Ввиду того, что эксперту-криминалисту пришлось исследовать значительное количество объектов, стоимость данной экспертизы составила 10 038 руб. В случае направления на криминалистическое исследование остальных 18 инвентаризационных ведомостей, издержки на экспертизу приблизились бы к сумме ущерба по делу. Поэтому решили не направлять остальные инвентаризационные ведомости в криминалистическую лабораторию, а ограничиться осмотром их с участием прокурора-криминалиста.

Осмотром были установлены многочисленные исправления в цифрах, обозначающих количество товара, во всех инвентаризационных ведомостях. Данные осмотра проиллюстрировали макроснимками¹, на которых эти исправления были ясно видны (рис. 2 и 3).

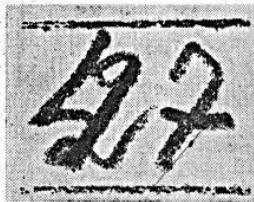

Рис. 2. Число «27» переделано на «47».

Рис. 3. Число «100» переделано на «125».

Положительные результаты удалось добить при сличении различных экземпляров одной и той же инвентаризационной ведомости.

Например, в первом протаксированном экземпляре нижнекамской инвентаризационной ведомости, который клядетсяся основу оценки наличных товарно-материальных

¹ Следует отметить, что в судебном заседании подобная форма исследования документов — вещественных доказательств не вызывала возражений сторон и состава суда.

Верховный Суд РСФСР, рассматривавший это дело в кассационном порядке, также не высказал каких-либо замечаний по этому поводу.

ценностей, некоторые товары значились в большем количестве, нежели во втором контрольном экземпляре¹, не подвергшемся таксировке (соответственно: 144 и 44; 410 и 1, 481 и 8 и т. п.).

Это также свидетельствовало об имевших место подлогах-приписках.

Поскольку контрольный экземпляр направлялся почтой в ЛЮО ГАПУ сразу же по окончании снятия натурных остатков, после чего члены комиссии приступали к таксировке первого и третьего экземпляров, можно было сделать вывод о том, что фальсификация ведомостей происходила не в момент снятия натурных остатков, а несколько позднее, в момент таксировки, в которой, как выяснилось «в порядке помощи ревизорам», принимала участие Петрова.

Одна из изучаемых ведомостей содержала внизу каждой страницы данные о количестве натуральных показателей², а также общий итог этих показателей в конце ведомости.

Было решено проверить, не внесены ли в инвентаризационную ведомость приписки после того, как ревизор проставил количество натуральных показателей. В связи с этим вновь подсчитали натуральные показатели по всей ведомости. Их оказалось 491. 298, 515. А между тем в конце инвентаризационной ведомости ревизор

¹ В соответствии с Инструкцией по инвентаризации основных средств, товарно-материальных ценностей, денежных средств и расчетов в предприятиях и хозяйственных организациях системы здравоохранения СССР 21 августа 1952 г. один экземпляр инвентаризационной ведомости после оценки и таксировки направляется в бухгалтерию вышестоящей организации не позднее трех дней по окончании перечета, другой экземпляр (без оценки и таксировки) направляется как контрольный в бухгалтерию вышестоящей организации немедленно по окончании перечета, и третий экземпляр остается у материально ответственного лица.

² В соответствии с упомянутой выше Инструкцией в конце каждой страницы инвентаризационной ведомости должно быть указано:

а) число порядковых номеров товарно-материальных ценностей, помещенных на данной странице;
б) общий итог количества в натуральных показателях всех ценностей, записанных на данной странице (например, на странице описи значится: Асприл — 120,5 г, духи «Шипр» — 20 флаконов, мыло хозяйственное — 5 кружков. Общее количество всех товаров, безотносительно к характеру показателей составит в данном случае: $120,5 + 20 + 5 = 145,5$).

указал значительно меньшее количество натуральных показателей — 345. 845, 445. Из сравнения этих величин следовало, что после подсчета натуральных показателей в инвентаризационной ведомости приписано значительное количество товара, определяемое в 145.453,07 натуральных показателей.

Оправдало себя и тщательное исследование вороха различных бумаг, обнаруженных при обыске у Петровой. Среди них оказался правильно оформленный, подписанный членами комиссии отдельный лист инвентаризационной ведомости, имевший 27-й порядковый номер.

Осмотром ведомостей удалось установить, что по последовательности товаров и нумерации позиций он соответствует 27-му листу инвентаризационной июньской ведомости. Однако количество товаров на отдельном листе было значительно — на сумму 16 866 руб. — меньше, нежели на том же листе учтенной инвентаризационной ведомости. В дальнейшем выяснилось, что 27-й лист в инвентаризационной ведомости написан рукой Петровой и ею же подписан, а подписи членов комиссии подделаны¹. Это свидетельствовало о том, что Петрова изъяла 27-й лист инвентаризационной ведомости и заменила его написанным ею листом, в котором содержались завышенные данные о количестве имевшегося в аптеке товара.

Большой интерес представило исследование нескольких листов использованной копировальной бумаги, случайно оказавшихся среди других бумаг.

Используя эту копировальную бумагу как негатив, с нее контактным способом изготавлили отпечатки.

При их осмотре выяснилось, что эти листы копировальной бумаги употреблялись при составлении июльской инвентаризационной ведомости. Сличение фотографий и ведомости дало возможность выявить интересные расхождения. Например, в копировальной бумаге значится под № 696 — 15 ампул дизентерийной сыворотки, под № 700 — 25 флаконов чесночной настойки, а в ведомости количество товара по этим же позициям выражалось в цифрах: «115» и «125» (рис. 4).

¹ В соответствии с упомянутой выше Инструкцией каждый лист инвентаризационной ведомости должен быть подписан всеми членами инвентаризационной комиссии и материально ответственным лицом.

694	Сыр чур. дубл. 57 АР	160	"
695	- - - - - гаудиан. 3	3	"
696	- - - - - дижестер. 15	15	"
697	- - - - - 107 АР	80	"
698	- - - - - пресерваж. 20	20	"
699	Капчу. чирн. кр.	2	"
700	Н-ка геометрическ	25	"
701	Сосна синие	10	"
702	Касб. масло горчиц	400	"
703	Кордиганин 300	8	"
704	Н-ка ванильки/биск	100	"

694	Сыр чур. дубл. 57 АР	160	"
695	- - - - - 2001 рим. 3	3	"
696	- - - - - дижестер. 115	115	"
697	- - - - - 107 АР	80	"
698	- - - - - пресерваж. 20	20	"
699	Капчу. чирн. кр.	2	"
700	Н-ка геометрическ	25	"
701	Сосна синие	10	"
702	Касб. масло горчиц	400	"
703	Кордиганин 300	8	"
704	Н-ка ванильки/биск	100	"

Рис. 4. Вверху копировальная бумага, внизу — ведомость.

Эти расхождения объяснялись тем, что июльская ведомость была фальсифицирована после ее составления, но до таксировки, поскольку в графе «сумма» общая стоимость определенного товара была высчитана, исходя уже из завышенного количества предметов, значащегося в инвентаризационной ведомости.

При ознакомлении с отдельными инвентаризационными ведомостями ревизоры, снимавшие натуры остатки, заявили, что подписи от их имени в ряде случаев выполнены не ими.

Эти инвентаризационные ведомости направили на почерковедческую экспертизу, которая пришла к выводу, что подписи членов инвентаризационных комиссий на некоторых листах ведомостей выполнены не ими; в ряде инвентаризационных ведомостей все подписи ревизора оказались подделанными.

В ведомости, составленной по итогам снятия натуры остатков, проведенного медицинской сестрой Кировской больницы Балашовой, все подписи от имени Балашовой оказались выполненными Петровой.

Исследование инвентаризационных ведомостей, копировальной бумаги и отдельного листа инвентаризационной ведомости позволяло прийти к определенным выводам:

1) недостача в аптеке № 58 нарастила в течение пяти лет и скрывалась посредством фальсификации инвентаризационных ведомостей;

2) фальсификация инвентаризационных ведомостей совершалась не в ЛОО ГАПУ, а в аптеке № 58 при активном участии Петровой, о чем, помимо приведенных выше доказательств, свидетельствовало и то обстоятельство, что в ряде контрольных экземпляров инвентаризационных ведомостей, направленных в ЛОО ГАПУ до таксировки, приписки отсутствовали. В остальных же экземплярах в графе «сумма» общая стоимость определенного товара подсчитана, исходя из завышенного количества товара.

Однако сам по себе факт скрытия недостачи еще не означал, что она образовалась в результате хищения. Нужно было искать дополнительные доказательства.

Многое в этом направлении дал осмотр документов.

В одной из папок обнаружили случайно сохранившуюся школьную тетрадь, на первом листе которой имелись записи бухгалтера аптеки Жигаевой о суммах кассовой выручки за период с 11 по 23 июня¹. Сравнение этих записей с данными о сдаче выручки по официальным документам аптеки привело к выводу о хищении кассовой выручки. Ежедневно приходовались по кассе меньшие суммы, чем значилось в тетради. Разница между записями Жигаевой и кассовыми отчетами только за эти 13 дней составила 1284 руб. В частности, 12 июня Жигаева записала в тетради выручку в сумме 971 руб. 35 коп., а Петрова в кассовом отчете отразила лишь 671 руб. 35 коп., уменьшив ее на 300 руб. Бухгалтер Жигаева на допросе подтвердила правильность записей выручки. На вопрос, где записи выручки за остальное время, она ответила, что эти записи, как уверяла ее Петрова, увозили в Ленинград ревизоры для проверки. Однако последние на допросе это отрицали.

Выяснение образа жизни Петровой дало в руки следствия доказательства того, что жила она не по средствам. В частности, при повторном обыске, произведенном в квартире Петровой, было обращено внимание на значительное количество получаемой ею периодической литературы.

В связи с этим из местного отделения связи запростили справку о стоимости годовой подписки Петровой на газеты и журналы. Оказалось, что при месячной зарплате в 615 руб. она ежемесячно получала различные периодические издания на сумму 547 руб. Незадолго до ареста Петрова провела отпуск на юге, где не стеснялась в средствах. Поездку на юг она пыталась скрыть, указав в заявлении о предоставлении отпуска, что он необходим ей якобы для того, чтобы навестить больного родственника в Вильнюсе.

Как выяснилось, Петрова за последние шесть лет только один раз была в отпуске, никому не передавая на это время материальные ценности. Иначе и быть не могло, так как при такой передаче неминуемо быльбы установлена недостача.

Петрова на допросе не отрицала, что ее расходы значительно превышали получаемую зарплату,

¹ По положению кассовую книгу в аптеках ведут управляющие. В данном случае бухгалтер Жигаева по своей инициативе вела записи выручки.

объяснила это тем, что получала в райсобесе пенсию в размере 700 руб. за погибшего мужа — Петрова Александра Михайловича, скончавшегося в 1947 году на Дальнем Востоке. Однако при проверке это не подтвердилось.

Более того, Петров Александр Михайлович оказался жив и находился в Курске.

В процессе расследования я убедился, что Петрова — человек, склонный ко лжи и обману, не останавливавшийся перед любого рода фальсификациями. При этом чувствовалась ее осведомленность в правовых вопросах. По-видимому, она пользовалась консультацией человека, разбирающегося в них.

Незадолго до ареста Петрова жила некоторое время в Ленинграде. Поэтому я предположил, что, зная о грозящем ей разоблачении, она обращалась к какому-либо родственнику или знакомому, искушенному в юриспруденции.

Изучая родственные и иные связи Петровой, следствие натолкнулось на дальнего родственника Петровой — Соловьева, в прошлом майора МВД, который окончил три курса Харьковского юридического института.

Было принято решение о производстве у него обыска, так как предполагалось, что в его квартире могут находиться документы, имеющие отношение к делу.

Обыск подходил к концу, когда при осмотре шкафа выдвинули ящик, в котором находилась пишущая машинка. Под ней оказались документы, значение которых для дела трудно переоценить.

Среди документов находились:

- заявление Петровой на имя Генерального Прокурора СССР, датированное 23 октября, т. е. за четыре дня до возбуждения уголовного дела;
- заявление З. Ф. Красулиной в ЦК КПСС и Министру здравоохранения СССР с еще более ранней датой — 2 сентября;

- заявление Жаровой от 10 сентября на имя Генерального Прокурора СССР.
- Во всех этих заявлениях содержались сведения, в основном аналогичные тем, которые эти лица впоследствии сообщили на допросах. И вместе с тем, в отдель-

РЕПОЗИТОРИЙ ГУМРФИ

ных весьма важных деталях они отличались от данных, содержащихся в протоколах допросов.

Так, Красулина на допросе заявила, что в передаваемом Макаровой конверте видела деньги купюрами лишь по 100 руб., а в заявлении от ее имени сообщалось, что она передавала Макаровой конверт с деньгами, в котором «...была большая сумма денег купюрами по 50 и 100 руб....».

Петрова на допросе заявила, что передала Олейниковой определенную сумму в Ленинграде, а в заявлении сообщалось, что это имело место в Кировске. Заканчивалось подготовленное от имени Петровой заявление словами: «И вот результат: в силу вышезложенного я становлюсь жертвой людей, которые, пользуясь своим служебным положением, не обращают внимания на судьбу подчиненных».

Для Петровой явилось полной неожиданностью предъявление ей изъятых у Соловьева заявлений. В конце концов она вынуждена была признать, что, предвидя возможность своего ареста, она, а также Красулина и Жарова составили по совету Соловьева указанные заявления. Впоследствии же они решили не направлять указанные заявления, а на допросах дать соответствующие показания. Таким образом, еще до возбуждения уголовного дела Петрова, Красулина и Жарова с помощью Соловьева готовились к даче согласованных показаний на следствии.

Эти лица, утверждая об истинности сведений, содержащихся в заявлениях и в протоколах допросов, однако, ничем не могли объяснить имевшиеся между ними противоречия.

После предъявления Петровой доказательств, полученных при анализе документов, она признала, что ряд ведомостей фальсифицировала лично, однако, по ее утверждению, делала это по указанию Макаровой, которой в течение пяти лет передавала ежемесячно по 1500—2000 руб., похищаемых из государственных средств.

При расследовании дела о хищении в аптеке № 58 мне, естественно, пришлось допросить многих лиц. Среди них были и ревизоры, из-за беспечности которых Петрова смогла скрывать недостачу в течение пяти лет, и работники областного управления, пролившие некоторый свет на взаимоотношения Петровой и руко-

водителей ЛОО ГАПУ, и жители Кировска, рассказавшие о материальном положении Петровой.

Однако самым интересным свидетелем оказался работник аптечного склада Шипитиевский.

Его вызвали на допрос в связи с заявлением Петровой о том, что ему известен адрес сапожника, который шил «румынки» для Олейниковой.

Однако разговор с Шипитиевским этим не ограничился. Шипитиевский возмущался поведением руководителей областного отделения, толкающих, по его словам, заведующих аптеками на преступления, и обещал оказать мне всяческое содействие в раскрытии преступления.

После этого разговора он несколько раз заходил в прокуратуру, рассказывал о различных (надо сказать, мелких) нарушенных руководством ЛОО ГАПУ.

Однако вскоре удалось установить, что в Кировск к Петровой несколько раз приезжал мужчина, внешностью напоминавший Шипитиевского. Это, а также неоднократные вопросы, касающиеся хода расследования по делу, которые в беседе со мной задавал Шипитиевский, возбудили подозрения в искренности его намерения.

В связи с этим я уделил особое внимание вопросу о его взаимоотношениях с Петровой. Выяснилось, что Шипитиевский в течение некоторого времени сожительствовал с Петровой, причем даже высказывал намерения жениться на ней. Были получены данные о том, что Шипитиевский говорил одному из своих знакомых: «Наша главная задача — следить за следствием».

Пока Шипитиевский «следил за следствием», стало известно о поездке Петровой на юг вместе с ним. Хозяин дачи, которую они снимали в Адлере, рассказал, что они вели там весьма широкий образ жизни, не стесняясь в средствах.

В конечном счете я предъявил все эти данные Шипитиевскому, и его деятельность в качестве «помощника следствия» прекратилась.

Следствие подходило к концу. При оценке собранных по делу доказательств наибольшая трудность возникла в вопросе о квалификации действий Макаровой (что касается Олейниковой, то собранные в отношении

се доказательства не давали оснований для привлечения ее к ответственности за хищение). Является ли Макарова соучастницей Петровой в расхищении государственных средств — вот вопрос, который трудно было решить.

Наибольшее значение для его разрешения имела правильная оценка содержания письма Макаровой с предупреждением о предстоящей инвентаризации. На первых порах ряд товарищей, да и я сам рассматривали это письмо как бесспорное доказательство причастности Макаровой к хищению.

Но так ли это? Ведь предупреждение Макаровой о приезде ревизора Субботиной ни в коей мере не повлияло на результат инвентаризации, именно при этой инвентаризации вскрылась недостача.

Далее. Надо учесть, что метод скрытия недостачи, применяемый Петровой, не требовал каких-либо подготовительных действий, в связи с которыми необходимо было знать о предстоящей инвентаризации.

Если бы Петрова скрывала инвентаризацию оформлением бестоварных накладных или завозом неучтенных товаров, предупреждение Макаровой имело бы существенное значение, поскольку для скрытия недостачи следовало бы принять какие-то меры. При данных же обстоятельствах предупреждение Макаровой не имело никакого значения для скрытия недостачи, так как подделка инвентаризационных ведомостей происходила в процессе самой ревизии.

При проверке указанных Макаровой мотивов, побудивших ее сообщить Петровой о предстоящей инвентаризации, было установлено, что Петрова действительно регулярно задерживала представление отчетов. Это могло быть связано с фальсификацией инвентаризационных ведомостей, требовавшей определенного времени. Поэтому, по объяснениям Макаровой, она и упоминала в письме: «Подготовьте, чтобы в документах был порядок и чтобы сразу при ней (ревизоре). — И. Б.), сделать отчет».

При оценке доказательств, уличающих Макарову в хищении, обращало на себя внимание и то обстоятельство, что следствие по этому делу на всем протяжении наталкивалось на искусственно создаваемые доказательства, которые должны были подтвердить основное

направление защиты Петровой: «Я — жертва руководства ЛОО ГАПУ».

Так, при обыске у Петровой никаких личных писем не обнаружили, однако в прокуратуру было доставлено письмо Макаровой с сообщением о предстоящей инвентаризации. У Петровой не нашли никаких ценностей, однако родственница Петровой принесла в прокуратуру золотое кольцо, принадлежавшее Олейниковой.

Версия о причастности руководства ЛОО ГАПУ к имевшим место хищениям, как видно из материалов дела, была выдвинута в «заявлении» Петровой и З. Ф. Красулиной еще до возбуждения уголовного дела, если бы не «руководящее указание» Соловьева, эти заявления были бы также направлены в прокуратуру.

Таким образом, следствие не по собственной инициативе устанавливало те или иные данные указанного характера, они направлялись посторонней рукой в поле зрения следователя. В этом плане нужно подчеркнуть, что, оценивая доказательства, следователь не должен забывать и о том, при каких обстоятельствах то или иное доказательство оказалось в его руках.

Особое значение это имело при расследовании данного дела, по которому обвиняемая очень искусно использовала те или иные объективно существовавшие факты для подтверждения защищаемой ею версии.

Утверждение Петровой о передаче ею Макаровой и Олейниковой товаров бесплатно являлось голословным и не подтверждалось никакими объективными данными. В то же время объяснения Макаровой и Олейниковой, что, пользуясь услугами Петровой, они полностью оплачивали стоимость товаров, звучали правдоподобно. Можно было допустить мысль, что Петрова специально «доставала» для Макаровой и Олейниковой товары, чтобы в случае необходимости выдвинуть «объективное подтверждение» преступной связи с руководством отделения.

Надо также отметить, что, втираясь в доверие к Олейниковой, Петрова систематически сообщала ей о различных « злоупотреблениях», якобы совершаемых другими работниками отделения.

После обнаружения заблаговременно подготовленных «заявлений» Петровой и Красулиной доказательственная ценность их показаний стала ничтожной.

Правдиво звучало объяснение Макаровой, что превышение нормативов в аптеке № 58 допускалось в связи с заявлениями Петровой о том, что, если будут уменьшены товарные запасы, это может привести к перебоям в торговле.

Следствие тщательно исследовало образ жизни Макаровой. Но все подтверждало, что она жила по средствам. Известное значение имели письма Макаровой к своим родным, изъятые при обыске у последних в Новгороде.

Среди 106 писем, написанных Макаровой в течение интересующего нас пятилетия, отдельные письма освещали в определенной степени ее материальное положение.

Так, в одном из них Макарова, сожалея о невозможности приехать к родным, писала: «Были бы деньги, приехала бы к вам на денек, да ведь одна не поедешь, а вдвое одна дорога больше 200 руб. будет стоить». В другом письме можно было прочесть: «С деньгами плохо. Хорошо, что уроками хоть немного зарабатываю». Третье письмо начиналось словами: «Дорогие наши! Уж не знаю, как вас всех благодарить за присланные деньги — пришли как нельзя более кстати...».

Вряд ли бы это писалось человеком, ежемесячно получавшим от Петровой 1500—2000 руб.

Нельзя было поверить и в то, что эти письма специально писались Макаровой в течение трех-пяти лет с целью обелить себя перед возможным расследованием. В этом случае она бы ссылалась на них, ходатайствовала об их приобщении к делу, однако Макарова об этих письмах никогда ничего не говорила и обнаружение их в Новгороде явилось неожиданностью для следствия.

Оценивая все эти обстоятельства в их совокупности, я пришел к выводу — Петрова оговаривает Макарову и Олейникову, а служебные нарушения, допущенные ими, как мне представлялось, не выходили за рамки ст. ст. 109 и 111 УК РСФСР 1926 года.

Однако у наблюдающего прокурора сложилась иная точка зрения на квалификацию действий Макаровой. Он возражал против изменения Макаровой меры пресечения на подписку о невыезде, а мое постановление о привлечении Макаровой к уголовной ответственности по

ст. ст. 109 и 111 УК РСФСР 1926 года отменил¹. В соответствии с письменным предложением наблюдающего прокурора Макарова была привлечена к ответственности по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». По этой же статье была привлечена и Петрова. Олейникова и ревизор Дмитриева были привлечены к уголовной ответственности по ст. 111 УК РСФСР 1926 года. Остальные ревизоры, допустившие халатность при производстве инвентаризаций, не привлекались к уголовной ответственности вследствие Указа об амнистии.

В связи с тем, что точка зрения наблюдающего прокурора о характере ответственности Макаровой резко расходилась с моим убеждением в ее невиновности в хищении, обвинительное заключение он составил и подписал сам.

В судебном заседании суд, по ходатайству адвоката Макаровой, произвел следственный эксперимент. З. Ф. Красулиной предложили поместить в обычный почтовый конверт указанную Петровой сумму сторублевыми купюрами. Оказалось, что эту сумму, якобы переданную Макаровой, в конверт поместить не представляется возможным — деньги не вмещались.

Судебное следствие наглядно показало, что Петрова оговаривает Макарову и Олейникову, в связи с чем государственный обвинитель отказался от обвинения Макаровой по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 года «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и просил осудить ее по ст. 109 и 111 УК РСФСР 1926 года.

Петрова была осуждена к лишению свободы на длительный срок. Остальные обвиняемые понесли наказание, не связанное с лишением свободы.

¹ Описываемое дело расследовалось до принятия Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 года.

Прокурор следственного отдела
прокуратуры Ленинграда
младший советник юстиции
Ю. М. Зашивалов

О ТОМ, КАК БЫЛО РАСКРЫТО НЕСКОЛЬКО ИЗНАСИЛОВАНИЙ

24 октября 1959 г. в Ленинский районный отдел милиции Ленинграда явилась гр-ка Б. и заявила об изнасиловании ее 15-летней дочери Иры неизвестным преступником.

Из заявления матери, а позднее и из показаний самой Иры выяснились следующие обстоятельства происшествия.

Около семи часов вечера 24 октября Ира пошла к своей подруге Ларисе Р., проживающей на улице Шкапина. На стук Иры никто не отозвался, и она, поняв, что дома у подруги никого нет, собралась уходить. В подъезде ей встретился незнакомый парень, который предложил ей пойти с ним. Девочка попыталась воспротивиться, но парень заявил, что у него в кармане нож и если она ослушаётся, то ей «будет плохо». Ира испугалась и пошла с парнем, взявшим ее под руку. Шли они по Дровянной улице, затем по Курляндской и вышли на проспект Огородников. Парень рассказывал, что он студент последнего курса Ленинградского инженерно-строительного института (ЛИСИ) и проживает на Пятой Красноармейской улице вместе с бабушкой. В доме № 48 по Огородникову проспекту парень завел Иру в бомбоубежище, где предложил ей снять трико и лечь на пол. Все это девочка безропотно выполнила. Парень изнасиловал ее, а затем отпустил домой. Прибежав домой, Ира сразу же рассказала матери о случившемся с ней несчастье.

При судебномедицинском исследовании потерпевшей был обнаружен свежий разрыв девственной плевы. Срок нарушения девственности соответствовал показаниям девочки о времени ее изнасилования. Других повреждений на ее теле не имелось.

Сотрудники Ленинского районного отдела милиции занялись розыском неизвестного преступника, а дело для дальнейшего расследования передали в прокуратуру Ленинского района, где его приняла к своему производству следователь Захарова¹.

Поведение потерпевшей представлялось следователю несколько странным. В самом деле, ведь Ира имела полную возможность, пока они шли по улицам, обратиться за помощью к прохожим, закричать, вырваться из рук преступника. Однако она этого не сделала. Несволько возникли некоторые сомнения в правдивости показаний потерпевшей, и поэтому следователь решила, как можно глубже познакомиться с жизнью девочки, с ее подругами, выяснить круг ее интересов и поведение дома и в школе.

Все лица, знавшие Иру, отзывались о ней весьма положительно. Ира была скромной, дисциплинированной девочкой, отличалась примерным поведением, но была очень застенчивой и боязливой. Именно этим, конечно, и объяснялось ее пассивное поведение при совершении над ней насилия.

При допросе одной из подруг Иры — Наташи Д. выяснилось одно, весьма существенное обстоятельство. Оказалось, что к Наташе недавно на улице также приставал незнакомый парень, но Наташе удалось от него вырваться и убежать.

Показания Иры и Наташи о возрасте, внешности и поведении преступника почти совпадали. И Наташе, и Ире он говорил, что нужны они ему «на пять минут», что живет он в районе Пятой Красноармейской улицы с бабушкой, учится в Ленинградском инженерно-строительном институте.

В ходе дальнейшего следствия по делу т. Захарова попытка установить неизвестного, используя при этом учетные данные и оперативные возможности Ленинско-

¹ За успешное расследование данного дела т. Захарова поощрена приказом Генерального Прокурора СССР.

го районного отдела милиции. Однако эти меры не увенчались успехом.

Среди студентов ЛИСИ не было ни одного, схожего по приметам с неизвестным преступником. Не значился таковой и в учетных данных районного отдела милиции.

Работники милиции, с которыми т. Захарова поддерживала тесную связь, сообщили ей о факте задержания некоего Коршунова, пытающегося 3 ноября изнасиловать охранницу одного из предприятий — К. Дело против Коршунова не возбуждалось, так как потерпевшая отказалась подать заявление о привлечении его к ответственности.

Коршунов работал молотобойцем в ремонтно-строительном тресте Ленинского района, проживал на Шестой Красноармейской улице вместе с бабушкой.

Действия Коршунова, его возраст, местожительство (тот же микрорайон, где расположено общежитие ЛИСИ на Пятой Красноармейской улице) и, наконец, совместное проживание с бабушкой — все эти обстоятельства, взятые в совокупности, позволяли выдвинуть предположение, что Коршунов является тем неизвестным преступником, которого тщетно разыскивали по делу об изнасиловании Иры Б.

Коршунов был вызван в прокуратуру. На допросе он отрицал изнасилование Иры Б. и покушение на изнасилование Наташи Д. Тогда следователь предъявила его в числе других лиц Ире, а затем Наташе. Обе девочки опознали в Коршунове насильника.

Хочется особо остановиться на некоторых особенностях проведения этих предъявлений для опознания. На мой взгляд, этот обмен опытом может быть полезен для других следователей, когда им придется расследовать дела об изнасиловании.

Обычно, когда мы производим предъявление для опознания по делам других категорий, свидетель, в случае опознания им кого-либо из предъявленных лиц, дает примерно такие показания, которые дословно фиксируются в протоколе:

«Этого человека я опознаю, как совершившего на меня разбойное нападение такого-то числа...».

или: «Этого человека я опознаю, он приходил к такому-то человеку тогда-то...».

Таким образом, опознающий, давая показания, прямо говорит о том происшествии, в связи с которым он видел опознанного им человека. Очевидно, что такие прямые показания несовершеннолетней потерпевшей по делу об изнасиловании явились бы дополнительной травмой ее психики. Ведь ей пришлось бы говорить об очень тяжелых для нее обстоятельствах в присутствии многих посторонних — в присутствии понятых и лиц, в числе которых предъявлялся опознаваемый.

Поэтому т. Захарова, учита специфику дел об изнасилованиях и щадя нравственность девочек, поступила совершенно правильно, не потребовав от них объяснений по поводу обстоятельств, при которых они встречались с опознанными ими лицом. Каждая из потерпевших, узнав Коршунова, говорила лишь то, что она опознает в нем человека, о котором ранее давала показания на допросах следователю. Так их показания и фиксировались в протоколах предъявления для опознания.

После опознания Коршунова потерпевшими допрос его был возобновлен. Следователь ознакомила его с содержанием показаний девочек, и он, очевидно, осознав бесполезность дальнейшего запирательства, подробно рассказал о совершенных им преступлениях, признав изнасилование Иры Б. и покушение на изнасилование Наташи Д.

То, что Коршунов признал себя виновным лишь под давлением неопровергимых доказательств, насторожило т. Захарову, и она решила проверить, не совершали ли он других преступлений. «Не Коршунов ли изнасиловал двух девочек в пригородах Ленинграда?» — подумала Захарова, вспомнив два дела об изнасилованиях, прекращенных в связи с неустановлением виновных — дело об изнасиловании Тани И., прекращенное прокуратурой Сестрорецкого района, и дело об изнасиловании Нины О., прекращенное прокуратурой Всеволожского района.

На очередном допросе Коршунова следователь напомнила ему о проявленной им вначале неискренности, объяснила, что неискренность, как правило, отягачает положение обвиняемого, так как это прежде всего свидетельствует о том, что преступник полностью своей вины не осознал и не раскаялся в содеянном. После такого вступления т. Захарова прямо спросила Коршунова,

РЕПОЗИТОРИЙ ГУМРО

не он ли изнасиловал двух девочек в пригородах Ленинграда прошлым летом? Коршунов ответил утвердительно. Тогда т. Захарова предложила ему рассказать подробно о совершенных преступлениях. Коршунов со всеми деталями изложил обстоятельства изнасилования им прошлым летом двух девочек — одной в Тарховском лесу, а другой в поселке Бенгардовка. Это и были Таня И. и Нина О., потерпевшие по двум названным ранее прекращенным делам.

После допроса Коршунова следователь выехала с ним и понятыми в Тарховский лес, а затем в поселок Бенгардовку. Коршунов безошибочно привел следователя и понятых к местам преступлений. Эти места оказались как раз теми, какие несколько месяцев тому назад указали потерпевшие девочки. Несколько позднее Коршунова предъявили Нине О. и Тане И. Обе опознали в нем насилиника.

Так удалось полностью разоблачить опасного преступника.

Начальник следственного отдела
прокуратуры Узбекской ССР,
старший советник юстиции

И. И. РЯНСКИЙ

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ С РАБОТНИКАМИ МИЛИЦИИ ОБЕСПЕЧИЛО УСПЕШНОЕ РАСКРЫТИЕ УБИЙСТВА

Утром 4 июля 1959 г. в прокуратуру Самаркандинского сельского района поступило сообщение об убийстве неизвестными преступниками работника совхоза «Батигазган» Раджабова Акрама и исчезновении его жены Мирзасевой.

Следователь прокуратуры и оперативные работники милиции, производившие осмотр места происшествия, никаких вещественных доказательств, имеющих существенное значение для раскрытия преступления, не обнаружили. Не удалось найти и следов преступников, так как к прибытию следователя не обеспечили охрану места происшествия и до начала осмотра к месту убийства собралось много народа.

Труп Раджабова находился в комнате. На его голове и лице имелось несколько рубленых ран. Комнатная утварь, вещи и постельные принадлежности были разбросаны по комнате, по-видимому, преступники искали какие-то ценности.

Тут же на месте при допросе свидетелей удалось выяснить, что Раджабов с женой и детьми спал во дворе своего дома, где и обнаружили утром его труп, который затем перенесли в дом.

Четырнадцатилетняя дочь Раджабова показала, что, проснувшись ночью от какого-то шума, она увидела стоящего возле нее мужчину с топором. Пригрозив убий-

ством, он приказал ей молчать, а потом подошел к ее отцу и ударил его топором.

По голосу она опознала в нем сына соседа — Шукрова Ахара. Что происходило дальше, она не помнит, так как страшно испугалась.

Были ли похищены какие-либо вещи, родственники Раджабова не знали.

В течение нескольких дней следователь допросил соседей Раджабова и многих других свидетелей, но, кроме круга его знакомых и взаимоотношений с ними, ничего установить не удалось.

В таком положении дело об убийстве Раджабова и исчезновении его жены поступило к старшему следователю прокуратуры Самаркандской области Джавадову, которому поручили дальнейшее расследование, как опытному и инициативному работнику¹.

После тщательного и глубокого изучения всех материалов дела т. Джавадов составил развернутый письменный план расследования, включающий в себя детальное выяснение и исследование всех обстоятельств, которые могли пролить свет на события расследуемого преступления и дать ответ на все вопросы, составляющие содержание расследования.

Поскольку для раскрытия убийства Раджабова выделили специальных оперативных работников милиции² и в плане расследования предусматривались оперативно-розыскные мероприятия, т. Джавадов ознакомил с этим планом всех участников расследования, а также руководство областной прокуратуры и областного управления милиции.

Намеченные первоначально следственные версии о том, что

1) Раджабов и его жена могли быть убиты на почве мести Шукуровым Ахаром и другими;

2) убийство Раджабова могло быть совершено неизвестными преступниками с целью ограбления, а его жена увезена ими и, возможно, убита в другом месте;

¹ За расследование этого дела т. Джавадову приказом Прокурора Узбекской ССР объявлена благодарность, и он награжден ценным подарком.

² Активное участие в оперативно-розыскной работе по данному делу принимали старший оперуполномоченный областного управления милиции Раджабов и работник уголовного розыска Убайдулла.

3) убийство Раджабова могло быть совершено преступниками вместе с его женой Мирзаевой, в первые же дни активных следственных действий подверглись существенным изменениям.

Данные, добывшие следственным путем об алиби Шукрова Ахара, исключали его причастность к убийству, сделав очевидным заблуждение дочери Раджабова.

Несостоятельным оказалось и предположение об участии в преступлении Мирзаевой. Все ее личные вещи, как выяснилось, находились дома. С мужем она жила дружно и никаких причин избавиться от него и бросить троих детей у нее не было.

Обмен мнениями, совместное обсуждение дальнейших мероприятий привели к выводу о необходимости сосредоточить усилия на проверке второй версии.

Следователь выехал на место происшествия и изучал по возможности все детали и обстановку, пытаясь представить себе, как было совершено преступление.

Было принято решение вновь допросить всех родственников и соседей убитого с расчетом на то, что личная беседа с ними вскроет новые обстоятельства.

Такое решение оправдало себя.

Раджабов, как выяснилось, имел много друзей и знакомых в Самарканде. Последнее время он часто встречался с Каимовым Тухта, проживающим в селе-нии Джазма, Угутского района.

Каимов закупал у Раджабова картофель и передавал его по спекулятивным ценам в г. Карши. За картофель Каимов остался должен Раджабову более 4000 руб. Последний неоднократно обращался к Каимову с просьбой возвратить долг, но тот под всяческими предлогами от уплаты уклонялся. Наконец, Раджабов решил потребовать от Каимова расписку с тем, чтобы обратиться в суд с исковым заявлением о взыскании суммы долга.

После того, как выяснилось, что Раджабов с таким заявлением в суд не обращался, следователь произвел в квартире Раджабова обыск, надеясь обнаружить расписку Каимова. Однако обыск положительных результатов не дал.

Допросом свидетелей следователь также установил, что у Раджабова на строительстве нового дома работал в свое время Расулов Саттар, который в день об-

наружения убийства строил по соседству дом гр-ну Азимурадову. Расулов обстоятельно допросили.

Охолно отвеча следователю на все вопросы, он рассказал, что за работу по строительству дома Раджабов еще с ним полностью не рассчитался и остался ему должен 8000 руб. Расулов неоднократно напоминал о возвращении долга, но Раджабов деньги не возвращал. Расулов не отрицал при допросе и того факта, что он в 1952 году за убийство был осужден к семи годам лишения свободы.

Располагая этими данными, т. Джавадов дополнил план расследования и в развитие второй версии выдвинул такие предположения:

1) убийство Раджабова и его жены с целью ограбления и освобождения от долга мог совершить Каримов Тухта,

2) убийство Раджабовых с целью ограбления мог совершить Расулов Саттар.

Следователь дал указание оперативным работникам милиции о розыске Каримова, но последнего ни в Самарканде, ни на территории Ургутского района не оказалось.

По-видимому, Каримов скрылся. Необходимо было установить его местопребывание и допросить. Но где искать Каримова?

Были продуманы все варианты возможных действий, но конкретного плана поисков Каримова не намечалось.

И только перебирая в памяти события других преступлений, т. Джавадов вспомнил о расследовавшемся им деле работников колхоза имени В. И. Ленина Ургутского района, расхитивших крупную сумму народных средств. По делу привлекался к уголовной ответственности брат Каримова — Мардон, который на одном из допросов рассказал, что его брат Тухта, проживая в г. Карши, женился там и долгое время жил вместе с женой, но фамилии и адреса этой женщины не знает.

Утром 9 июля старший оперуполномоченный областного управления милиции Раджабов с письменным указанием следователя разыскать жену Каримова и допросить ее выехал в г. Карши.

Там он совместно с другими оперативными работниками, выделенными ему для помощи начальником Управления внутренних дел Кашка-Даргинского облиспол-

кома Давуровым, установил, кто является женой Каримова, и допросил ее.

Во время допроса жена Каримова — Саттарова Махтара рассказала, что девять месяцев назад муж после ареста его брата по делу о хищении колхозной собственности оставил ее с двумя малолетними детьми, выехав в Самаркандскую область, и больше в г. Карши не возвращался. Место пребывания мужа ей неизвестно, она сама разыскивает его, чтобы получать средства на содержание детей.

Заслушав информацию т. Раджабова о результатах поездки в г. Карши, Джавадов решил выехать с работниками милиции Кашка-Даргинскую область и пронести у Саттаровой обыск с целью обнаружения данных, которые могли бы указать местонахождение Каримова, а возможно, и доказательств, свидетельствующих о его причастности к убийству.

14 июля в доме Саттаровой произвели обыск, в результате которого обнаружили 23 кг зеленого чая и 68 м хлопчатобумажной ткани. Это обстоятельство настолкнуло на мысль, что указанные товары приобретены в таком количестве для перепродажи. Поскольку было известно, что Каримов занимался перепродажей картофеля, можно было предположить, что он бывает дома у Саттаровой и спекулирует не только картофелем. Как показали соседи, Саттарова также занималась спекуляцией.

Эти данные Джавадов умело использовал при допросе Саттаровой, которая признала, что Каримов приехал в Карши вечером 5 июля и проживал у нее до 9 июля, а затем выехал в Сурхан-Даргинскую область к своим друзьям. Проживая дома, он никуда не выходил, вел себя странно, на одном из пальцев руки у него имелась рана.

Каримов рассказывал ей, что в Ургутском районе убит бывший председатель колхоза, и так как в преступлении подозревают его, то это заставило его выехать в Карши.

Уходя из дома, Каримов предупредил Саттарову и ее мать, чтобы они никому о его приезде не говорили, и потребовал уничтожить его фотокарточки. Это же подтвердила на допросе и мать Саттаровой. Подозрения в отношении Каримова усилились. При обсуждении даль-

нейших мер по его розыску, решили установить наблюдение за домом Саттаровой, рассчитывая на возможность появления там Каримова.

15 июля, когда пассажирский поезд Сталинабад — Куйбышев остановился на станции Каши, из вагона вышел мужчина и через запасной выход перрона направился в город. Он шел по темным безлюдным улицам к дому Саттаровой. Это был Каримов.

При задержании и личном обыске у Каримова изъяли колхозную книжку на его имя, выданную правлением колхоза имени В. И. Ленина Ургутского района, почтовую квитанцию № 29 от 14 июля текущего года на отправку телеграммы со станции Керки в Самарканд на имя Ходжимурадовой и другие документы.

Предстоял допрос Каримова. Из тактических соображений следователь решил на первом допросе не спрашивать у Каримова об убийстве Раджабова, желая сначала посмотреть, что представляет собой подозреваемый и как он будет вести себя на допросе.

Имея в своем распоряжении материалы о спекуляции Каримова картофелем, т. Джавадов именно с этого и начал его допрос.

— Я, гражданин следователь, откровенный человек и буду говорить правду. Не отрицаю своей вины в том, что долгое время, нигде не работая, занимался скупкой и перепродажей картофеля. Если вы расцениваете мои действия как противозаконные, передавайте дело в суд. Готов нести заслуженную кару.

— Вы спрашиваете меня, где я достал книжку колхозника? Отвечу и на этот вопрос. В колхозе я не работал, но чтобы иметь на всякий случай документ, я достал чистый бланк книжки и заполнил на свою фамилию. Книжка выручала меня во многом.

— Теперь у меня будет к вам просьба,— обратился Каримов к следователю,— не медлите с передачей моего дела в суд.

— Многое зависит лично от вас, Каримов,— спокойным тоном ответил следователь,— если вы расскажете обо всем, что совершили, то какой же смысл держать ваше дело.

— Я уже все рассказал,— упорствовал Каримов.

По окончании допроса следователь арестовал Каримова и дал указание этапировать его в Самарканд.

В это время в реке Даргом обнаружили труп Мирзаевой Бахмал — жены Раджабова. Руки ее оказались связанными полотенцем, голова закутана мешковиной. Кроме ситцевого платья, на трупе другой одежды не было.

Получив такое сообщение, т. Джавадов с оперативными работниками милиции немедленно возвратился в Самарканд. По заключению судебно-медицинской экспертизы, смерть Мирзаевой наступила от асфиксии в результате попадания в воду и по времени совпадала со днем ее исчезновения.

Первые допросы Каримова в Самарканде о его причастности к убийству Раджабовых были безрезультатными. Каримов категорически отрицал какое-либо участие в этом преступлении, требуя от следователя доказательств, и только после того, когда ему огласили показания Саттаровой и ее матери, Каримов сдался и стал давать сдержанные показания.

— Расулов знал, что Раджабов имел много денег, и предложил мне совершить ограбление, я нигде не работал, и мне нужны были деньги. Кроме того, моя расписка на 4050 руб. находилась у Раджабова, и он грозил мне судом. Я решил отобрать у него мою расписку.

С Расулем и двумя его знакомыми, которых я совершенно не знаю, мы в ночь на 4 июля сделали то, что известно уже следователю, но ни денег, ни расписки не нашли.

Каримов замолчал.

— И это все, о чем вы хотели рассказать?

— Да, все!

— Куда вы дели топор, которым убили Раджабова?

— Бросили в Даргом.

— А каким образом жена Раджабова оказалась мертвой в реке?

— Чтобы скрыть следы преступления и избавиться от свидетеля-очевидца, мы после убийства Раджабова схватили его жену, скрутили руки, обмотали ей голову мешковиной и, несмотря на просьбы сохранить ей жизнь и пожалеть троих детей, бросили в реку.

На этом допрос был прерван.

По указанию следователя работники милиции задержали Расурова. Допрошенный по поводу совершенного им преступления, он категорически отрицал свое участие

в убийстве и требовал очной ставки с Каримовым. Однажды с проведением очной ставки следователь не спешил, так как решил сначала проверить, подтверждаются ли показания Каримова другими доказательствами. В это время была перехвачена записка Каримова, адресованная Ходжимурадовой. Записку с соответствующим актом препроводили следователю.

Каримов давал советы Ходжимурадовой, как себя вести на допросах у следователя, интересовался гражданином А., спрашивая, не арестован ли гражданин Х., и предупреждал, чтобы последний в случае вызова на допрос не говорил о каких-то записках и о своей отлучке из кишлака.

Оперативные работники милиции получили от следователя поручение выяснить, кто такая Ходжимурадова, и установить указанных в записке двух граждан. Граждане А. (он же Тураходжаев Алмак) и Ходжимурадов оказались родственниками Каримова. Какую-либо связь с Каримовым и причастность к убийству Раджабовых они отрицали и заявили, что не знают Х.

Будучи уличен собственной запиской, Каримов в свою первоначальные показания внес изменения и признал, что Тураходжаев является участником убийства. Говоря ранее о каких-то знакомых Расурова, он хотел скрыть Алмака от следствия. Сказать, кто такой Х, Каримов отказался.

После проведенных очных ставок между Каримовым и Тураходжаевым последний рассказал о своем, Каримова и Расурова участии в убийстве. Признал свою вину в тяжком преступлении и Расуров, когда между ним, Каримовым и Тураходжаевым произвели очную ставку.

Никаких противоречий в показаниях Каримова, Расурова и Тураходжаева об обстоятельствах, при которых совершилось убийство, на этот раз не было.

Для проверки показаний Расурова и Тураходжаева о том, что топор после совершения убийства они выбросили в реку, следователь решил организовать поиски орудия преступления.

Несмотря на то, что с момента убийства прошло уже 25 дней и течение реки Даргом очень быстрое, водолаз, приглашенный следователем, извлек с песчаного дна реки топор, который после его опознания преступниками

приобщили к делу в качестве вещественного доказательства.

Зная о том, что на одежду преступников, как бы они осторожно ни действовали при совершении убийства, остаются нередко следы в виде пятен крови, следователь выяснил у обвиняемых, в какой одежде они находились в ночь на 4 июля и куда ее дели.

Одежду Расурова разыскать не удалось. Он оказался предусмотрительным. Перед тем, как совершить убийство, Расуров переоделся в костюм и туфли Каримова, а после совершения преступления выбросил их в реку.

Каримов же одежду, в которую он был одет при совершении убийства, отправил через Тураходжаева в Самарканд к Ходжимурадовой, а последняя отнесла ее к матери Каримова.

Произведенным тщательным обыском одежду Каримова удалось обнаружить зарытой в огороде.

Выявилась и роль Ходжимурадовой. Она не только помогла Каримову спрятать следы преступления, она знала и о готовящемся преступлении, поскольку убийцы при ней обсуждали план своих действий.

Ходжимурадову арестовали. Будучи изобличена, она все рассказала следователю.

Так, шаг за шагом виновность убийц подтверждалась все новыми и новыми неопровергнутыми доказательствами.

Следовало еще установить, кто такой Х. и какое он имел отношение к убийству. Через несколько дней напряженной работы был найден ответ и на этот вопрос. Х. оказался Джумановым Хайруллоем, племянником Каримова. Его роль заключалась в том, что он передавал записки от Каримова Расурову, а от Расурова Каримову, но содержания этих записок не знал.

Как выяснилось, они договаривались об отдельных деталях преступления, а записки потом уничтожали.

На телеграфе разыскали текст телеграммы, адресованной Каримовым со станции Керки Ходжимурадовой. В ней он сообщал, что дела у него пока обстоят неплохо и 16 июля он приедет к ней в Самарканд.

Тураходжаев в одном из показаний говорил следователю, что при совершении убийства они пользовались

карманным фонарем, который потом выбросили в сад в селе Джазман.

Для проверки данного обстоятельства т. Джавадов созвал учащихся ребят этого селения и обратился к ним с просьбой найти фонарь. Один из учеников привнес найденный им в саду карманный фонарь красного цвета с разбитым стеклом, который Тураходжаев опознал как принадлежащий ему. Фонарь приобщен к делу в качестве вещественного доказательства.

Когда судебномедицинский эксперт по постановлению следователя произвел экспертизу по поводу раны на пальце правой руки Каримова и дал заключение, что это след от укуса зубами, Каримов на допросе рассказал, что во время насилия удара топором Раджабов оказал сопротивление и укусил его за палец.

В течение месяца т. Джавадов, при активной помощи и содействии оперативных работников милиции, раскрыл опасное преступление, за которое убийцы понесли заслуженное наказание.

*Старший следователь прокуратуры
г. Клайпеды Литовской ССР
юрист I-го класса*
Н. К. Сухарев

H. K. Сухарев

ВЗЯТОЧНИКИ ИЗОБЛИЧЕНЫ¹

Поеzdka в Клайпеду с целью приема экзаменов от лиц, обучавшихся шоферскому делу, всегда радовалась госавтоинспектора УМ МВД Литовской ССР Казлаускаса и преподавателя Каунасского автомотоклуба ДОСААФ Романаускаса.

Приятели не скучали в чужом городе: они кутили там в ресторанах, пьянистовали на квартире начальника Клайпедского отделения госавтоинспекции Лубягина, который, имея на своем иждивении большую семью, тем не менее, не стесняясь в расходах, щедро угощал гостей.

Работников Клайпедского городского отдела милиции очень заинтересовало, из какого источника поступают средства для этих кутежей, так как было совершенно очевидно, что скромной заработной платы для этого явно недостаточно. По-видимому, Романаускас и Казлаускас в корыстных целях занимаются какими-либо злоупотреблениями по службе. Работники милиции не о寧ились в своих предположениях.

- 16 мая 1958 г. в госавтоинспекции, где происходило заседание квалификационной комиссии, один из руководящих работников УМВД Литовской ССР случайно заметил, как Казлаускас перекладывал толстую пачку денег из кармана в чемодан. И так как он и его приятель

¹ За успешное расследование настоящего дела т. Сухареву приказом Прокурора Литовской ССР от 30 марта 1959 г. объявлена благодарность и выдана денежная премия в сумме 500 руб.

Романаускас давно подозревались в нечистых делах, их задержали.

Когда осмотрели чемодан Казлаускаса, то в нем оказалось несколько пачек денег на сумму более 8000 руб. Казлаускас объяснил, что это его личные сбережения, которые он привез из Вильнюса для покупки в Клайпеде мотоцикла.

При осмотре содержимого портфеля у другого члена квалификационной комиссии Романаускаса обнаружили деньги в сумме более 5000 руб. Часть денег, как объяснил Романаускас, он привез из дома, т. е. из Каунаса, чтобы купить себе костюм в Клайпеде, а остальную сумму ему якобы возвратил один малознакомый гражданин, проживающий в Клайпеде, которому он давал деньги с целью приобретения запасных частей для автомашины. Фамилию, адрес или место работы этого гражданина Романаускас назвать не мог.

Эти объяснения задержанных вызывали большое сомнение.

Казалось, маловероятным, чтобы у Казлаускаса, получающего зарплату не свыше 1000 руб. и имеющего на иждивении жену и двух детей, могли быть такие сбережения, а если даже и допустить наличие у него таких сбережений, то спрашивается, зачем он привез эти деньги в Клайпеду, где, как хорошо известно Казлаускасу, купить мотоцикл в то время было невозможно.

Также неубедительно звучали и объяснения Романаускаса. Ехать из Каунаса в г. Клайпеду с целью покупки костюма было еще более нелепо.

По-видимому, Романаускас и Казлаускас, не желая назвать истинного источника получения ими денег, на спех придумали эти малубедительные объяснения.

Помимо денег, у Казлаускаса в чемодане оказалось четыре новых трикотажных мужских рубашки, которые, по его словам, он купил в магазинах г. Клайпеды. Однако они не имели торговых ярлыков, а при проверке выяснилось, что такие рубашки в 1958 году в магазинах, называемых Казлаускасом, не продавались.

Возникла необходимость разыскать лиц, которым выдавались за подпись Романаускаса и Казлаускаса удостоверения на право вождения автомобилей и мотоциклов, и через них попытаться установить возможные факты взяточничества.

Прежде всего мы решили тщательно изучить документацию, касающуюся оформления и выдачи удостоверений на право вождения автомобилей и мотоциклов.

Изучить подряд всю документацию, содержащуюся в огромном количестве томов, не было физической возможности ввиду трудоемкости этой работы. Поэтому в первую очередь мы решили изучить документацию, касающуюся лиц, сдававших экзамены экстерном. Они обычно и теоретически, и практически бывают подготовлены к экзаменам слабее, чем лица, прошедшие специальный курс по автоделу, и здесь вероятнее всего всякие злоупотребления при выдаче им удостоверений на право вождения автомобилей или мотоциклов.

При ознакомлении с документацией я обратил внимание на следующее обстоятельство: многие водители, получившие удостоверения шоферов, почему-то сдавали экзамены не по месту своего жительства, а в других городах и районах Литовской ССР.

Я решил допросить указанных лиц и выяснить, при каких обстоятельствах они сдавали экзамены, кто выдавал им удостоверения на право вождения машины.

Однако при вызове их на допрос мы встретились с неизвестным затруднением. Оказалось, что эти лица не проживали по тем адресам, которые были указаны в их личных карточках (так называемых карточках водителей), хранящихся в документах госавтоинспекции. Это повлекло за собой необходимость проведения большей работы по установлению домашних адресов значительного числа лиц через кустовые адресные бюро Литовской ССР. Забегая вперед, скажу, что (как выяснилось в процессе дальнейшего расследования) некоторые работники госавтоинспекции, вставшие на преступный путь, умышленно указывали в личных карточках водителей неправильные адреса, чтобы затруднить установление и допрос этих граждан.

После того, как мы с большим трудом установили настоящие адреса лиц, получивших права на вождение автомашины, и вызвали их на допрос, все они заявили, что экзамены действительно сдавали, удостоверения шоферов получили законно и никому никаких взяток за это не давали.

С целью проверки своих предположений мы подвергли этих лиц своеобразным экзаменам: для участия при-

глашались специалисты по автоделу, которые задавали им вопросы, касающиеся устройства автомобиля, правил уличного движения и практики езды на автомобиле.

При этом многие из опрашиваемых лиц обнаруживали почти полное незнание автомобильного дела и явную непригодность к работе в качестве шоferа или к вождению мотоцикла. Тем не менее, они продолжали утверждать, что удостоверения получили законно.

Пришлось прибегнуть к детальному допросу этих лиц, чтобы путем выяснения мелких деталей и обстоятельств, связанных со сдачей экзаменов и получением удостоверений, уличить их во лжи.

В частности, мы задавали им вопросы о том, когда и где они сдавали экзамены; в каком помещении того или иного города или районного центра; на какие вопросы им пришлось отвечать на экзаменах; в какой поликлинике или амбулатории они проходили медицинскую комиссию, платили ли сборы и в какой сумме, в какие отделения госбанка?

Такие допросы требовали очень много времени, но я не жалел затраченных усилий и времени, и вот результаты: некоторые из допрашиваемых, изобличенные во лжи, благодаря примененной нами тактике допроса, вынуждены были признать, что они действительно не сдавали никаких экзаменов по шоферскому делу, а удостоверения на право вождения приобрели за взятки, которые давали работникам госавтоинспекции через неизвестных им посредников в размере от 800 до 1500 руб., и от посредников же получали эти удостоверения.

Теперь перед нами всталая задача выявить круг посредников, преступно связанных с работниками госавтоинспекции, выдававшими за взятки права водителей. Разрешить эту задачу помог нам допрос одного из свидетелей, числившегося по спискам сдавшим экзамены на право вождения автомашины. На допросе он рассказал, что еще несколько месяцев назад он передал некой Шаркайте Янине, проживающей в местечке Ваверженай Клайпедского района, 1500 руб., за это она обещала приобрести ему права водителя без сдачи экзаменов по шоферскому делу. Однако, несмотря на продолжительный период, прошедший с момента передачи им денег, Шаркайте удостоверения еще не достала и денег не возвращала.

Поинтересовавшись личностью Шаркайте, я установил, что она долгое время нигде не работает, очень часто зачем-то выезжает в города Вильнюс, Каунас и Клайпеду. Шаркайте имеет наждивении взрослую dochь, которая также нигде не работает, и хотя денежной помощи Шаркайте с dochерью ни от кого не получают, материально они живут хорошо. Это давало основание полагать, что Шаркайте имеет какие-то нетрудовые источники доходов.

Однако обыск, произведенный на квартире у Шаркайте, никаких результатов не дал. Имея сведения, что Шаркайте хранит некоторые свои вещи у соседки по квартире, мы произвели обыск и там. В комнате соседки обнаружили ценные доказательства, свидетельствующие о причастности Шаркайте к преступной деятельности работников госавтоинспекции: различные документы — справки о направлении на квалификационную комиссию, выписанные на имя разных лиц; квитанции об уплате в отделение госбанка разовых сборов в сумме 15 руб.¹, фотокарточки, паспорта, адреса и анкетные данные разных граждан.

Соседка Шаркайте заявила, что сверток с указанными документами ей оставила Шаркайте накануне своего очередного выезда из местечка Ваверженай.

Вызванная на допрос Шаркайте первоначально пыталась отрицать какую бы то ни было причастность к незаконной выдаче шоферских удостоверений, но когда ей предъявили обнаруженные при обыске документы, признала, что еще в 1957 году вошла в преступную связь с начальником Каунасского автомотоклуба ДОСААФ Богушускасом и покупала у него свидетельства о сдаче экзаменов по устройству автомобиля, а затем перепродавала эти свидетельства разным лицам из расчета по 1000—1500 руб. за каждый документ. Всего таким путем Шаркайте приобрела у Богушускаса более 10 свидетельств.

Далее Шаркайте рассказала: 15 мая 1958 г. она на квартире своего брата в Клайпеде встретилась с госавтоинспектором Казлаускасом и договорилась с ним, что он без приема экзаменов оформит удостоверения шоферов для шести человек, и передала ему при этом записку

¹ Разовые сборы в сумме 15 руб. взимаются со всех лиц, желающих получить права водителей, перед сдачей ими экзаменов.

с анкетными данными последних. На следующий день, т. е. 16 мая 1958 г., Казлаускас оформил личные карточки водителей на имя этих лиц, но передать Шаркайте удостоверения шоферов для них не успел, так как был в этот день задержан.

Все допрошенные по этим фактам лица, документы которых обнаружили при обыске в квартире соседки Шаркайте, подтвердили, что они экзаменов по шоферскому делу не сдавали, а заплатили по 1000—1500 руб. Шаркайте, которая обещала им в ближайшее время доставить удостоверения шоферов.

Вызванный из Каунаса начальник автомотоклуба Богушаускас под давлением собранных по делу доказательств признался в том, что на протяжении 1957—1958 гг. он продал лично и через своих посредников: Шаркайте, Барткуса, Потелюнаса и других до 50 свидетельств о сдаче экзаменов по шоферскому делу, получая в среднем за каждое свидетельство по 300 руб.

Казлаускас и Романаускас, отрицающие вначале свое участие в незаконной выдаче шоферских удостоверений за взятки, изобличенные собранными по делу доказательствами и, в частности, показаниями Богушаускаса, вынуждены были признаться в совершенных ими преступлениях.

Казлаускас, признав свою преступную связь с Шаркайте и Богушаускасом, сообщил и о других случаях незаконной выдачи удостоверений на право вождения автомашины.

Он рассказал, что по просьбе госавтоинспектора Тельшайского района Литовской ССР Янушаса, который сам не имел права на выдачу удостоверений водителям, незаконно передал ему несколько таких удостоверений на имя Сова, Манкуса, Ляуданскаса, Тупе, Керпе и других лиц, получив за это от Янушаса взятку в сумме 5000 руб.

Изобличенный этими показаниями, Янушас также признался в незаконной выдаче удостоверений и в свою очередь назвал ряд новых преступных фактов.

В частности, Янушас рассказал о получении за взятки удостоверений шоферов через начальника Вильнюсского отделения госавтоинспекции Кондратаса, который вошел в преступный сговор с инженером-инструктором Каунасского автомотоклуба Зуюсом. За взятки они выдали

Янушасу шесть удостоверений на право вождения автомашины, которые затем он продал лицам, заинтересованным в их приобретении, из расчета по 700—1000 руб. за удостоверение.

Показания Янушаса нашли свое объективное подтверждение и в других материалах, добывшихся при расследовании.

Так, было установлено, что в марте 1958 года посредник, некто Юшкявичус, договорился с Керпе Павиласом доставить ему за взятку удостоверение шо夫ера. Вскоре Керпе уехал из Клайпеды на промысел в Северную Атлантику и отсутствовал до июня 1958 года. За это время Юшкявичус через Янушаса и Кондратаса получил для него за взятку удостоверение шофера.

Керпе, таким образом, находясь за много тысяч миль от Клайпеды, ухитрился «сдать экзамены» в Клайпеде по устройству автомобиля, правилам уличного движения и правилам практической езды на автомобиле.

Постепенно путем допроса свидетелей из числа лиц, указанных в списках в качестве сдавших экзамены на право вождения автомобиля, и иных лиц удалось установить еще несколько групп работников госавтоинспекции, выдавших за взятки удостоверения шоферов.

Удостоверения за взятки выдавали также старший госавтоинспектор Гирканас, инструктор Каунасского автомотоклуба Лилас и начальник Клайпедского отделения госавтоинспекции Лубягин.

Как показал на допросе шофер совхоза «Падевитас» Шилальского района Петраускас, он, находясь в Клайпеде, обратился к начальнику отделения госавтоинспекции Лубягину с вопросом, когда можно будет сдать экзамены для получения удостоверения шофера. Лубягин ответил ему, что удостоверение можно получить и без сдачи экзаменов, нужно только уплатить 1600—1700 руб. Петраускас согласился на предложение Лубягина и вскоре после этого вместе с Двиртисом и Закарасом, изъявившими желание получить удостоверение шоферов на таких же условиях, приехали к Лубягину и передали ему каждый по 1600 руб. Это признал и Лубягин после очных ставок с названными лицами.

Лубягин показал, что, получив деньги от указанных лиц, он выехал в г. Шилуте, где в это время в служебной командировке по приему экзаменов находились госавто-

инспектор Гиркантас и инструктор Каунасского автомотоклуба Лиллас. Договорившись с ними об оформлении удостоверений шоферов без сдачи экзаменов на имя Петраускаса, Двиртиса и Закараса, он уплатил им по 800 руб. за каждое удостоверение и, получив удостоверения, передал их по назначению.

Таким же путем, за взятки, Лубягин получил удостоверения шоферов для Кучинскаса, Гедвиласа и Вовериса через госавтоинспекторов Метлицкого, Кондратаса, Казлаускаса и работника Каунасского автомотоклуба Романова.

Значительную помощь при расследовании мне оказали представители общественности. Я опубликовал в газете статью с краткой информацией по делу о взяточничестве работников госавтоинспекции, после чего ко мне в прокуратуру явились граждане, сообщившие дополнительные факты об известных им случаях получения шоферских удостоверений за взятки. Приходили и «потерпевшие», которые рассказали, что они через малознакомых им лиц пытались за деньги, без сдачи соответствующих экзаменов, получить права водителей.

В результате расследования была выявлена большая группа взяточников из числа работников госавтоинспекции, работников Каунасского автомотоклуба и кляйпедского филиала автомотоклуба, а также посредников в передаче взяток.

Указанные лица выдали за взятки более ста удостоверений на право вождения автомашин и мотоциклов.

Взяточников за нецелесообразность к уголовной ответственности не привлекали. Мы ограничились тем, что подвергли их мерам общественного воздействия и изъяли незаконно выданные им удостоверения на право вождения автомашин, предотвратив таким путем возможные автоаварии и несчастные случаи.

В обеспечение возможной конфискации по приговору суда на имущество обвиняемых наложили арест на общую сумму в 200 тыс. руб. В числе описанного имущества были автомашины разных марок, дорогая мебель, золотые и другие ценные вещи, облигации 3% займа.

Верховным судом Литовской ССР все обвиняемые осуждены к разным срокам лишения свободы.

Прокурор Костюковской
межрайонной прокуратуры
Могилевской области
юрист 1-го класса
А. С. Халинский

НЕУДАВШАЯСЯ ИНСЦЕНИРОВКА НЕСЧАСТНОГО СЛУЧАЯ

В бытность моей работы следователем Быховского района я однажды получил сообщение из отдела милиции о том, что на лугу колхоза «Красный партизан» обнаружен труп сторожа Ковшова. Вместе с работниками милиции я выехал на место происшествия.

Перед осмотром я предварительно побеседовал с женой покойного Ковшовой Анной, которая сообщила, что ее муж накануне вечером 31 октября ушел на охрану стогов сена, обещая вскоре возвратиться.

Закончив беседу, я дал указание работникам милиции осмотреть окружающую местность, а сам приступил к осмотру места происшествия.

Труп Ковшова лежал на лугу около стога сена в 2 км от поселка Покровский Ново-Быховского сельсовета и в 100 м от берега Днепра.

Внутренняя поверхность нижней трети плеча левой руки Ковшова и мягкие ткани запястья оказались размозженными и имели вид отдельных обрывков черного цвета. Из-под трупа извлекли головку от бронебойного артиллерийского снаряда и множество осколков, оставивших следы многочисленных повреждений на теле умершего. Это позволило предположить, что гибель Ковшова произошла результате несчастного случая от неосторожного обращения со снарядом.

Однако, осматривая труп, я обратил внимание, что из раны на правом боку торчит кусок ткани. Это оказался войлочный пыж цилиндрической формы, диаметр

РЕПОЗИТОРИЙ ГУРУ

ром около 2 см, обычно употребляемый охотниками при снаряжении ружейных патронов. Кроме того, около трупа лежала оболочка от горевшего бикфордова шнуря, а рядом с ней окурок от самокрутки. Ковшов же, по словам его жены, не курил.

Таким образом, смерть Ковшова, видимо, наступила от огнестрельного ранения. Это предположение позднее подтвердилось судебномедицинским исследованием трупа.

Поскольку Ковшов был убит выстрелом из охотничего ружья, я предположил, что на месте происшествия, а также на окружающей местности могут находиться пуля, картечка или дробинки. Эти предметы могли иметь важное значение как для раскрытия преступления, так и для изобличения преступников, поэтому я разбил окружающую местность на квадраты и организовал поиски вещественных доказательств. Однако тщательный осмотр местности положительных результатов не дал. Тогда пригласили специалиста с миноискателем, но и с его помощью разыскать ничего не удалось.

Неподалеку от места происшествия находилось углубление, залитое водой. Полагая, что в нем могли находиться искомые предметы, я дал указание доставить пожарный насос, которым откачивали воду, но и это мероприятие не привело к обнаружению вещественных доказательств.

Версия о совершении убийства с целью хищения сена или ограбления Ковшова исключалась, так как все охраняемое Ковшовым сено находилось на месте, а в карманах его брюк осталось 115 руб.

Жена покойного показала, что проживающий по соседству Евсеев Иван находился с ее мужем во враждебных отношениях и неоднократно угрожал ему убийством. К Ивану часто приходил его родственник Евсеев Павел, с которым он пьянизовался.

На основании этих показаний в домах и надворных постройках Евсеевых одновременно произвели обыски.

При обыске у Ивана нашли два куска прессованного толка от 400-граммовых толовых шашек, обрез русской винтовки и три штыка.

У Павла изъяли ружье 16-го калибра, три патрона такого же калибра, снабженные крупными круглыми свинцовыми самодельными пулями и войлочными пыжами,

жами, четыре войлочных пыжа и папиросу-самокрутку с табаком самосадом.

Евсеев Павел заявил, что обнаруженные пыжи он получил от Свиридова. В связи с этим в доме последнего также произвели обыск, во время которого обнаружили и изъяли охотничье ружье и 314 штук войлочных пыжей, сходных с пыжами, найденными у Евсеева Павла, и пыжом, извлеченным из трупа Ковшова.

Пыжи, по показаниям Свиридова, он изготовил сам при помощи металлический насечки из имевшихся у него двух старых валенок. Часть этих пыжей он дал Евсееву Павлу по просьбе последнего.

Тогда я назначил криминалистическую экспертизу, производство которой поручил Минской научно-исследовательской криминалистической лаборатории.

На разрешение экспертизы поставили следующие вопросы:

1. Исправно ли одностольное ружье, изъятое при обыске у Евсеева Павла. Если да, то как давно произведен из него выстрел?

2. Какого калибра и вида оружие использовалось для убийства Ковшова, судя по извлеченому из его трупа пыжу?

3. Из какого материала изготовлен пыж, извлеченный из трупа Ковшова?

4. Не является ли пыж, извлеченный из трупа Ковшова, сходных с пыжами, обнаруженными в домах у Евсеева и у Свиридова, и если да, то по каким признакам?

5. Можно ли определить по повреждениям, имеющимся на одежде Ковшова, каким зарядом был произведен выстрел и, в частности, не нанесены ли имеющиеся повреждения пулей, сходной с пулями, находящимися в патронах, изъятых при обыске у Евсеева?

Эксперт-криминалист дал следующее заключение. Ружье, изъятое у Евсеева Павла, технически исправно и к стрельбе пригодно. Выстрелы из него последний раз проводились в пределах 10—15 суток до дня исследования, что соответствует времени убийства Ковшова. Выстрел в Ковшова произведен из охотничего ружья 16-го калибра. Пыж, извлеченный из трупа Ковшова, однороден с пыжами, изъятыми у Евсеева Павла и Свиридова по следующим признакам: по материалу, из которого они изготовлены; по цвету материала; по спосо-

бу изготавления; по форме оснований и вершин пыжей; по форме боковых поверхностей. Из заключения эксперта также следовало, что при выстреле в Ковшова в качестве заряда был использован один предмет, каковым могла быть пуля, аналогичная пулям, имеющимся в патронах, изъятых при обыске у Евсеева Павла.

Хотя убийство Ковшова Свиридовым исключалось, так как они находились в хороших взаимоотношениях, я все же направил на исследование изъятое у Свиридова ружье. Выстрелы из ружья Свиридова по заключению экспертизы производились давно, что не соответствовало времени убийства Ковшова.

Как выяснилось, Евсеев Иван на другой день после убийства Ковшова уехал в г. Рогачев к своему сыну. Я поехал туда.

Задержав Евсеева Ивана, я тщательно осмотрел его одежду и обувь. На голеницах сапог имелось множество пятен буроватого цвета. На допросе он показал, что резал гуся и испачкал голеница своих сапог гусиной кровью. Убийство Ковшова он отрицал, выдвинув свое алиби. 31 октября вечером он якобы находился в деревне Виляховка, и его видела там Ковшова Пелагея. Однако последняя эти показания не подтвердила.

В пятнах на сапогах Евсеева Ивана судебномедицинский эксперт нашел кровь человека.

Товароведческая экспертиза установила, что табак, извлеченный из окурка, обнаруженного на месте убийства Ковшова, и табак, находящийся в самокрутке, изъятой при обыске в доме у Евсеева Павла, сходны и являются табаком-самосадом, о чем свидетельствует: наличие зелени листьев, неравномерные и тупые срезы кусочков, наличие насечек от ударов режущего орудия, что исключается при фабричной обработке.

По вопросу происхождения изъятой у него при обыске папиросы-самокрутки Евсеев Павел показал, что он курит в основном не табак-самосад, а папиросы и что самокрутка оставлена его сыном, уехавшим в Иркутск.

Для проверки показаний Евсеева Павла я передал в Иркутск телефонограмму о допросе его сына. Последний заявил, что папироса-самокрутка, обнаруженная в их доме, может принадлежать его отцу, так как отец курит только табак-самосад, а он только папиросы.

Для разрешения вопроса о том, каким способом взорвали труп Ковшова, я назначил техническую экспертизу, которая дала следующее заключение. В левую руку трупа Ковшова был вложен бронебойный артиллерийский снаряд от 45—50-миллиметровой противотанковой пушки, рядом со снарядом положена толовая шашка весом около 400 г и к ней подведен бикфордов шнур с капсюлем-детонатором.

Таким образом, труп Ковшова взорвали с целью скрытия следов совершенного преступления и направления следствия по ложному пути.

В ходе следствия я установил, что Ковшов и проживавший с ним по соседству Евсеев Иван на протяжении ряда лет находились между собой во враждебных отношениях. На почве этих отношений Евсеев Иван еще в 1951 году пытался убить Ковшова. С этой целью в ночь на 20 июля 1951 г. он напал на спавшего на лугу Ковшова и тупым предметом нанес последнему удар по голове, вследствие чего размозжил ему яблоко левого глаза и переломил верхнюю челюсть. За причинение Ковшову умышленного тяжкого телесного повреждения Евсеев Иван был осужден к трем годам лишения свободы. В связи со значительной потерей Ковшовым трудоспособности по его искам, предъявленным к Евсееву, с последнего согласно решению народного суда взыскивалось в пользу Ковшова вначале 35 руб., а с 30 марта 1957 г.— 45 руб. ежемесячно. Евсеев систематически уклонялся от уплаты присужденных в пользу Ковшова средств, сумма задолженности накапливалась. Взыскания денег производились каждый раз только в принудительном порядке и в ряде случаев после описей имущества. Будучи озлоблен за это на Ковшова, Евсеев неоднократно угрожал ему убийством.

Так, когда судебный исполнитель Абрамович 30 марта 1958 г. пришел в дом Евсеева по поводу взыскания задолженности в пользу Ковшова за 1957 год в сумме 480 руб., то Евсеев, уплатив указанную сумму, заявил: «Деньги Ковшову не придется долго получать».

Жена покойного Ковшова показала, что отношения ее мужа с Евсеевым Иваном особенно обострились после того, как судебные исполнители стали принудительно взыскивать присужденные суммы, в связи с чем Евсеев часто угрожал Ковшову расправой. О неоднократ-

ных угрозах убийством она и ее муж устно заявляли участковому уполномоченному милиции Савостикову. Последний полностью подтвердил эти показания.

В процессе следствия выяснилось еще одно очень важное обстоятельство. 31 октября около 17 часов Евсеев Павел, будучи в нетрезвом состоянии, с охотничим ружьем и сумкой с боеприпасами направился на челноке вниз по течению Днепра к поселку Покровский. Об этом я узнал от свидетеля Юркова Николая, который видел Евсеева Павла, когда тот спускался к берегу Днепра. На вопрос Юркова: «Куда вы, дядька, едете?» Евсеев Павел неопределенно ответил: «А, поеду» и уплыл на челноке в направлении поселка Покровский.

Эти показания сыграли весьма важную роль в изобличении во лжи Евсеева Павла, который на допросах утверждал, что 31 октября все время находился дома.

Стало также известно, что на другой день после убийства Евсеев Павел в присутствии Юркова Корнея сказал: «Ковшов сам подорвался, раскручивая что-то».

Следовательно, Евсеев Павел знал конкретные обстоятельства убийства Ковшова, в частности, тот факт, что в руке последнего был взорван снаряд, но пытался убедить окружающих в том, что имел место несчастный случай.

Поскольку убийство Ковшова было совершено в 19 час. 30 мин., следовало выяснить, мог ли Евсеев Павел проделать на челноке путь от деревни Лазаревичи до поселка Покровский за 2 часа 30 мин.

Для этого я в присутствии понятых измерил расстояние от места, где садился в челнок Павел, до места убийства Ковшова, о чем составил соответствующий протокол. Расстояние оказалось равным 3200 м.

Так как к этому времени Днепр уже замерз и следственный эксперимент провести не представилось возможным, я путем допроса ряда свидетелей и, в частности, рыбаков, а также запросом в Могилевский морской клуб установил, что проплыть на челноке одному человеку это расстояние вниз по течению можно не более чем за 30—40 мин. Следовательно, Евсеев Павел вполне мог с 17 час. до 19 час. 30 мин. доплыть до поселка Покровский.

Таким образом, собранными доказательствами было установлено, что Евсеев Иван по предварительному

сговору со своим родственником Евсеевым Павлом 31 октября в 19 час. 30 мин. на лугу колхоза «Красный Партизан» выстрелом из охотничьего ружья убил Ковшова, а затем с целью скрытия преступления взорвал его труп.

Изучая личность обвиняемых, я установил, что Евсеев Павел так же, как и Евсеев Иван, в прошлом уже судим: дважды за кражу личной собственности граждан и один раз за побег из места лишения свободы. Копии всех приговоров я приобщил к делу.

Несмотря на то, что и на предварительном следствии и на суде Евсеевы не признались в убийстве Ковшова, они были приговорены Могилевским областным судом к высшей мере наказания.

Приговор приведен в исполнение.

Помощник прокурора
Ждановского района Москвы
юрист 2-го класса
К. Ф. Скворцов

РАБОТА СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПРЕСТУПНЫХ НАРУШЕНИЙ ПРАВИЛ ТЕХНИКИ БЕЗОПАСНОСТИ

Как известно, производя расследование преступных нарушений правил техники безопасности, следователь должен установить причины нарушений правил и норм, охраняющих труд, причины производственного травматизма на данном предприятии или в отдельных его цехах и обязательно принять меры к устранению выявленных нарушений и к предупреждению возможных нарушений в будущем.

Я остановлюсь на некоторых частных методах предупреждения нарушений правил техники безопасности и производственной санитарии, применяемых в следственной практике.

Прежде всего, следует отметить, что сам факт предварительного расследования преступления, связанного с нарушением правил техники безопасности на каком-либо предприятии, кроме задач раскрытия преступления, имеет серьезное предупредительное значение.

Одним из методов работы следователя по предупреждению преступных нарушений правил техники безопасности является обсуждение и разбор конкретного уголовного дела о нарушении правил техники безопасности, направленного в суд, на том предприятии, стройке, где было совершено преступление. Подобные обсуждения приносят большую пользу, помогают вскрыть причины, вызвавшие несчастный случай, выявить иные нарушения

правил техники безопасности и промышленной санитарии, которые могут привести к травматизму.

Такие обсуждения проводятся либо по инициативе следователя, либо по просьбе общественных организаций и администрации предприятия. На собрании выступает следователь, сообщает присутствующим о результатах расследования, о тех нарушениях правил техники безопасности, которые были установлены, о конкретной вине каждого из обвиняемых. Выступают также рабочие предприятия, работники отдела техники безопасности и другие лица, намечаются пути устранения причин производственного травматизма.

Характерен в этом отношении следующий пример.

С начала мая 1959 года бригада слесарей-монтажников Московского монтажного управления треста «Промтехмонтаж» производила работы на заводе железобетонных изделий. Руководил ими мастер Л.

Среди прочих заданий надлежало выполнить монтаж ленточного транспортера в переходной галерее. Эта часть работ долгое время не производилась, так как мастер Л. знал, что без надлежащей проектной документации и конкретного решения об организации работы выполнять монтаж нельзя.

Однако 4 сентября 1959 г. Л. разрешил бригаде монтажников выполнять указанные работы без технической документации. Тем самым он сознательно нарушил правила по технике безопасности, в частности, п. 3 общих положений «Правил техники безопасности для строительно-монтажных работ», утвержденных 26 февраля 1958 г. Президиумом ЦК Профсоюза рабочих строительства и промышленности строительных материалов, согласно которому запрещается выполнение работ без проектной документации.

На следующий день начались работы. Был вскрыт дощатый настил пола, под которым находился слой шлаковой ваты¹, лежавшей на тонких шиферных листах, которыми галерея была обшита снизу. Шиферная подшивка не была предназначена для какой-либо нагрузки и могла ее не выдержать, но монтажники этого не знали.

Мастер не проинструктировал монтажников на рабо-

¹ Шлаковая вата — теплоизоляционный материал, разновидность минеральной ваты, изготавляемой из расплавов металлургических и топливных шлаков.

чём месте, не предупредил их о возможной опасности, и сам не осуществлял технического надзора за производством работ.

Таким образом, бригада была поставлена в опасные условия работы.

В понедельник 7 сентября 1959 г. монтажники К. и С. поднялись на галерею. Во время работы К. наступил на шлаковую вату, шифер проломился, и К. упал на бетонную дорогу с 18-метровой высоты. От полученных повреждений он скончался.

Все эти обстоятельства были установлены в ходе предварительного следствия¹.

Когда уголовное дело было направлено в суд, к следователю обратилась администрация и руководители общественных организаций с просьбой провести беседы для инженерно-технических работников управления по правовым вопросам охраны труда и техники безопасности с разбором уголовного дела по обвинению Л.

На беседу собрались мастера, начальники участков и другие работники управления, призванные следить за состоянием охраны труда и техники безопасности.

Следователь рассказал собравшимся о законодательстве по охране труда, об ответственности инженерно-технического персонала за нарушение правил техники безопасности, в том числе и об уголовной ответственности, о разграничении ответственности между отдельными должностными лицами. Подробно были освещены материалы уголовного дела по обвинению Л., вскрыты причины, вызвавшие несчастный случай с рабочим К. Следователь технически грамотно изложил свои выводы по данному делу и ответил на поставленные ему вопросы.

После следователя выступили работники монтажного управления, которые высказали свое отношение к произошедшему событию и остановились на причинах, порождающих травматизм среди рабочих монтажного управления. Выступленияшли далеко за рамки обсуждения уголовного дела. Говорилось о нарушениях законодательства об охране труда на других объектах управления, предлагались конкретные мероприятия по улучшению безопасности труда рабочих.

¹ Расследование по этому делу проводил следователь прокуратуры Ждановского района г. Москвы, юрист 3-го класса Смирнов А. Н.

Это обсуждение принесло несомненную пользу для улучшения охраны труда и техники безопасности в Московском монтажном управлении и внесло свой вклад в дело предупреждения травматизма.

В тех случаях, когда в результате нарушения правил техники безопасности не наступило тяжелых последствий, совершившее такое преступление лицо, если оно не представляет большой общественной опасности, передается на поруки общественным организациям, по ходатайствам последних.

При обсуждении на собрании коллектива цеха, участка вопроса о взятии такого лица на перевоспитание, как правило, присутствует следователь, который информирует собрание о результатах расследования, о причинах несчастного случая. Трибуны подобных собраний следователь также может и должен использовать в целях предупреждения нарушений правил техники безопасности в будущем.

Весьма действенным средством предупреждения нарушения правил техники безопасности является внесение представлений в соответствующие хозяйствственные или общественные организации. Иногда представления являются результатом обобщения данных, полученных при расследовании по нескольким аналогичным уголовным делам.

В процессе расследования следователь устанавливает причины несчастного случая, обстоятельства, способствовавшие его наступлению, иные нарушения, которые могут в будущем привести к травмам. На обязанности следователя лежит принятие мер по устранению нарушений законов об охране труда. Делается это путем представлений.

В представлении может быть поставлен вопрос об устранении технических причин травматизма: расчистке загроможденных проходов, снабжении рабочих индивидуальными средствами защиты, спецодеждой, установке ограждающих устройств, улучшении освещения и т. д., а также об улучшении техники безопасности, о повышении качества инструктажа по технике безопасности, о правильной организации рабочих мест, о постоянном техническом надзоре за работами и пр.

Мною расследовалось дело о несчастном случае со столяром К. Было установлено, что мастер С., ответствен-

ный за организацию работ и состояние техники безопасности в столярной мастерской, дал указание К. произвести обработку досок на вертикальном фрезерном станке ФШ-3. При начале этих работ мастер присутствовал, а потом ушел, оставив рабочих без технического надзора и сказав только, чтобы они работали «поаккуратней».

Столяр К. в нарушение правил техники безопасности работал в рукавицах, однако он был вынужден это делать, так как помещение не отапливалось и материал подавался обледенелым (дело происходило зимой).

Во время обработки одной из досок режущим инструментом вместе с рукавицей была захвачена кисть левой руки К., и он получил травму четырех пальцев.

При расследовании установили ряд нарушений правил техники безопасности, которые не были непосредственно связаны с данным несчастным случаем, но тоже могли привести к травмам.

В связи с этим на имя директора завода было направлено представление, в котором указывалось на следующие нарушения правил техники безопасности в столярной мастерской завода:

1. В столярной мастерской отсутствует механическое удаление опилок и отходов от деревообрабатывающих станков, чем нарушается п. 12 главы I «Правил о мерах безопасности работ в производствах по механической обработке дерева», в котором говорится об обязательном автоматическом удалении опилок и отходов с помощью непрерывных транспортеров или вентиляционных приспособлений.

В мастерской завода имеется несколько деревообрабатывающих станков и в связи с этим там вполне возможно и целесообразно установить пневматическую транспортировку отходов, как наиболее надежный, безопасный и простой способ в условиях мастерской.

2. При обработке брусковых деревянных деталей длиной более рабочего стола станка в мастерской не применяются дополнительные надежные опоры, чем нарушается п. 7 названных выше Правил.

3. В мастерской имеет место обработка деревянных деталей, покрытых льдом, это вынуждает рабочих, в нарушение правил по технике безопасности, пользоваться рукавицами, что приводит к несчастным случаям. Наличие льда на поверхности досок создает условия

неравномерности их подачи в станок. В таком состоянии доски подаются в станок вручную рывками, что может привести к попаданию рук столяра в режущий инструмент.

В мастерской необходимо в связи с этим запретить обработку сырых и обледеневших пиломатериалов и наладить сушку древесины в необходимых объемах.

В представлении, помимо указаний на конкретные нарушения правил техники безопасности в столярной мастерской и ссылок на нормативные акты, были даны рекомендации по устранению нарушений. Отмеченные в представлении нарушения руководство завода устранило и спустя месяц сообщило в прокуратуру, что вентиляционная система по удалению отходов от станков уже действует, дополнительные подставки к станкам сделаны, а сушильные камеры для древесины изготавливаются.

Большую помощь в составлении этого представления оказал судебно-технический эксперт.

В ходе следствия по данному делу было установлено, что основной причиной несчастного случая явилась неудачная конструкция вертикально-фрезерного станка ФШ-3, которая не обеспечивала безопасных условий работы.

В связи с этим мы внесли представление заводу-изготовителю. В представлении указали на нарушение п. 83 «Правил о мерах безопасности работ в производствах по механической обработке дерева», в котором говорится, что режущие инструменты на фрезерных станках должны быть закрыты предохранительным чехлом, прикрепленным к столу станка. Обратив внимание завода-изготовителя на то, к чему привела недоработка станка, мы поставили вопрос о его совершенствовании.

Несколько слов следует сказать о том, когда должно быть внесено представление. В большинстве случаев целесообразнее составлять и вносить представления после окончания следствия по делу. Только собрав и проанализировав все материалы, изучив состояние охраны труда на предприятии или в отдельном его цехе (участке), следователь может обобщить полученный материал и сделать из него правильные, обоснованные выводы, которые помогут улучшить состояние техники безопасности на предприятии.

В некоторых, не терпящих отлагательства, случаях следователь может по отдельным вопросам вносить представления в ходе следствия по делу (например, если администрация не устраивает причин, вызвавших травму, или устраняет их только на том станке, на котором произошел несчастный случай, а не на всех аналогичных станках, имеющих такие же дефекты).

Важное место в системе мероприятий по предупреждению нарушений правил техники безопасности занимают выступления следователей и прокуроров в многостражной печати. В ней освещаются причины и условия, способствующие совершению преступлений, выявленные при расследовании отдельных уголовных дел.

Станочник деревообделочного цеха Московского завода малолитражных автомобилей Ч. производил на фрезерном станке обработку деревянного бруса. Во время подачи детали на вращающуюся фрезу брус вырвало из рук Ч., и его левая рука попала на режущий инструмент, причинивший тяжелые повреждения кисти.

После рассмотрения уголовного дела в суде нами была опубликована статья в многотиражной газете «За советскую малолитражку», в которой говорилось об ответственности административно-технического персонала завода за нарушения правил техники безопасности, о необходимости улучшить условия труда в деревообделочном цехе. Далее описывались конкретные обстоятельства дела. Указывалось на те причины, которые привели к травматическому случаю.

Таким же вопросам была посвящена и другая наша статья под названием «Заботиться об охране труда» в многотиражной газете «За отличный подшипник».

29 сентября 1958 г. рабочие-плотники Первого государственного подшипникового завода К., У. и другие производили работы по устройству крыши. Закончив раньше других обрешетку крыши на своем участке, У. поднялся и вдруг, потеряв равновесие, упал с крыши. От полученных повреждений он скончался.

В статье говорилось о тех причинах, которые привели к несчастному случаю, в частности, о том, что рабочие в течение нескольких дней работали на крыше без предохранительных поясов, им не указали места, к которым следовало бы привязать предохранительные веревки, рабочих оставили без технического руководства и надзора,

никто не обращал их внимания на опасные моменты в работе.

Для иллюстрации отношения руководителей участка к вопросам техники безопасности в статье приводилась выдержка из показаний свидетеля Г. о том, как проходило обучение технике безопасности на участке: «Расписывался в будке, на какой-то ведомости без всякого инструктажа. Когда был действительно инструктаж, не помню, но это было очень давно».

Отмечалось также, что на участке Б. и К., привлеченных к уголовной ответственности по данному делу, в течение года произошли несчастные случаи, различные по тяжести, с 12 рабочими. За четыре месяца до несчастного случая с У. Б. уже получил взыскание от директора завода за нарушение правил техники безопасности, но оно его ничему не научило.

Существенное значение в деле предупреждения нарушений правил техники безопасности имеет проведение бесед, чтение лекций по правовым вопросам охраны труда для инженерно-технических работников. Как показывает практика, многие лица административно-технического персонала незнакомы в достаточной мере с вопросами ответственности за нарушение правил техники безопасности, разграничения ответственности между отдельными должностными лицами за такие нарушения, действия во времени и пространстве норм, регулирующих безопасность труда и т. д. Например, на одном из предприятий было убеждение, что за состояние техники безопасности и за все ее нарушения несут ответственность лишь главный инженер и начальники цехов, а мастера участков, отделений отвечать за это якобы не должны. На других предприятиях администрация с готовностью возлагает ответственность за несчастные случаи на самих пострадавших. Так, на Первом государственном подшипниковом заводе приказом был объявлен выговор М. за то, что она при работе на станке получила травму, хотя никаких нарушений правил внутреннего трудового распорядка М. не допустила.

Подобные примеры, к сожалению, не единичны, и это указывает на необходимость широкой пропаганды советских законов, направленных на охрану труда.

В конце 1959 года я прочитал лекцию, посвященную правовым вопросам охраны труда и техники безопасности

для инженерно-технических работников бумажной промышленности.

Отдельные положения лекции, которая охватывала широкий круг вопросов, иллюстрировались примерами из судебно-следственной практики.

После лекции мне задали много вопросов, характер которых показал необходимость проведения подобных лекций для инженерно-технических работников.

Кроме чтения лекций и бесед, следователи участвуют в проведении консультаций по правовым вопросам, организуемых непосредственно на предприятиях. В числе прочих задаются вопросы и о правовой охране труда, о борьбе с нарушениями правил техники безопасности и производственной санитарии.

Существуют и другие методы работы следователей по предупреждению нарушений правил техники безопасности, например, выступления на совещаниях, конференциях и иных собраниях, посвященных охране труда, которые проводятся на отдельных предприятиях.

Осуществляя работу по предупреждению нарушений правил техники безопасности, следователь должен помнить, что успех этой деятельности во многом зависит от того, насколько тесный контакт он установит с общественностью предприятия и будет пользоваться ее поддержкой.

Следователь прокуратуры
Фрунзенского района Ташкента
юрист 3-го класса

Г. С. Азяская

ИЗОБЛИЧЕНИЕ УБИЙЦЫ КОСВЕННЫМИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАМИ¹

В Ташкенте 24 ноября 1957 г. у себя в квартире была ограблена и убита Бородкина Вера Петровна.

Следователь, которому поручили это дело, обстоятельно изучила личность Бородкиной, образ ее жизни, знакомства и связи, взаимоотношения с соседями. Из собранных материалов усматривалось, что Бородкина длительное время проживала совместно с мужем — Письяковым и дочерью Валентиной. После Отечественной войны взаимоотношения ее с мужем испортились, и Письяков оставил семью. Дочь Валентина, окончив учебу, уехала в г. Карши. После этого Бородкина осталась одна. С соседями и сослуживцами она была в хороших отношениях. Жила скромно, с мужчинами не встречалась.

Соседи рассказывали, что Письяков несколько раз приходил к ней и учинял скандалы. Примерно дня за четыре до убийства соседи стали замечать, что к Бородкиной заходит какой-то мужчина, остается у нее ночевать. Это их заинтересовало, они пытались рассмотреть незнакомца, но это им не удалось, т. к. мужчина постоянно закрывал лицо кашюном плаща, входил и выходил из квартиры с предосторожностью, выбирая моменты, когда никого не было во дворе. Спросить Бород-

¹ За успешное расследование настоящего дела т. Азяской приказом Прокурора Узбекской ССР от 2 сентября 1959 г. объявлена благодарность, и она награждена ценным подарком.

РЕПОЗИТОРИЙ ГУМРЭ

кину прямо о том, кто этот мужчина, соседи не решались.

Соседка Бородкиной — Лямзина показала, что примерно в три часа ночи на 24 ноября она проснулась от женского крика, стала прислушиваться, но более ничего не услышала. Решив, что это ей приснилось, вновь уснула. Утром она обратила внимание на открытую дверь квартиры Бородкиной. Это ее заинтересовало.

Рассказав соседям о ночном происшествии, она заглянула в квартиру Бородкиной и увидела ее убитой, о чем сообщила соседям, а последние — в милицию.

Из протокола осмотра места происшествия было видно, что вещи в квартире разбросаны, запоры гардероба и чемодана взломаны. Труп Бородкиной лежал у двери.

Судебномедицинское исследование трупа установило восемь рубленых ран в области головы и обширную колото-резаную рану горла. Первое и смертельное ранение, по заключению эксперта, было нанесено в горло.

Из протокола осмотра также усматривалось, что помимо хозяйствки, ночевал в ее квартире, так как в комнате стояли две кровати, постельное белье на которых было смято, одеяла откинуты. На кровати, где спала Бородкина, нижняя сторона подушки была испачкана угольной пылью, соответственно этому месту на подушке такой же пылью испачкана и простира. По своим очертаниям испачканное место напоминало форму топора. Там же, на месте происшествия, обнаружили и топор, принадлежащий Бородкиной. На нем имелись пятна, похожие на кровь. В дальнейшем судебномедицинская экспертиза установила наличие на топоре крови такой же группы, как кровь убитой.

Важные сведения содержались в показаниях сослуживцев погибшей — Абрамовой, Лисовской и Шейн, которые сообщили, что примерно числа 20—21 ноября коллектив сотрудников решил пойти в кино. Бородкина, всегда принимавшая активное участие в таких мероприятиях, на этот раз отказалась пойти. На их вопрос она ответила, что к ней приехал старый знакомый, остановился у нее, а потому пойти в кино она не может. Затем спустя день или два Бородкина сказала сослуживцам, что она боится своего знакомого и из-за этого плохо спит по ночам.

В процессе расследования выдвигались и проверялись разные версии, но все эти мероприятия не дали положительных результатов.

Расследование этого дела поручили мне уже после истечения длительного времени. Прежде всего требовалось разобраться со всеми собранными материалами, дать оценку имеющимся доказательствам, наметить новые версии и углубить проверку ранее выдвинутых.

Я — молодой следователь и, получив это дело, растерялась. Но ознакомившись тщательно со всеми материалами, посоветовавшись с работниками следственно-го отдела прокуратуры Ташкента и прокуратуры Узбекской ССР, наметила конкретный план своих действий и приступила к их осуществлению.

При изучении материалов дела, я особое внимание обратила на образ жизни Бородкиной и показания по этому поводу соседей и сослуживцев Абрамовой, Лисовской и Шейн. Было бесспорно установлено, что Бородкина очень скромная женщина. Живя без мужа, она никогда не приглашала в дом посторонних мужчин. Отсюда вытекало, что она могла впустить в дом только хорошо знакомого человека, именно «старого знакомого», как она об этом сказала сослуживцам.

Событие преступления рисовалось мне следующим образом:

Бородкина, заподозрив в чем-то приехавшего к ней мужчину, в ночь на 24 ноября положила под подушку топор. Поздно ночью, полагая, что Бородкина уснула, преступник стал подкрадываться к ней. Заметив это, Бородкина пыталась выхватить топор, вскочила с кровати, но преступник нанес ей сильный удар ножом в горло. В это время Бородкина и издала крик. Опасаясь, что она еще жива, преступник ударами топора по голове нанес ей восемь ран.

Но кто преступник?

Бывший муж Бородкиной — Письяуков? Нет, эту версию тщательно проверили и отвергли. Не подтвердились также версии в отношении ряда других ее знакомых, проживающих в Ташкенте. Следовательно, этот человек откуда-то приехал.

С целью установления таких знакомых, проживающих за пределами Ташкента, я решила тщательно ознакомиться с личной перепиской Бородкиной. Я обра-

тила внимание на старые письма Смирнова Николая и решила выяснить, что представляет из себя этот человек.

Смирнов, как выяснилось из показаний Письякуова, до войны работал у него учеником и проживал у них в доме. Бородкина относилась к нему, как к сыну. Это же подтвердили и соседи Письякуова. После войны последний не видел Смирнова и не знал, где тот находится. Переписывался ли Смирнов с Бородкиной, он также не знал. В то же время Письякуов, по его словам, от кого-то слышал, что Смирнов после войны стал заниматься нехорошими делами и неоднократно судился.

Теперь встал вопрос, где проживает в настоящее время Смирнов и находился ли он в ноябре 1957 года в Ташкенте. Поскольку в письмах адрес указан не был, я поручила работникам милиции установить его местожительство и проверить, приезжал ли он в Ташкент в ноябре 1957 года. Кроме того, я направила запрос в Министерство внутренних дел. Оттуда ответили, что Смирнов действительно неоднократно в прошлом судим, но в местах лишения свободы в настоящее время не содержится.

Работники милиции не смогли установить местожительство Смирнова, а также выяснить, приезжал ли он в Ташкент в ноябрь.

Тогда я решила истребовать из судов уголовные дела на Смирнова, надеясь найти в них сведения, указывающие на его личные связи. И не ошиблась.

Из одного уголовного дела явствовало, что Смирнов был женат на Борониченко, проживающей в Запорожье.

Поскольку Смирнов находился на свободе, я решила проверить, не проживает ли он у жены, и с этой целью направила отдельное требование прокурору Запорожья, который сообщил, что Смирнов действительно находится там.

После этого я направила отдельное требование в отдел милиции Запорожья, в котором просила оперативным путем проверить точно дату прибытия Смирнова, откуда приехал, что привез и т. д. Работники милиции хорошо выполнили мое задание и сообщили очень ценные данные. Оказалось, что Смирнов прибыл в Запорожье 6 декабря 1957 г. и привез много вещей.

После этого я решила взять Смирнова под стражу.

Получив санкцию на его арест, я направила постановление в Запорожье и одновременно просила произвести обыск в квартире Борониченко, изъять все привезенные Смирновым вещи, а также подробно допросить Борониченко.

Мое отдельное требование было исполнено: Смирнова арестовали и этапировали в Ташкент, вещи изъяли и выслали мне. Очень подробно была допрошена Борониченко. Я не могу не отметить добросовестность следователя прокуратуры Орджоникидзевского района Запорожской области Касьяченко, который очень умело и оперативно выполнил мое отдельное требование.

Еще до поступления вещей и прибытия Смирнова я получила протокол допроса Борониченко. Смирнов, как показала она, рассказал ей, что находился у матери в Новосибирской области и привезенные вещи якобы прислали в подарок мать. Борониченко также показала, что Смирнов из дома уехал в июне 1957 года, а вернулся только в декабре.

На основании этого я направила отдельное требование прокурору Черепановского района Новосибирской области о допросе матери Смирнова. Оказалось, что сын к ней не приезжал и никаких вещей она ему не давала.

Эти данные вселили в меня уверенность, что преступление совершил именно Смирнов, поэтому я с нетерпением ждала прибытия посылки.

Вещей в ней оказалось мало — несколько простишней и халат. Я предъявила их соседям, и они опознали халат как принадлежащий Бородкиной. Для большей достоверности мною была вызвана из г. Карши дочь Бородкиной — Валентина, она также опознала халат и заявила, что из такого же материала есть халат и у нее. Кроме того, она назвала портниху, которая шила матери и ей халаты. Портниха опознала халат, заявив, что его сшила она. Причем это опознание было бесспорным. Портниха сообщила, например, что пуговицы она делала из специальных колодочек. Когда распороли материал на пуговицах, то там, действительно, оказались деревянные колодочки. Причем такие же колодочки находились в пуговицах и на халате Валентины.

Теперь у меня не было никакий сомнений в том, что преступник Смирнов.

На допросе Смирнов рассказал, что с 13 августа по 20 ноября 1957 г. работал в Черепановском районе Новосибирской области. Уехал оттуда только 20 ноября и 28 ноября приехал в Запорожье к жене. Приезд в Ташкент он отрицал, как отрицал и свое участие в убийстве Бордкиной.

В подтверждение своих доводов Смирнов представил справки, выданные отделом кадров Томской железной дороги о том, что он работал там с 13 августа по 20 ноября.

Однако представленные им справки сразу же показались мне подозрительными. Я направила их на криминалистическую экспертизу, которая установила подделку дат в тексте справок и штампах. Позднее прокуратура Томской железной дороги на мой запрос сообщила, что Смирнов на Томской железной дороге в указанное время не работал.

Несмотря на собранные данные, Смирнов в совершении преступления так и не признался. Не признался он и в суде.

Однако имеющиеся по делу косвенные доказательства полностью изобличили Смирнова в совершении преступления, и приговором Ташкентского областного суда он был осужден к высшей мере наказания.

Следователь прокуратуры
Городищенского района
Пензенской области
юрист 2-го класса

Я. Б. Лумельский

БОЛЬШЕ ГЛАСНОСТИ В РАБОТЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Опыт работы в новых условиях практически подтвердил, что борьба с преступностью приносит положительный результат там, где следователь в своей работе широко опирается на помощь и поддержку населения, имеет деловую связь с общественностью на своем следственном участке.

Формы и методы этой связи весьма многообразны и определяются конкретными условиями работы, спецификой следственного участка. Мне хотелось бы рассказать о такой форме связи следственных органов с общественностью, как отчеты следователей. В обязанности следователя не входит отчитываться в своей работе перед населением, подобно тому как это делают народные судьи. Такая обязанность следователя не предусмотрена ни «Положением о прокурорском надзоре», ни другими какими-либо нормами. Вместе с тем, нельзя отрицать, что до недавнего времени население мало было осведомлено о работе следователя, почти ничего не знало о состоянии преступности и раскрываемости преступлений на следственном участке, а также о тех трудностях, которые приходится преодолевать следователю. Раньше следователь, делая доклад перед населением, оперировал цифрами в процентном выражении, что не давало наглядного представления о положении дел на его участке.

Невольно возникал вопрос — нужно ли следователю скрывать от общественности, сколько и каких преступ-

РЕПОЗИТОРИЙ ГРУППЫ

ных проявлений было совершено на данном участке и насколько успешно ведется с ними борьба. Исходя из того, что сама общественность заинтересована в искоренении преступных проявлений, и во исполнение требований приказа Генерального Прокурора СССР № 43 о широком привлечении общественности к работе по предупреждению и раскрытию преступлений я решил сделать несколько докладов перед населением о состоянии борьбы с преступностью, построив их в форме отчета о своей работе за 1959 год.

В докладах я собирался рассказать гражданам:

- 1) какие преступные проявления еще встречаются на следственном участке, кто их совершает, что способствует этому, как можно было бы предупредить каждое конкретное преступление;
- 2) какие преступления на участке еще не раскрыты и какую помощь могла бы оказать общественность в их раскрытии, а также в выявлении незарегистрированных преступлений;
- 3) с какими трудностями приходится сталкиваться при расследовании отдельных дел.

Готовясь к проведению докладов, я преследовал цель: во-первых, поднять активность граждан в борьбе с теми, кто мешает спокойно жить и трудиться; повысить интерес населения к работе органов прокуратуры; во-вторых, лучше познакомиться с населением и организовать общественное осуждение лиц, стремящихся уклониться от выполнения обязанностей свидетелей, понятых и т. д.

Кроме того, я рассчитывал использовать собрания граждан для того, чтобы призвать их оказать помощь в раскрытии ряда преступлений и в усилении борьбы с преступностью. В процессе подготовки доклада я собрал сведения о всех преступлениях, совершенных в 1959 году на следственном участке, разграничил их по населенным пунктам и принял решение — первый доклад сделать в г. Сурске, где находится суконная фабрика «Красный Октябрь» и (по сравнению с другими населенными пунктами) больше всего распространены хищения государственного и общественного имущества и хулиганство.

Второй свой отчетный доклад я решил сделать в поселке Чаадаевка. Там имели место хищения государст-

венного имущества, спекуляция, хулиганство и лесонарушения.

Доклады я строил применительно к тому населенному пункту, где собирался прочитать их, т. е. особое внимание уделяя тем преступлениям, которые были совершены в данном населенном пункте.

По согласованию с председателем Сурского городского Совета решили мой доклад провести в помещении клуба фабрики «Красный Октябрь». Об этом объявили по радио и вывесили объявление.

К назначенному времени в клуб собралось около 300 жителей г. Сурска. Это свидетельствовало об интересе, проявленном к данному мероприятию со стороны населения.

После доклада последовало много вопросов, а затем и выступления. Выступающие высказывали свои соображения по некоторым делам, отмечали недостатки следствия, выражали мнение, что следователи слишком мало общаются с населением, и приняли решение всемерно оказывать помощь следователю в борьбе с преступностью, стремиться к полному искоренению всех преступных проявлений в городе.

После доклада ко мне подошел местный житель и сообщил о том, что гр-н Барышев тайком в ночное время привез домой полную автомашину строевого леса. Этот факт немедленно проверили и установили, что Барышев приобрел лес у неизвестного шоferа, похитившего его с лесопункта. Лес был изъят, и приняты меры к установлению шоferа.

Второй отчетный доклад, сделанный в поселке Чаадаевка в Доме культуры, вызвал не меньший интерес граждан. После отчета последовал ряд сообщений (больше всего в устной форме) о преступлениях, совершенных в поселке. Гражданка Орлова сообщила о жительнице поселка Кирилловой, которая систематически занимается спекуляцией сельскохозяйственными продуктами. В связи с этим я попросил начальника народной дружины Горюнова проследить за поведением Кирилловой. Через несколько дней дружинники задержали ее за спекуляцию и материал о ней передали товарищескому суду, подвергнувшему ее штрафу на 100 руб.

Гражданка Блинова сообщила, что лесничий Гладков продает лес гражданам. На следующий день я до-

просил покупателей и Гладкова, которые признали факт продажи двух бревен. За совершенное злоупотребление лесничий понес соответствующее дисциплинарное взыскание.

Помимо устных заявлений, я получил много анонимных писем по делу о злоупотреблениях в Чаадаевском лесопункте, расследование по которому в этот момент велось прокуратурой Городищенского района. В них указывалось, что начальник лесопункта Соломонов вместе с техноруком Кривозубовым продали один сруб из квартала № 32, что Соломонов незаконно приобрел шифер, что десятники Монахов и Аверин систематически пьянистовали. Гражданин Беликов прислав в прокуратуру письмо, в котором сообщалось о продаже сруба также бывшим завхозом Мунжуковым.

Эти сообщения имели большое значение для следствия, поскольку речь шла о крупной недостаче в лесопункте, образовавшейся на протяжении ряда лет, причины которой в то время еще были не выяснены.

Учитывая это, я решил сделать отчетный доклад также и в клубе Чаадаевского лесопункта, рассчитывая таким образом получить дополнительный материал о фактах хищений в лесопункте, имевших место в прошлом и неизвестных нам. Рабочие выслушали доклад с большим интересом, задали много вопросов о ходе расследования дела. Они спрашивали меня, известны ли нам те или иные случаи, и тут же рассказали о них.

В результате этих выступлений я узнал о многочисленных фактах, проливающих свет на причины обнаруженной недостачи. Выяснилось, что некоторые рабочие покупали на лесоучастке дрова, а вместо них вывозили строевой лес, из этого леса строили дома и продавали их. Стало также известно, что в квартале № 45 было расхищено около 1000 куб. м древесины. Руководители лесопункта знали об этом, однако никаких мер не принятия.

В ходе расследования дела все факты тщательно проверили, многие из них нашли подтверждение. Бывший завхоз Мунжуков привлечен к уголовной ответственности за хищение лесоматериала.

Подобные же отчетные доклады организовал и провел следователь Кукушкин. В результате он также получил сведения о ряде интересных для следствия фактов. Районная газета «Заря коммуны» на своих страницах

дала положительную оценку проведенным нами мероприятиям.

Работники прокуратуры Городищенского района придают важное значение привлечению общественности к делу борьбы с преступностью во всех возможных формах, используя которые в своей дальнейшей работе, мы надеемся добиться значительного сокращения преступности в районе.

Следователь прокуратуры
Междуреченского района
Вологодской области
юрист 2-го класса
Г. И. Злобин

РАССЛЕДОВАНИЕ ХИЩЕНИЙ МОЛОКА В КОЛХЗАХ

Среди уголовных дел о хищении колхозной собственности, которые мне пришлось расследовать за последнее время, значительный процент составили хищения молока. Как правило, это сравнительно некрупные хищения, весьма нехитрые по способам совершения. Похищают молоко, например, лица, в функции которых входит прием его от доярок, доставка на пункты сбора молока, выдача молока на колхозные нужды, покупка от отдельных колхозников в порядке проведения государственных закупок и т. д. Они используют похищенное молоко для потребления в своем хозяйстве, снимают и берут себе отстой с молока, которое следует доставить на заготовительные пункты, снижая тем самым жирность оставшегося молока и уменьшая его количество. Наиболее значительными среди подобных дел являются хищения, совершаемые закупщиками молока, которые изымают и присваивают деньги, предназначенные для выплаты гражданам, продающим молоко государству.

Несмотря на то, что сумма похищенного по всем этим делам обычно сравнительно невелика, широкая распространенность таких преступлений делает их опасными.

Основываясь на опыте расследования нескольких дел о хищении молока в колхозе, находившихся у меня в производстве, хочу остановиться на наиболее важных моментах с точки зрения расследования, роли общественности колхоза как в расследовании, так и в предупреждении подобных преступлений, на мерах

устранения обстоятельств, делающих возможным совершение хищений.

Как уже указывалось выше, хищения денег, причиняющие гражданам за проданное государству молоко, совершаются лицами, в обязанности которых входит прием этого молока и расчеты за него. Такими лицами могут быть выделенные колхозом представители, работники приемных и сепараторных пунктов молокозаводов и т. п.

Одним из важных вопросов, которые должны быть решены по такого рода делам, является установление хищения в полном объеме.

Ответ на этот вопрос иногда может быть получен путем проведения ревизии. Так, проверка деятельности приемщиков молока Вьюгиновой установила, что она уменьшила в сводных документах количество молока, сданное одним из колхозов, на 900 кг. Это дало ей возможность, расписав указанное количество молока на вымышленных лиц, присвоить деньги. Но ревизионным путем могут быть вскрыты лишь те хищения, которые так или иначе отражаются в документах и выявляются при их анализе, сопоставлении и т. п. По этим же делам бестоварные документы не всегда могут быть установлены таким путем. Достоверность документов, в которых отражены операции по закупке молока от граждан¹, с целью выявления среди них бестоварных операций, может быть проверена путем опроса лиц, которые значатся в них продавцами молока. При этом могут быть установлены случаи, когда лица, фамилии которых указаны в документах, не подтвердят фактов продажи молока либо выяснится, что их вообще не существует. Общее количество выявленных таким путем бестоварных операций и позволит определить более или менее полный объем хищения.

Но прежде чем начать громоздкую работу по проверке документов, нужно попытаться как-то ограничить ее объем с тем, чтобы не затрагивать операций, в пра-

¹ Следует иметь в виду, что при систематической продаже молока одним и тем же лицом (организацией) партии молока, принимаемые за каждый день, фиксируются в приемном журнале и расчетной книжке, находящейся на руках у лица (в организации), продающего молоко. Закупочная квитанция выписывается лишь один раз в декаду; в ней должно быть указано общее количество молока, проданного за декаду.

вильности которых сомневаться нет оснований, а проверять ту группу документов, в которых могут быть отражены бестоварные операции.

Так, по упомянутому делу Вьюгиновой были основания предполагать, что ревизия выявила не весь объем совершенного ею хищения. Я изъял приемные журналы и расчетные ведомости, в которых отражались все операции по закупке молока от граждан, с намерением проверить их путем опроса указанных там лиц. Стремясь сузить объем работы, я старался сразу же выявить те операции, среди которых, по моим предположениям, могли быть бестоварные. При этом я руководствовался следующими признаками:

сомнительность подписей от имени граждан в расчетных ведомостях, выявляемая при осмотре документов;

неправдоподобно большие размеры или неестественная округленность количества литров молока, якобы сданных отдельными гражданами (как правило, размеры отдельных партий молока выражаются в целых цифрах с десятыми долями единиц — 3,7 кг, 5,1 кг и 4,6 и т. п. Поэтому такие партии, как 5, 6, 7 и 10 кг за одну дойку, решено было проверить, тем более что многие из них вызывали сомнения и по своему количеству);

различия в исполнении нескольких последних записей и всех предыдущих, сделанных в приемном журнале за один и тот же день, по почерку, орудию письма, цвету чернил или карандаша и т. п. (как правило, бестоварные операции вносятся участниками преступления в приемный журнал последними, после того, как все действительно имевшие место операции уже зафиксированы, общее количество поступившего молока подсчитано, выявлены резервы и в соответствии с ними сделаны записи об операциях, фактически не имевших места);

однократное (или ограниченное количество раз) упоминание фамилии того или иного лица в числе лиц, продающих молоко, тогда как обычно одни и те же лица продают молоко в течение нескольких недель или даже месяцев.

Разумеется, операции, отобранные по этим признакам, не всегда оказывались бестоварными. Так, в деле по обвинению Вьюгиновой выяснилось, что она иногда расписывалась в получении денег от граждан, хотя это

не было связано с присвоением причитавшихся им сумм. Но во многих случаях предположения подтверждались, и по делу удалось таким путем выявить внесенные в документы ложные записи о якобы имевшей место продаже отдельными гражданами 1820 кг молока, помимо тех 900 кг, которые установила ревизия. Предварительное ограничение рамок проверки операций по закупке молока по упомянутым признакам позволило значительно сократить время для ее проведения и наиболее рационально организовать работу.

Подобный же метод установления бестоварных закупочных операций, отражаемых преступниками в документах для последующего изъятия денег, использовался мною при расследовании уголовных дел по обвинению заведующей сепараторным отделением Шиловой, Поматиловых и др.

В качестве методов установления фактов частично бестоварных операций, т. е. завышения в документах количества молока и его жирности с целью выплаты лицам, фактически сдающим какое-то количество молока, больших сумм, нежели им причиталось бы в действительности, следует назвать контрольную дойку и контрольное жироопределение. По одному уголовному делу, находившемуся у меня в производстве, путем проведения этих мероприятий были установлены факты завышения количества и жирности молока, продаваемого несколькими гражданами, находившимися в сговоре с приемщиком молока. Излишне получаемые при этом деньги они делили между собой.

Вторым, не менее важным обстоятельством по делам о хищении молока, совершаемых как лицами, покупающими молоко, так и иными лицами (сборщиками, возчиками и др.), является источник, резерв для хищений, установление которого по делу позволит выяснить, за счет чего совершались приписки бестоварных операций, похищалось само молоко и т. п.

Если проверка подвергается деятельность лиц, в обязанности которых входит прием молока от доярок и выдача его на колхозные нужды, следует проверить, правильно ли проводятся и оформляются эти операции. Так, уже упоминавшаяся выше Вьюгинова, которая принимала молоко непосредственно от доярок, передавала им дневники уоя молока для подписи не ежедневно, а

раз в 10—15 дней, причем нередко дневник одной доярки просила подписать другую и т. п. Естественно, что при таком порядке учета надоенного молока исключалась возможность контроля со стороны доярок за правильностью внесения Выюгиной количества молока в дневники удоя. Она этим и пользовалась, скрывая часть удоя и записывая это молоко на вымышленных лиц, деньги за которых она получала сама.

Предположение о том, что путем неполного внесения количества надоенного молока в дневники удоя, Выюгина создавала излишки молока, в ходе расследования подтвердилось. Изобличенная фактами внесения в ведомости фамилий вымышленных лиц и учинения за них подписей в получении денег, Выюгина рассказала, что, пользуясь бесконтрольностью за записями в дневниках удоя молока, она скрывала часть удоя, записывала это молоко на вымышленных лиц, а деньги за него брала себе.

По другому уголовному делу источник хищения молока приемщиком по колхозу Попушкиным был установлен иным путем. Проверка операций по приему молока Попушким от доярок ничего не дала, так как в этом колхозе доярки сами строго контролировали правильность записей Попушкиным количества надоенного молока. Но зато никем не контролировалось расходование молока на колхозные нужды и, в частности, на выпойку телят. Учет этого молока велся Попушкиным произвольно, вне зависимости от возраста телят, норм и сроков кормления. Стоило мне лишь сверить его «учетные данные» с фактически имевшимися в колхозе количеством телят, как сразу выявилась подложность этих отчетов. Завышенная количества молока, якобы выданного для телят, Попушкин создавал резерв для последующего хищения.

В третьем случае я установил, что приемщик молока Дурнов умышленно пользовался неисправным молокомером, в результате чего количество молока за каждое измерение уменьшалось на 200 г.

В ходе расследования дел о хищении молока немалую помощь следователю может оказать общественность колхоза. Колхозники, на глазах которых проходит деятельность предполагаемого расхитителя, естественно, могут знать что-либо о конкретных подозритель-

ных действиях этого лица, о тех или иных неполадках в учете и т. п. Все эти сведения, малозначительные каждое в отдельности, будучи собранными следователем, в своей совокупности могут иметь уже гораздо большее значение для уяснения обстоятельств конкретного дела.

В связи с фактами хищения молока приемщицей одного колхоза было возбуждено уголовное дело. Когда я поинтересовался личностью данной колхозницы, как она работала в прошлом, доярки колхоза рассказали мне, что она и раньше похищала молоко, которое принимала от них. Заметив это, они стали следить за приемщицей и убедились, что она отливает ежедневно для себя значительное количество молока, разбавляя оставшееся водой. Доярки уличили приемщицу и предупредили о недопустимости таких поступков. Однако для нее это не послужило хорошим уроком, и она продолжала похищать молоко, что привело к возбуждению уголовного дела.

Большое значение по такого рода делам имеет сообщение об установленных следствием фактах на общих собраниях колхозников после окончания расследования. На таких собраниях товарищи по работе подвергают острой критике расхитителей колхозного добра. Не меньшее значение имеет и то обстоятельство, что в ходе этих собраний выявляются неполадки в учете колхозного имущества, разгильдяйство отдельных должностных лиц колхоза, сделавшие возможными совершение преступлений, намечаются пути к устранению таких неполадок.

О некоторых фактах хищений молока в колхозах, установленных в результате расследования, об общих собраниях колхозников, где эти факты обсуждались и принимались решения о наведении должного порядка в учете колхозной собственности, сообщалось в районной газете «Колхозная правда».

Старший следователь
прокуратуры Ставропольского края
младший советник юстиции
Б. И. Дремов

НАЧАЛО И КОНЕЦ ОДНОГО ДЕЛА

30 октября, около 12 часов дня, на пятом километре железноводской ветки железной дороги, обходчица путей остановила электропоезд, чтобы предотвратить гибель молодой девушки, пытавшейся броситься под поезд. Девушка, оказавшаяся 17-летней Лидой Гаврильченко, была доставлена работниками милиции в Пятигорск. Во время переезда она была очень возбуждена, кричала, плакала, каталась по полу. В Пятигорске ее поместили в первое отделение городской больницы.

Выяснением причин, побудивших молодую девушку пытаться покончить жизнь самоубийством, занялись работники линейного отделения милиции станции Пятигорск.

В поведении Лиды обращало на себя внимание, что она во время переезда в Пятигорск и уже находясь в больнице с ужасом шарахалась от мужчин, в особенностях одетых в форму работников милиции, без конца повторяла, что она обесчещена, опозорена, хочет «уйти к умершей матери». Главный врач больницы, пытаясь выяснить причину такого состояния, пригласила ее для беседы к себе в кабинет. И там Лида рассказала свою историю, которую затем повторяла на допросах после возбуждения уголовного дела.

Она родилась в селе Круглое Ростовской области. Отец погиб на фронте, мать умерла. Несколько лет Лида работала в качестве домашней работницы в разных семьях в Ростове-на-Дону. Последние два года она жила в семье одного полковника.

С этой семьей она два года подряд приезжала в Же-

лезноводск на летний сезон. В Железноводске Лида познакомилась с девушками своего возраста. Уйдя по своей инициативе из семьи полковника 27 октября, она решила переехать в Железноводск с тем, чтобы устроиться там на какую-нибудь работу на производстве.

Вечером 28 октября Лида была уже в Железноводске. Она остановилась в семье одной девушки и на следующий же день начала искать работу. В дороге, по словам Лиды, с ней случилось несчастье — у нее украли чемодан с бельем и теплым одеялом с атласным верхом, а также 250 руб.

В одной из больниц Железноводска 29 октября она договорилась о поступлении на работу санитаркой. Но для этого нужна была прописка. 30 октября утром Лида взяла свои документы и пришла в городской отдел милиции, намереваясь обратиться к его начальнику по поводу прописки.

Придя в милицию, Лида поднялась на второй этаж, где находился кабинет начальника отдела милиции. Секретарь сказала, что его еще нет. Лида осталась ждать в коридоре. Вскоре в коридоре появился мужчина в сером плаще. Он подошел к Лиде и спросил, кого и зачем она ждет. Лида сказала: «Начальника милиции». Мужчина ответил, что это он и есть, и пригласил пройти в кабинет. Лида не поверила ему. Этого мужчину за последние дни она уже дважды встречала в Железноводске. Один раз, еще по пути с вокзала, когда, столкнувшись с ним на улице, она услышала, что он с ней здоровается. Второй раз, когда она шла с подругой, этот же мужчина стоял в стороне и пристально, как Лида показалось, смотрел на нее. Она еще сказала об этом подруге, но та посоветовала не обращать внимания. И вот этот самый мужчина называет себя начальником милиции и как-то нехорошо улыбается. В ответ на отказ Лиды пройти в кабинет начальник сказал: «Ну что ты такая дикая, как из леса» и ушел в кабинет. В течение некоторого времени к нему то и дело заходили сотрудники милиции. Убедившись, что это, по всей видимости, действительно начальник милиции, Лида, выбрав момент, когда в кабинете никого из посторонних не было, вошла туда.

Начальник милиции встретил ее словами: «Ну, что, все же пришла ко мне!» И предложил Лиде сесть. Изло-

РЕПОЗИТОРИЙ ГРУЖЕНЫХ

жив свою просьбу о прописке, она отдала свои документы. Начальник милиции посмотрел их и ответил, что прописать ее нельзя, так как у нее нет необходимых для этого документов. Потом стал уговаривать ее ехать обратно на родину. При этом все время улыбался. Вскоре он встал, снял плащ, в котором сидел до сих пор, расставил по стенам стулья, стоявшие около стола, и запер на ключ обе двери кабинета, одна из которых вела в комнату секретаря, а другая в коридор. Увидев это, Лиза вскочила со стула, но начальник милиции подошел к ней, крепко схватил за руки и повалил на пол. Каким-то образом во рту Лизы оказался его носовой платок, поэтому кричать она не могла. Здесь же на полу кабинета, Лиза была изнасилована. Поднялась она вся в слезах. Начальник милиции пытался ее успокоить, а затем сам повел ее в паспортный стол, чтобы она убедилась в невозможности прописки. По словам Лизы, он приказал ей отворачивать заплаканное лицо, когда она будет проходить мимо работников милиции.

Лиза уже не хотела никуда идти и, вырвавшись, вышла на улицу. Но за нее пришел какой-то милиционер и отвел ее к работникам паспортного стола. Там Лиза продолжала плакать и вскоре ушла. Не зная, что ей делать после того, как она опозорена и обесцечена, Лиза решила броситься под поезд. Находясь уже около железнодорожных путей, на какую-то минуту она заколебалась, но тут услышала какой-то «голос», который толкал ее к путям, к поезду.

Броситься под поезд ей не удалось, этому помешала незнакомая женщина, которая некоторое время следила за ней, а когда Лиза вышла на пути перед идущим электропоездом, стала ее оттаскивать, а в самый последний момент вынула красный флагок и этим остановила приблизившийся поезд.

Во время беседы с врачом, как позже последняя показывала на допросах, Лиза была очень возбуждена, плакала, как бы вновь переживала все случившееся с ней, повторяла, что жить все равно не будет, «уйдет к маме».

Но постепенно общее состояние Лизы Гаврильченко улучшалось. Нервное потрясение проходило.

В связи с заявлением Лизы Гаврильченко об изнасиловании ее начальником городского отдела милиции

4 ноября возбудили уголовное дело. Расследование вначале вели следователи прокуратуры Пятигорска Говоров и Усачев.

По делу были допрошены свидетели: женщина, у которой Лиза останавливалась в Железноводске с 28 по 30 октября, работники паспортного стола городского отдела милиции Железноводска, видевшие ее 30 октября, путевая обходчица, остановившая поезд, и другие лица. За это же время провели экспертизу вещественных доказательств — предметов одежды Лизы Гаврильченко. Направлялась на судебномедицинскую экспертизу и сама Лиза.

20 ноября дело передали мне для дальнейшего расследования.

Свою работу по делу я, естественно, начал с его изучения и анализа.

К каким же результатам это привело?

Совокупность установленных по делу обстоятельств создавала правдоподобную картину произошедших событий и поведения Лизы Гаврильченко, подвергшейся тяжкому оскорблению. Один только факт попытки броситься под поезд свидетельствовал о глубоком потрясении человека каким-то непоправимым несчастием. Им могло быть изнасилование. Боязнь мужчин в первые часы и дни после случившегося, о чем говорили все свидетели по делу, также подтверждала эту версию.

По-видимому, факт изнасилования действительно имел место. Правда, в деле отсутствовало такое важнейшее доказательство, как заключение судебномедицинской экспертизы. Имелся только протокол допроса главного врача больницы, из которого следовало, что Лизу Гаврильченко в первый же день пребывания ее в больнице обследовал врач-гинеколог. Девственная племява у Гаврильченко оказалась нарушенной. Но о времени ее нарушения в протоколе ничего не говорилось. Ответ на этот вопрос можно было получить только из заключения судебномедицинской экспертизы, к быстрейшему получению которого я принял меры.

Показания всех допрошенных свидетелей в основном подтверждали рассказ Лизы об обстоятельствах ее приезда 28 октября в Железноводск, посещения 30 октября городского отдела милиции и событиях, разыгравших-

ся в тот же день на железнодорожных путях, когда обходница Анна Хребина остановила электропоезд.

Только допрошенный начальник городского отдела милиции Г., по словам Лиды, изнасиловавший ее, категорически отрицал свою вину и называл клеветой заявление Лиды.

Однако кое-что в его поведении могло быть расценено как действие виновного человека. В самом деле, зачем понадобилось Г. сопровождать Лиду из своего кабинета в паспортный стол? Объяснение этих действий желанием поскорее выпроводить Лиду из своего кабинета и вообще из помещения милиции, с точки зрения версии об изнасиловании, звучало вполне правдоподобно.

Некоторые обстоятельства, имевшие место уже в ходе расследования, также как бы подтверждали эту же версию. Так, вскоре после возбуждения дела, когда следователь приехал в городской отдел милиции с целью осмотра кабинета Г., оказалось, что ключ от двери, ведущей в коридор, пропал. Это было весьма существенно, так как, по словам Г., замок в этой двери испорчен и закрыть его изнутри, со стороны кабинета, было нельзя. В случае подтверждения этого обстоятельства выявилась бы ложь в рассказе Лиды Гаврильченко, утверждавшей, что Г. запер обе двери кабинета. Но проверить это заявление Г. теперь, когда отсутствовал ключ, не представилось возможным. Возникло предположение об умышленной «утере» ключа.

Таким образом, большинство установленных по делу обстоятельств подтверждало версию об изнасиловании Лиды Гаврильченко начальником городского отдела милиции.

Но в деле имелись и другие моменты, которые, хотя и не противоречили этой версии, но заставляли сомневаться в том, что она является единственно правильным объяснением имевших место событий.

Так, при ознакомлении с материалами дела бросалось в глаза то обстоятельство, что Лида Гаврильченко в своих показаниях, да и раньше, до допросов, в рассказах разным лицам о случившемся с нею избегала говорить о самом факте изнасилования. Дойдя до этого места в рассказе, она умолкала и повторяла, что она обещена и жить больше не имеет смысла. Оставалось только догадываться о происшедшем с нею в кабинете.

Только один раз, в беседе с главным врачом больницы, Лида рассказала обо всем. Причем, со слов врача, в ее рассказе было довольно много подробностей.

Такое упорное молчание Лиды о произошедшем в кабинете Г. казалось довольно странным.

Далее, я подробно ознакомился с показаниями путевой обходчицы Хребиной о событии на железнодорожных путях. Мысль о том, что Лида Гаврильченко хочет броситься под поезд, возникла у Хребиной, когда она встретила ее, идущую по путям, расстроенную, с заплаченными глазами. Разойдясь с Лидой и пройдя еще шагов 20, Хребина оглянулась. Одновременно оглянулась и Лида. И с этого момента Хребина не выпускала ее из своего поля зрения: она пошла за ней на некотором расстоянии, стояла поодаль, когда та садилась на насыпь. Лида все это заметила и стала ругать Хребину за то, что она за ней следит. В ответ Хребина стала уговаривать Лиду не делать глупостей, т. е. не бросаться под поезд. Так продолжалось некоторое время. Затем, когда появился поезд, Лида побежала к путям и легла на них, но Хребина вовремя остановила поезд.

Все эти обстоятельства заставили сомневаться, имелись ли на самом деле у Лиды намерения покончить жизнь самоубийством, не являлось ли все это специально разыгранной сценой. Ведь она знала в тот момент, что Хребина находится неподалеку и догадывается о ее «намерениях». Еще раз повторяю, все это были только смутные сомнения.

Первоочередной задачей по делу было получение заключения судебномедицинской экспертизы, тщательный осмотр одежды Лиды Гаврильченко, допрос врача-гинеколога, осматривавшего Лиду вскоре после ее поступления в Пятигорскую больницу, и некоторые другие действия. Все это, к сожалению, своевременно не было сделано. Белье Лиды Гаврильченко, правда, направлялось на судебномедицинскую экспертизу. В деле имелось заключение о том, что следов спермы на нем не обнаружено. Но важен был и осмотр белья, в частности, трусов, так как Лида упомянула, что Г. с силой сорвал с нее трусы-плавки, в результате чего оторвалась одна пуговица и разорвалась петля. Эти показания следовало проверить.

Первой я допросил врача-гинеколога. Она рассказа-

РЕПОЗИТОРИЙ ГИ

ла, что главный врач предложила ей осмотреть поступившую в больницу Гаврильченко. Каких-либо заданий, или вопросов перед ней не поставили. Она произвела обычный гинекологический осмотр потерпевшей и установила разрывы девственной плевы. Вопрос о давности их она не имела в виду решать и сказать что-либо об этом теперь не может.

В этот же день я получил заключение судебномедицинской экспертизы. В нем говорилось о нарушении девственной плевы у Лиды Гаврильченко более чем за 10—20 дней до момента ее освидетельствования, т. е. до 2 ноября.

Это было весьма важным обстоятельством. Ведь до сих пор из материалов дела следовало, что до 30 октября Лida половой жизнью не жила. Заключение судебномедицинской экспертизы опровергало эти сведения.

Осмотр трусов Лиды Гаврильченко дал следующие результаты. Действительно одной пуговицы на трусах недоставало. Но в том месте, где она должна была быть, не имелось и следов ранее пришитой пуговицы. Все петли на трусах оказались целыми. Правда, около одной из них имелся незначительный горизонтальный разрыв. Причем при сведении краем разрыва они не совпадали, и здесь вообще отсутствовала часть ткани.

Наличие в показаниях потерпевшей ложных сведений заставляло насторожиться. И хотя оба неправильно сообщенных Лидой факта можно было объяснить нежеланием говорить о прежних отношениях с мужчинами и ошибкой относительно повреждений на трусах, становилось ясным, что расследование по делу надо вести не только в направлении изобличения виновного, но и в направлении установления самого факта изнасилования, что до сих пор казалось несомненным.

В Железнодровске и в Пятигорске, т. е. там, где произошли события и велось расследование, Лиду Гаврильченко знали очень немногие и то весьма непродолжительное время. Выяснить с помощью сверстниц Лиды и нескольких ее случайных знакомых, кто она такая, как и где жила до сих пор, чем занималась, — как вела себя, т. е. уяснить, что же она из себя представляет, было нельзя. Поэтому следователь Усачев был командирован в Ростов-на-Дону, где до приезда в Железнодровск жила Лida.

Одновременно я продолжал расследование в Железнодровске.

В частности, после повторного осмотра кабинета начальника городского отдела милиции я изъял и направил на криминалистическое исследование замок от двери, ведущей в коридор, с целью проверки его исправности и возможности запереть со стороны кабинета. По заключению эксперта, замок оказался исправным, но решить вопрос о возможности запереть дверь со стороны кабинета не представилось возможным из-за отсутствия ключа. Было многое допрошено и несколько свидетелей. Одна из женщин, которая несколько раз видела Лиду уже во время расследования, поделилась со мной своими сомнениями по поводу ее рассказа об изнасиловании. Надо отметить, что теперь Лida уже довольно свободно говорила о случившемся с окружающими и свидетель — пожилая женщина, достаточно знающая жизнь, ей не верила.

Сведения, которые собрал следователь Усачев, коренным образом изменили направление расследования. А установил он следующее.

Родители Лиды Гаврильченко, о которых она рассказала, как о погибших в годы войны, оказались живы. От них стало известно, что их дочь уже давно уехала из дома, навещала родителей чрезвычайно редко, о себе никаких сведений не сообщала. Однажды, примерно год до описываемых событий, к ним приезжал молодой человек, который, называвшийся мужем Лиды, стал интересоваться, где она находится. Он рассказал, что после замужества Лida прожила с ним недели две, а потом исчезла, причем вместе с ней исчезли и его часы.

В Ростове-на-Дону установили лицо, у которых Лida проживала в качестве домашней работницы. Все характеризовали ее как искусную лгунью. Нигде она не работала дольше двух-трех недель, после чего ее увольняли. В семье полковника, о которой рассказывала Лida, она также работала 20 дней, но за два года до описываемых событий. Причем в Железнодровск эта семья отходить никогда не ездила.

На последнем месте работы, в семье одного врача, Лida также проявила себя весьма неправдивым человеком. Отсюда ее уволили 27 октября. В момент ухода у нее был с собой чемодан в чехле, в котором находилось

РЕПОЗИТОРИЙ ГУРМАН

несколько пар белья. Кстати, чемодан этот оказался чужим, и за ним приходила какая-то женщина. Никакого одеяла с атласным верхом Лида не имела. Среди документов, которые находились у нее на руках, была справка о прохождении медицинского осмотра, заверенная печатью врача, в семье которого последнее время жила Лида. Однако выяснилось, что врач никакой справки Лиде не выдавал и, по-видимому, она ее написала и заверила сама, воспользовавшись старой печатью, которая находилась в доме.

Естественно, новые материалы коренным образом меняли картину происшедшего. Версия, которая до сих пор только смутно вырисовывалась на базе упоминавшихся выше отдельных противоречий и неясностей, версия об оговоре Г. в совершении тяжкого преступления становилась теперь основной версией по делу.

Систематизировав вновь полученные доказательства и пригласив воспитателя детского приемника, я вызвал на допрос Лиду Гаврильченко.

В начале допроса я не касался событий, произошедших 30 октября, а предложил ей вновь рассказать о местах работы и проживания за последние годы. Лида повторила свои прежние показания, как заученный рассказ. Но вскоре ей пришлось убедиться, что в нашем распоряжении имеются точные сведения о ней и вымышленность ее рассказа очевидна. Согласившись с этим, Лида Гаврильченко признала и ложность своего заявления об изнасиловании ее начальником городского отдела милиции Г. Как пояснила Гаврильченко, сделала она это с целью добиться таким путем прописки в Железнодворске.

Таким образом, изучение образа жизни «потерпевшей», ее поведения, собирание сведений, характеризующих ее личность, в данном случае сыграли решающую роль для ее изобличения в даче ложных показаний, содержащих обвинение невиновного лица в тяжком преступлении. Лида Гаврильченко была привлечена к уголовной ответственности и осуждена по ч. 2 ст. 95 УК РСФСР 1926 года.

Следователь прокуратуры
г. Андижана Узбекской ССР
юрист 2-го класса
Г. Мамаджанов

УБИЦА — ОТЧИМ

В 1955 году бесследно исчез житель г. Андижана 17-летний Мадрахимов Адилжан. Никто из родственников о его исчезновении органам власти не заявлял, а соседям мать Адилжана — Махкамова говорила, что он ушел неизвестно куда, захватив из дома 200 руб.

Так прошло четыре года. В конце 1959 года из ОУР в областную прокуратуру поступило заявление соседей Махкамовой, в котором они высказывали предположение, что Мадрахимов Адилжан убит своим неродным отцом — Джумабаевым Мамадали. Сообщался ряд подробностей семейной жизни Джумабаева и назывались причины, по которым могло быть совершено убийство Адилжана.

Все эти материалы со справкой ОУР поступили мне для расследования.

Ознакомившись с ними, а затем допросив лиц, сообщивших о своих предположениях, я установил следующее.

Махкамова Аминахон имела пять сыновей, из которых старшим был сын Алим, а вторым — Адилжан. В 1948 году ее муж умер, и Махкамова с 1954 года стала сожительствовать с Джумабаевым Мамадали, возвратившимся из мест заключения, где он отбывал наказание за совершенные ранее преступления. Адилжан возражал против близких отношений матери с Джумабаевым, считая его очень плохим человеком. На этой почве между нею и сыном происходили частые ссоры и скандалы. Вскоре после исчезновения Адилжана Джумабаев

мабаев и Махкамова засыпали уборную и перестроили коровник, в котором сделали новую уборную. По предположениям соседей труп Адилжана мог быть зарыт в коровнике либо в старой уборной.

Джумабаев, как явствовало из справки ОУР, ранее неоднократно осуждался за злостное хулиганство, разбойное нападение и убийство. В 1956 году за нанесение тяжких телесных повреждений был осужден к пяти годам лишения свободы и старший сын Махкамовой — Алим, который ко времени поступления заявления только что вернулся из мест заключения.

Располагая этими данными, прежде чем вызывать на допрос Махкамову и Джумабаева, я решил сам подробно изучить место, где находится их дом, образ их жизни, занятия и выяснить другие обстоятельства, которые позволили бы наметить план расследования данного дела.

В районе проживания подозреваемых, а жили они на одной из главных улиц г. Андижана, шло интенсивное строительство новых домов, и дом Махкамовой в ближайшее время подлежал сносу.

Незаметно для окружающих я с помощью соседей предварительно осмотрел место, где ранее находилась уборная и коровники, и пришел к выводу, что там вполне можно было зарыть труп.

Приняв решение о вызове на допрос Махкамовой и Джумабаева, я вместе с работниками ОУР провел подготовку к производству обыска, чтобы одновременно в тот же день организовать раскопки в местах возможного скрытия трупа Адилжана.

Поскольку на Джумабаева пало подозрение в совершении столь тяжкого преступления, а он нигде не работал и, узнав о вызове Махкамовой на допрос, мог бы скрыться, я решил его арестовать.

3 декабря 1959 г. утром работники ОУР по моему поручению с санкции прокурора арестовали Джумабаева и одновременно с этим пригласили на допрос Махкамову.

На вопрос, знает ли она, зачем ее пригласили в прокуратуру, Махкамова ответила отрицательно. На этой первой стадии допроса я не стал ей говорить о цели вызова, а попросил подробно рассказать о семье, детях, работе, условиях жизни и т. д.

Махкамова рассказала, что, живя с первым мужем, она родила семь детей, из которых трое умерли в раннем возрасте, а из четырех живых — старшему Алиму — 22 года, Инаму — 18 лет, Арабу — 17 лет и Мадамину — 15 лет. Исчезнувшего Адилжана, которому теперь должен быть 21 год, она не называла. Это было очень странно, и у меня возникла мысль, что Махкамова умолчала об этом неслучайно.

В конце беседы я спросил Махкамову об Адилжане и о причинах умолчания о нем. Та спокойно ответила, что, поскольку Адилжан бросил семью и ушел из дома неизвестно куда, она решила о нем молчать и, кроме того, он плохо относился к ней, часто бил. По этим же причинам она его не разыскивала. Далее Махкамова заявила, что Адилжан был в очень плохих отношениях с отчимом Джумабаевым, ненавидел его, хотя сам же вначале якобы привел его в дом и просил ее выйти за того замуж. Уходя из дома, Адилжан взял 2000 руб. и теперь, наверное, живет на территории России с русскими женами.

Я знал, что соседям Махкамова говорила о 200 руб., якобы взятых Адилжаном, а теперь мне стала говорить о 2000 руб., но решил пока не фиксировать на этом ее внимания.

Во время допроса Махкамова вдруг вынула из кармана папиросы и без разрешения начала курить.

Мне было известно, что те узбечки, которые ведут замкнутый образ жизни и ходят на улице с закрытым лицом, а Махкамова, на первый взгляд, относилась именно к таким, никогда не курили и не курят. Такое поведение Махкамовой меня крайне удивило и заставило изменить свое мнение о ней, как о женщине, живущей старыми традициями.

Она уже не казалась мне безвольной и робкой. Более того, она быстро сообразила, что безразличное отношение к судьбе «пропавшего» сына, непринятие мер к его розыску может быть истолковано не в ее пользу. Перестроившись, она заявила, что вскоре после исчезновения Адилжана ездила в Фергану на мясокомбинат, куда по слухам он уехал (так как имеет квалификацию кишечника), расспрашивала там разных людей, но никто ничего о нем сказать не мог. Куда надо обращаться за розыском сына, она не знала и поэтому никуда не

обращалась, теперь же после возвращения из мест заключения ее старшего сына Алима они займутся розысками Адилжана.

Я ранее неоднократно бывал в Фергане, знал, где находится мясокомбинат, и попросил Махкамову подробно описать, куда она обращалась с расспросами об Адилжане и где именно была.

Махкамова указала не ту часть города, где действительно находится мясокомбинат, а противоположную и совершенно неправильно обрисовала само здание и подходы к нему.

Все поведение Махкамовой и ее объяснения были настолько противоречивы и неубедительны, что наводили на мысль о том, что она знает истинные причины исчезновения Адилжана, но не желает об этом говорить.

«Адилжан, по-видимому, действительно убит отчимом», — думал я, — и Махкамова так или иначе причастна к убийству, поэтому она и ее муж не принимали никаких мер к его розыску». Обо всем этом я прямо сказал Махкамовой и предложил рассказать все, что ей известно об убийстве сына; когда, где и при каких обстоятельствах совершено преступление.

Махкамова с возмущением стала отвергать предположения об убийстве ее сына отчимом. Она заявила: «Девять месяцев я носила сына в своем чреве, рожала, воспитывала и не стала бы жить с человеком, который убил его. Адилжан жив, мое материнское сердце подсказывает это, но он не хочет писать, так как ушел из дома обиженным».

Допрос Джумабаева также ничего не дал. Он повторил почти все ранее сказанное Махкамовой.

Оставив Джумабаева в КПЗ, я вместе с работниками милиции и понятыми в присутствии Махкамовой стал производить раскопки на месте нахождения коровника, но ничего там не обнаружил. Я попросил Махкамову показать мне, где раньше находилась уборная. Указав другое место, она заявила, что уборная давно уже зарыта в связи с непригодностью для пользования. Но так как я еще раньше установил, где в действительности находилась уборная, то раскопки мы стали производить не там, где указала Махкамова, а в надлежащем месте и вскоре обнаружили признаки бывшей уборной. При дальнейших раскопках, примерно на глубине четы-

рех метров показались доски, под которыми мы обнаружили скелет человека.

Оформив все это протоколом осмотра и сфотографировав труп и место его обнаружения, я вернулся в прокуратуру и вновь приступил к допросу Махкамовой.

Она изменила свои показания и заявила, что раньше давала ложные показания об обстоятельствах ухода Адилжана из дома. В действительности он ушел из дома вместе с находившимися у них в гостях Мадрахимовым Гуляшем и Кадировым Халдаром. С ними же вместе ушел и муж, который вскоре вернулся обратно, а сын домой больше не приходил. Кому принадлежит труп, найденный в уборной, и как он туда попал, она не знает.

На мой вопрос, интересовалась ли она у Мадрахимова Гуляша, Кадирова и мужа, куда ушел сын, она ответила, что об этом она спросила только у мужа. Последний якобы не знал, куда ушел пасынок.

Махкамова, судя по всему, знала об убийстве сына, более того, возможно, она являлась даже соучастницей преступления, но это требовалось доказать. Вызванный на повторный допрос Джумабаев по-прежнему продолжал утверждать, что Адилжан из дома ушел и ему неизвестно его место нахождение.

Тогда ничего не говоря об обнаруженном скелете, я пригласил в кабинет младшего сына Махкамовой — Араба, присутствовавшего при раскопках, и попросил его рассказать отчиму о результатах раскопок.

Выслушав пасынка, Джумабаев изменился в лице, затрясся, опустил голову. Он никак не ожидал, что на участке дома мы могли обнаружить останки Адилжана. На мой вопрос, будет ли он и дальше давать ложные показания или расскажет всю правду, Джумабаев ответил: «Теперь расскажу всю правду».

Джумабаев признался в убийстве Адилжана. Странясь смягчить свою вину, он утверждал, что пасынок часто затевал с ним ссоры из-за матери.

После одной из таких ссор Джумабаев встретился на улице со знакомыми Мадрахимовым Гуляшем и Кадировым, которых пригласил к себе в дом с целью уладить семейные дела. Дома в это время находились Махкамова, Адилжан и старший сын Алим. Поставили угощение и начали выяснять взаимоотношения. Адилжан

вел себя крайне грубо. Мадрахимов Гуляш и Кадиров просили его не вмешиваться в жизнь отчима и матери, но тот не хотел ничего слушать. Начался опять скандал, во время которого Адилжан якобы оскорбил мать и его, после чего Джумабаев схватил нож и нанес Адилжану два удара. Мадрахимов Гуляш и Кадиров, увидя это, сразу же ушли, а он и Алим унесли труп и выбросили в уборную, которую затем засыпали.

Допрошенные Мадрахимов Гуляш и Кадиров подтвердили эти показания и заявили, что подстрекала к убийству Махкамова. После ранения Адилжан еще некоторое время жил, и они хотели помочь ему, но, боясь Джумабаева, ушли и по этим же причинам молчали о совершенном преступлении.

Алим подтвердил обстоятельства убийства, но свое участие в нем отрицал. Более того, он якобы даже хотел оказать помощь Адилжану, собрался идти в скорую помощь, но, испугавшись угроз со стороны Джумабаева, никуда не пошел и о совершенном в доме преступлении молчал.

Из последующих показаний Махкамовой и ее младших сыновей выяснилось, что Адилжан был очень требователен к ним. Он упрекал в лодырничестве старшего брата Алима, который нигде не работал и не помогал семье.

Адилжан работал кишечником на мясокомбинате. По отзывам ряда рабочих он являлся очень хорошим работником и товарищем.

Один из сыновей Махкамовой — Инам показал, что однажды, возвратившись с гуляния домой, он видел, как мать затирала и замывала в комнате кровь, а через некоторое время пришли Джумабаев и Алим и сказали, что с Адилжаном все кончено, надо только молчать об этом и говорить всем об его уходе из дома неизвестно куда.

Махкамова, уличенная этими показаниями, очными ставками с Мадрахимовым Гуляшем и Кадировым, признала свое участие в убийстве сына с целью избавиться от него.

Окровавленную одежду Адилжана преступники сожгли. Младшие сыновья Араб и Мадамин об убийстве брата ничего не знали, так как в этот вечер находились в кино.

Выясняя личность обвиняемого Джумабаева, я установил, что, возвратившись из мест заключения, он нигде не работал, жил на иждивении Махкамовой, которая получала на детей пенсию и, кроме того, выпекала лепешки и продавала их на рынке.

Судебная коллегия по уголовным делам Андижанского облсуда, рассмотрев в феврале 1960 года это дело, приговорила Джумабаева и Махкамову к высшей мере наказания, а Мадрахимова Алима к пяти годам лишения свободы.

РЕПОЗИТОРИЙ ГУИ

Начальник ОБХСС отдела
милиции Калининского
райисполкома Ленинграда
капитан милиции
A. A. Шмонов

ПРИВЛЕЧЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОСТИ К ПРОИЗВОДСТВУ ПРОВЕРОК ПО СИГНАЛАМ О ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Последнее время работники милиции все чаще прибегают к помощи общественности в тех случаях, когда возникает необходимость проверить тот или иной сигнал о совершенном или готовящемся преступлении. Связь работников милиции с представителями общественных организаций приносит весьма ощутимые результаты. О помощи общественности в раскрытии и предупреждении преступлений я хочу рассказать в настоящей статье.

В отдел милиции Калининского райисполкома поступило сообщение о злоупотреблениях должностных лиц одной из баз Калининского райпищеторга. Эта база, наряду с торговыми предприятиями, снабжала продуктами ряд детских учреждений и больниц. Пользуясь бесконтрольностью при приемке товаров этими учреждениями, работники базы недодавали им продукты, в частности, молоко, а образующиеся излишки сбывали через работников магазина № 34 того же торга.

Поскольку незаконно полученные с базы товары смешивались в магазине с товарами, полученными по документам, и реализовывались в течение непродолжительного времени, обычная инвентаризация могла и не дать результатов. Надо было проследить за завозом продуктов в магазин, но так, чтобы его работники не знали об этом. Решили обратиться за помощью к дружинникам организаций, расположенных на территории нашего

района. При этом мы исходили из того, что появление возле магазина сотрудников милиции могло бы насторожить торговых работников, в то время как дружинники не привлекут их внимание. Кроме того, дружинники, участвовавшие в проверке, в дальнейшем при подтверждении сигнала могут быть ценными свидетелями по делу.

В соответствии с разработанным планом, дружинники, выделенные для участия в проверке, извещались нами о времени поступления в магазин молока. Как только машина базы подходила к магазину, девушки и юноши подходили к ней и, стараясь не привлекать к себе внимания, пересчитывали количество поступивших бидонов с молоком, о чем составляли акт. В этом акте отмечалось не только количество сгруженных бидонов, но и время доставки, номера автомашин и приметы лиц, сдававших и принимавших товары. В последующем, сведения, содержащиеся в актах, были сопоставлены с накладными на базе и в магазине.

В результате проделанной работы сигналы о преступной деятельности должностных лиц базы и магазина № 34 полностью подтвердились.

Так, по наблюдениям дружинников 5 сентября 1959 г. кладовщик базы Лиссицина завезла в магазин и сдала директору Моносову 12 бидонов молока. При проверке накладных оказались оформленными только 5 бидонов. Таким образом, 238 л молока на сумму 690 руб. 20 коп. было похищено.

12 сентября 1959 г. директор базы Рейтерович завез и сдал лично директору магазина Моносову 12 бидонов молока, а оформил по накладной доставку 340 бутылок молока по 0,5 л, т. е. на 238 л меньше. То обстоятельство, что в этот день в магазин № 34 молоко в бутылках вообще не доставлялось, в дальнейшем подтвердил и шофер базы Коровкин, который заявил, что привез в магазин только 12 бидонов с молоком, других же поступлений не было.

3 октября 1959 г. Рейтерович вторично завез и сдал заместителю директора магазина Кроль 13 бидонов молока, а оформил по накладной только 7 бидонов, а 17 октября 1959 г. кладовщик базы Стеклянникова завезла и сдала Моносову 8 бидонов молока, по накладной же оформила лишь 3 бидона. Обращало на себя внимание то обстоятельство, что молоко в магазин № 34

доставляли директор, заместитель директора и кладовщики базы, в то время как обычно этим занимался шофер-экспедитор.

12 ноября 1959 г. с помощью дружинников преступников задержали. Дружинники с двумя оперработниками зафиксировали завоз молока в магазин в количестве 10 бидонов. После этого машину базы на обратном пути задержали для проверки документов. Проверив документы сопровождавших машину лиц, работник ГАИ представил дружинникам накладную на доставку молока, в которой указывалось, что в магазин доставлено только 6 бидонов молока, т. е. на 136 л меньше, чем это было в действительности. После проверки машину и работников базы доставили в РОМ, где при личном обыске у кладовщика Лисициной обнаружили 450 руб., спрятанные в чулке. Лисицина призналась, что деньги получала за похищенное молоко от заместителя директора магазина Кроль. Последняя подтвердила получение так называемого «левого» молока и передачу за него денег Лисициной. Деньги она взяла у продавца молока Кутуевой в ларьке магазина, где кассового аппарата не было. Кутуева подтвердила показания Кроль.

Выяснилось, что работники базы в момент доставки молока в магазин заполняли бланки накладных, прописывая в них количество молока по договоренности с работниками магазина.

Так, с помощью общественности удалось раскрыть систематическое хищение молока с базы и реализацию его через магазин.

С помощью общественности нам удалось также раскрыть хищение инвентаря в больнице имени Мечникова. Сигналы об этом неоднократно поступали в отделение милиции. Однако многочисленные проверки были безрезультатными. При инвентаризации недостача инвентаря не устанавливалась. Возникла мысль провести одновременную инвентаризацию во всех отделениях и павильонах больницы с тем, чтобы инвентарь не могли передавать от одних лиц к другим. Работникам милиции и ревизорам проделать такую работу было не под силу. Тогда мы обратились к дружинникам Ленинградского санитарно-гигиенического медицинского института, поскольку больница является производственной базой этого института. С помощью партийной организации в ин-

вентаризации приняли участие более 100 человек дружинников, что позволило одновременно снять натурные остатки в 30 павильонах больницы. В результате у шести материально ответственных лиц установили недостачу инвентаря на сумму 21 тыс. руб.

Одновременная инвентаризация предотвратила ссылки материально ответственных лиц на то, что недостающий у них инвентарь передан в другое отделение, как это имело место раньше. Выяснилось, что именно поэтому прежние проверки были безрезультатными.

Таким образом, и в данном случае преступление было раскрыто благодаря помощи, оказанной нам дружинниками.

Весьма эффективной является помощь общественности в борьбе с нарушениями правил советской торговли, когда возникает необходимость в проверке большого количества торговых точек.

Например, к нам в ОБХСС поступили сигналы о том, что работники буфетов столовой № 78 при кинотеатре «Гигант» обманывают покупателей.

7 января 1960 г. мы вместе с директором столовой Проценко произвели проверку буфетов. Факты подтвердились.

По результатам проверки директор столовой по нашему требованию издал соответствующий приказ, а мы провели в столовой собрание и еще раз предупредили всех материально ответственных лиц о необходимости работать честно. Директору и бухгалтеру столовой предложили усилить контроль за деятельностью подведомственных им буфетов.

Спустя три недели с помощью четырех общественных контролеров, приглашенных через торговый отдел исполкома, была произведена повторная проверка буфетов в порядке контроля за принятым решением. Во всех буфетах обман покупателей продолжался.

По-видимому, проверки следовало проводить систематически. По нашей просьбе выделили 40 дружинников, которые со 2 по 11 февраля 1960 г. ежедневно по несколько раз производили закупку товаров во всех четырех буфетах кинотеатра. В каждом случае устанавливался обман покупателей.

У продавца мороженого Мешкунова за это время закупили 58 порций мороженого, в каждой из которых

имелся недовес от 10 до 25 г на порцию в 100 г мороженого. У его сменщицы Виноградовой установили недовес в 10 случаях от 5 до 15 г на порцию в 100 г.

У работника буфета Кузнецовой сделали 17 закупок конфет и в каждом случае она обсчитывала покупателя.

11 февраля 1960 г. общественные контролеры совместно с дружинниками сделали контрольные закупки во всех буфетах, после чего буфеты были закрыты на перечет. При этом у продавца мороженого Мешкунова в 140 порциях, подготовленных к реализации, в том числе в 12 порциях, закупленных контролерами, обнаружили недовес от 10 до 30 г на порцию в 100 г.

У него же обнаружили излишек 540 руб. и на 283 руб. мороженого и вафель.

По результатам проверки возбуждены уголовные дела в отношении работников буфетов — Мешкунова, Кудиной, Крыловой и Кузнецовой, преступные действия которых не были связаны между собой.

Материалы на работников буфета — Лисовскую, Кузьмину, Тафееву и на продавца мороженого Виноградову передали в товарищеский суд.

Факты грубейшего нарушения правил советской торговли и обмана покупателей стали возможными в результате бесконтрольности и попустительства со стороны директора столовой № 78 Проценко и старшего бухгалтера Барткевич, которые, по нашему представлению, наказаны в дисциплинарном порядке.

В связи с поступлением дополнительных сигналов решили проверить с помощью общественности и другие предприятия общественного питания. С этой целью мы договорились с Облпрофсоветом, который выделил 27 человек. Районный штаб народных дружин выделил в помощь нам 26 человек.

19 февраля 1960 г. общественных контролеров и дружинников проинструктировали работники милиции. Представитель облпрофсовета выдал им удостоверения на право проверки торговых предприятий. Проверкой одновременно охватили более 20 столовых и 10 магазинов.

В результате были вскрыты серьезные нарушения правил советской торговли, о чём мы и сообщили в РК КПСС и в отдел торговли. Виновные в нарушении пра-

вил советской торговли строго наказаны и лишены премии. Некоторые из торговых работников уволены.

18 марта РК КПСС провел совещание актива района, на котором широко использовался собранный нами фактический материал. По результатам обсуждения вынесено решение, направленное на улучшение работы сети общественного питания и торговли.

В настоящее время мы широко используем помощь общественности в борьбе с хищениями социалистической собственности. Для этого на предприятиях района созданы инициативные группы. Таковые создавались и раньше из числа комсомольцев и молодежи. В эту же группу включались работники милиции. В настоящее время мы пришли к выводу, что следует такие группы создавать на принципиально иной основе, на базе народных дружин, под непосредственным руководством партийной организации. Свои соображения мы доложили в РК КПСС, где нас поддержали. На районном партактиве секретарям партийных организаций рекомендовали создавать на предприятиях такие группы. Создание инициативных групп из числа участников народных дружин, на наш взгляд, необходимо еще и потому, что в данном случае люди специально отбираются, утверждаются на парткомах и работа их носит целесустримленный характер. Целью и задачей этих инициативных групп является предупреждение и пресечение преступлений, выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению преступных действий. Такие группы созданы в ряде предприятий нашего района. Они нами проинструктированы и за каждой группой закреплены наши оперативные работники, постоянно поддерживающие с ними связь. Инициативные группы ведут интересную и полезную работу. Так, группа завода «Красный Выборжец» действует под лозунгом: «Нам до всего есть дело». Члены этой группы выявили и внесли на рассмотрение парторганизации много предложений, устраивающих условия, способствующие совершению преступлений. С их помощью мы раскрыли ряд преступлений. Так, они сообщили, что работник отдела снабжения завода Муккель отмечал путевые листы шофера, перевозившего дрова, в то время, как дрова принимала кладовщица. Проведенной инвентаризацией выявили недостачу 49 м³ дров на сумму 3675 руб. Муккель сознался

в хищении и указал адреса лиц, которым продал дрова.

Члены инициативной группы завода имени Свердлова вскрыли порочную систему внутренних перевозок материальных ценностей и внесли предложения, исключающие возможность похищать и вывозить с завода материалы.

Приведенные примеры наглядно свидетельствуют о том, какое огромное значение приобретают различные формы участия общественности в раскрытии и предупреждении преступлений.

Старший следователь
прокуратуры Ленинградской области
В. С. Бурданова
Старший научный сотрудник
Ленинградской
научно-исследовательской
лаборатории судебной экспертизы
М. Г. Любарский

ЖЕНОУБИЦА

Практика показывает, что преступник, прибегая к инсценировке, как правило, не в состоянии все предусмотреть, создать правдоподобную обстановку происшествия и гарантировать себя от разоблачения.

Он не может достигнуть этого по субъективным причинам. Ему мешает естественное волнение и отсутствие знаний, позволяющих скрыть уличающие следы. Этого нельзя достигнуть и по объективным причинам, ибо различие в механизме подлинного и инсценируемого события накладывает определенный отпечаток на место происшествия. Задача следователя состоит в том, чтобы увидеть промахи инсценирующего, распознать признаки инсценировки.

Описываемое ниже дело из нашей практики убедительно подтверждает сказанное¹.

* * *

Однажды днем прокуратуре Кингисепского района Ленинградской области стало известно, что в Ивангороде на Суконной улице в доме № 7 повесилась гражданка Закутаева. Прибыв на место происшествия, следователь нашел труп лежащим на полу в прихожей и рядом с ним — веревку с узлом, скрепляющим два разрезанных конца петли.

¹ Один из авторов настоящей статьи — т. Бурданова в бытность следователем прокуратуры Кингисепского района Ленинградской области расследовала описываемое дело. Другой автор — т. Любарский производил по этому делу криминалистическую экспертизу.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ

Находившийся тут же муж покойной объяснял присутствующим, что днем, когда жена его отдохала после работы в ночной смене, он заснул на другой кровати, а проснувшись через час, увидел жену, висящую в петле на перекладине кухонной двери. Разрезав веревку, он позвал соседей.

Странгуляционная борозда на шее трупа бледно-фиолетового цвета косо-восходящего направления, имела необычный рисунок — как будто несколько веревок, переплетаясь узлами, давили на шею.

Выше борозды на шее оказались царапины и пятно, похожее на кровоподтек.

На трупе были надеты несколько пар нижнего белья, кофта, платье, валенки. В кармане кофты находилось свидетельство о рождении дочери, паспорт, ключи от квартиры, облигации госзаймов.

Обращало на себя внимание отсутствие в квартире вещей дочери, а в шкафу находилась вторая пачка облигаций на сумму, равную стоимости облигаций, найденных в кармане покойной.

Было похоже, что Закутаева собралась уйти из дома. Но что же заставило ее изменить намерение и покончить жизнь самоубийством? Может быть, она отнесла часть вещей к знакомым, не желая оставлять их мужу после своей смерти?

А может быть, она убита Закутаевым и самоповешение является инсценировкой?

Дальнейший осмотр принес ценные доказательства. На столе оказалась пепельница, переполненная окурками. Пропитанные слюной мундштуки были еще влажными. Это говорило о том, что все папиросы были выкуриены недавно и за короткий промежуток времени. До прихода соседей в комнате находился один Закутаев, и таким курильщиком мог быть только он. Значит, проснувшись, увидев жену висящей и сняв ее труп, он почтуму-то не сразу сообщил о случившемся, а долго и много курил.

На простыне кровати, где по словам Закутаева, отдохала жена, было обнаружено влажное бесцветное пятно, а на подушке розоватое пятно, похожее на след сукровицы. На столе лежал кухонный нож с кусочками масла на лезвии. Этим ножом, по словам Закутаева, он одним ударом перерезал натянутую веревку.

По-видимому, при этом веревка должна была стереть масло с лезвия ножа, однако на концах веревки частиц масла не оказалось.

На деревянной перекладине, к которой якобы была привязана веревка с петлей, никаких следов и признаков крепления веревки не осталось.

Все указанные обстоятельства были подробно зафиксированы в протоколе осмотра. Труп Закутаевой отправили в морг, а мужа задержали.

Из допросов соседей по дому и сослуживцев покойной явствовало, что Закутаева неоднократно уходила из дома, так как муж пьянистовала и избивал ее.

Эти данные соответствовали обеим версиям как об убийстве, так и о самоубийстве Закутаевой.

Исследование участков кожи на шее покойной, где были ссадины, кровоподтек и странгуляционная борозда, показало, что эти повреждения прижизненны. Кроме них, на трупе обнаружили кровоподтеки на внутренней поверхности нижней губы, на тыльной стороне кисти, в области подколенной ямки и на голове в области затылка, также прижизненного происхождения.

На простыне и трико оказались пятна мочи, а на наволочке — пятно крови. Это могло свидетельствовать о том, что Закутаева была задушена на кровати, но те же следы могли образоваться и по причинам болезненного происхождения. Поэтому расследование продолжалось в направлении обеих версий.

Как выяснилось, Закутаева никогда не страдала болезнями мочевого пузыря или кровотечениями из носа.

Обстоятельно допрошенный о положении тела висевшей, ее ног, веревки, узлов и т. д. задержанный рассказал, что труп висел, не доставая ногами до пола, что узел на веревке был сзади и выше шеи и касался перекладины, что, снимая труп, он поддерживал его правой рукой, а левой разрезал веревку выше головы.

Для проверки этих показаний решили произвести следственный эксперимент с участием судебномедицинского эксперта-криминалиста. Подозреваемому предложили показать на специально изготовленной кукле, каким образом висел труп и как располагалась веревка и узел по отношению к шее умершей и перекладине.

Затем перед криминалистической экспертизой был поставлен вопрос о том, возможно ли стягивание шеи

данной веревкой при наличии имеющихся узлов и при том положении веревки, которое указано Закутаевым.

Эксперт дал заключение, что из данной веревки, при указанном расположении концов и узлов, ни при каких условиях не получается петли.

Чтобы ответить на другой вопрос — о том, какие следы должны были образоваться на перекладине от веревки, если бы на ней висел труп Закутаевой, провели следственный эксперимент.

На точно такой же веревке к перекладине подвесили груз, равный весу тела Закутаевой. Перекладина представляла собой старую сосновую доску, оклеенную обоями. При экспериментальном подвешивании груза волокна дерева в том месте, где их касалась веревка, сжалась на ребрах и смялись по бокам. На балке остался след давления веревки.

Криминалистическая экспертиза дала заключение, что при подвешивании груза, равного весу тела умершей, неизбежно должны были остьаться следы давления веревки на перекладину.

Других следов, подобных экспериментальному, на перекладине не было, и, следовательно, показание Закутаева о том, что на этой перекладине висела его жена, полностью опровергалось.

Народный суд приговорил Закутаева по п. «а» ч. 1 ст. 136 УК РСФСР 1926 года к длительному сроку лишения свободы. Только после суда в одном из своих заявлений он рассказал, что в порыве гнева и ревности, зная о намерении жены уйти от него, он схватил ее за горло, когда она лежала на кровати, и случайно задушил, а потом, испугавшись, взял веревку, надавил на шею, чтобы образовался след, разрезал веревку и позвал соседей. Приговор Закутаев не обжаловал.

Старший следователь
прокуратуры г. Луганска
юрист 2-го класса
М. Я. Могилевский

РАСКРЫТИЕ УБИЙСТВА С ПОМОЩЬЮ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

14 января 1960 г., днем, в Луганске в доме № 90 по улице Ворошилова обнаружили труп владелицы дома Степаненко с несколькими глубокими, проникающими до костей ранами на голове и затянутой вокруг шеи петлей из электрошину.

Открытые ящики комода, шкафа, шифоньерки, выброшенные из них и разбросанные по полу квартиры вещи говорили, что убийство, вероятно, совершено с целью ограбления.

При осмотре места происшествия следователь прокуратуры Ткаленко никаких следов преступников не нашел.

В течение двух последующих дней допросили около 20 свидетелей — соседей, родственников, знакомых, но никаких данных о преступниках добить не удалось.

Следствие осложнялось тем, что Степаненко жила одиноко и замкнуто, в день убийства, кроме нее, в доме никого не было, преступников никто не видел.

16 января прокурор города расследование дела поручил мне.

Ознакомившись с материалами дела, я прежде всего решил установить, были ли похищены вещи и ценностей Степаненко и какие именно. С этой целью я обратился к общественности. Собрав актив жильцов улицы Ворошилова, я изложил им свою просьбу помочь мне в раскрытии преступления.

Граждане, с которыми мне пришлось столкнуться, проявили большую активность и указали ряд лиц, знавших убитую и бывавших у нее. Таких лиц оказалось немногих, и среди них районный нотариус Семенова. Последняя показала, что Степаненко обращалась к ней по поводу оформления завещания своего имущества в пользу мужа (пропавшего без вести в 1956 году) и племянницы.

Неоднократно посещая ее квартиру, Семенова при составлении описи вещей видела в диване облигации 3% государственного займа. Сумму облигаций Семенова не знала, так как Степаненко их никому не завещала, но пачка облигаций, по словам Семеновой, была объемистая.

При осмотре квартиры Степаненко облигаций 3% займа не оказалось, по-видимому, их похитили, не нашли и списка с их номерами.

Предстояло выяснить, на какую сумму имела Степаненко облигаций и за какими номерами. При этом встал вопрос, каким образом она, ведя замкнутый образ жизни, редко выходя ввиду болезненного состояния из дома, не выписывая газет и журналов и не имея списка облигаций, проверяла их по таблицам выигрышей. В то же время вряд ли Степаненко носила в сберегательную кассу всю пачку облигаций для проверки выигрышей.

Возникло предположение, что ей кто-то проверял выигрыши.

Опрашивая лиц, соприкасавшихся со Степаненко, мне стало известно о ее хороших отношениях с гражданкой Саранчой.

Как показала Саранча, по просьбе Степаненко она проверяла выигрыши по ее облигациям 3% займа и список с их номерами находился у нее дома. В тот же день Саранча представила этот список. В нем оказались записанными номера облигаций на крупную сумму.

Немедленно номера, перечисленные в списке, сообщили во все сберегательные кассы города и области с предложением сообщать в прокуратуру о каждом случае попытки обмена облигаций на деньги.

На следующий же день при такой попытке задержали в сберегательной кассе Октябрьского района учащегося ремесленного училища Плеханова, 1945 года рож-

дения. При личном обыске у него изъяли облигации 3% займа на 4600 руб. и 219 руб. денег, причем все номера облигаций совпадали с номерами в списке, представленном Саранчой.

На первом же допросе Плеханов признался в убийстве Степаненко с целью ограбления и выдал своего соучастника — учащегося машиностроительного техникума Косорыжникова, 1944 года рождения. У последнего при задержании изъяли на 1900 руб. облигаций 3% займа и денег 300 руб.

Косорыжников также признался в убийстве Степаненко.

Оба показали, что они договорились совершить кражу денег и ценностей у Степаненко, а если она окажется дома, убить ее, поскольку она хорошо знала Косорыжникова.

14 января 1960 г., около 12 час. дня, они по заранее разработанному плану вооружившись двухкилограммовой гирей, проникли в дом Степаненко. Та оказалась дома. Нанеся ей по голове пять ударов гирей и затянув вокруг ее шеи петлю из электрощипура, они забрали все облигации 3% государственного займа и часы марки «Звезда».

Поделив между собой облигации, преступники стали обменивать их в сберегательных кассах на деньги. Во время такого обмена Плеханов был задержан.

Так, с помощью общественности в течение нескольких дней удалось раскрыть тяжкое преступление.

Народный суд 2-го участка Октябрьского района г. Луганска приговорил Плеханова и Косорыжникова к длительному сроку лишения свободы в трудовой колонии для несовершеннолетних.

*Старший научный сотрудник
ВНИИ Криминалистики
Прокуратуры СССР
кандидат юридических наук*

З. Т. Баранова¹

*Старший следователь
прокуратуры Московской области
юрист I-го класса*

Н. В. Зольников

ХИЩЕНИЯ В КОМИССИОННОМ И СКУПОЧНЫХ МАГАЗИНАХ

Посетители чайной Тушинского рынка в пригороде Москвы нередко с состраданием смотрели на женщину, одетую зимой в старое рваное пальто и стоптанные ботинки, которая обычно довольствовалась стаканом чая и черным хлебом, оставшимся на столах. Летом ее одежда была не лучше. Эта женщина вызывала удивление у людей, особенно когда они узнавали, что она работает директором комиссионного магазина.

Дарья Александровна Володина работала в системе торговли уже 15 лет и имела большой опыт в торговых делах. Правда, два раза ее увольняли с работы далеко не по собственному желанию. Покупатели и работники торговой инспекции несколько раз изобличали ее в жульнических махинациях (оставляя «ходовой» товар под прилавком и продавала его за определенную мзду своим знакомым и т. д.). Но всегда находились «приятеля», «добрые люди», которые вновь брали Дарью Александровну на работу в торговлю.

Никто из лиц, работающих в одной системе с Воло-

¹ Настоящее дело было возбуждено отделом милиции Тушинского горисполкома. После проведения первоначальных и неотложных следственных действий органами дознания это дело приняла к своему производству т. Баранова, которая в то время согласно приказу Генерального Прокурора СССР находилась на практике в Московской областной прокуратуре в должности старшего следователя. Ввиду истечения срока ее практики расследование по делу заканчивал т. Зольников.

диной, не бывал у нее дома. Всем своим знакомым она говорила, что ей на 800 руб. приходится жить самой, содержать мать и помогать шести сестрам. При этом она умалчивала, что ее сестры замужем и материально ни в чем не нуждаются. Обычно Дора, как звали Володину в быту, забывала про эту «небольшую» деталь.

Так Володина прожила до 45 лет и неизвестно, сколько бы еще прожила таким же образом, если бы..., но не будем забегать вперед.

* * *

22 февраля 1959 г. рынок облетело известие: в скучном магазине № 16 совершена кража. В тот же день в ОБХСС отдела милиции Тушинского горисполкома явился директор магазина Гладков, сообщивший о совершенной из-за его халатности краже. Инвентаризационная комиссия установила в магазине № 16 недостачу товаров на 27 088 руб.

Гладков плакал и каялся в своей небрежности, объясняя происшедшее тем, что, опечатав магазин, он якобы забыл закрыть его на замок, так как был пьян. Он даже требовал, чтобы его за это наказали.

Работники милиции занялись проверкой обстоятельств совершенной кражи. Проверка показала, что объяснения Гладкова не соответствовали действительности. Рынок охранял сторож и для того, чтобы вывезти товары на 27 тыс. руб. той же номенклатуры, которые обычно имелись в магазине, потребовался бы транспорт. Сторож, однако, утверждал, что все было спокойно и категорически отрицал возможность кражи. Он работал давно, и никаких сомнений в его честности не возникло. Были найдены лица, проходившие в эту ночь в разное время мимо рынка. Они также не заметили ничего, могущего свидетельствовать о совершении кражи в магазине № 16.

Результаты проверки дали возможность предположить, что в данном случае имеет место не кража, а ее иницировка с целью сокрытия хищения.

Работники ОБХСС задержали Гладкова и стали подробно проверять обстоятельства «кражи».

Такого оборота дела Гладков не ожидал. Он стал бурно возражать и вдруг раздраженно заявил: «Меня

вы задерживаете, а жулика Володину оставляете на свободе, а ведь у нее наворовано имущества на миллион». Это было любопытно. Работники милиции знали, что Гладков ранее находился в приятельских отношениях с Володиной и частенько заходил к ней в магазин, поэтому его заявление следовало проверить, тем более, что в ОБХСС в это время поступило несколько сообщений граждан о злоупотреблениях директора комиссионного магазина.

В ходе проверки этих заявлений выяснилось, что Володина из комиссионного магазина № 45 передала одно меховое пальто, прием которого был оформлен на подставное лицо, для реализации в скупочный магазин № 16. Вследствие этого возникло предположение, что Володина имеет преступную связь с Гладковым¹.

Учитывая все эти данные, приняли решение провести в комиссионном магазине у Володиной внезапную инвентаризацию, а у нее на квартире обыск.

Когда в магазин пришли работники милиции и предложили Володиной вместе с ними отправиться в отделение милиции, никто не обратил внимание на скромную торговеду магазина Лиду Федулаеву — племянницу Володиной, которой последняя что-то тихо сказала. Магазин опечатали. Володина пошла в милицию, а Лида, взяв хозяйственную сумку, ушла домой.

Спустя некоторое время работники милиции прибыли вместе с Володиной к ней домой. В комнате царил беспорядок, вещи были разбросаны. Ее соседка сообщила, что примерно час назад какие-то люди вынесли из комнаты Володиной несколько чемоданов. Соседка вначале испугалась, подумав, что это воры, но затем успокоилась, увидев среди них родственницу Володиной — Федулаеву. Стало ясно — Володина опередила работников милиции, и, по-видимому, ее родственники вывезли ценные вещи. Однако они не успели увезти все.

При обыске у нее обнаружили много дорогих вещей. Работники милиции приняли меры к установлению

¹ Эта версия в ходе следствия проверялась, но не нашла подтверждения. Оказалось, что пальто, оформленное на подставное лицо, принадлежало жене директора торга и так как оно не могло быть продано в магазине из-за высокой оценки, торг дал разрешение Володиной сдать его в скупочный магазин, где в реставрационной мастерской из него изготовили воротники.

адреса Федулаевой. Это оказалось нелегким делом, тем более, что Володина никак не хотела сообщить ни фамилий, ни адресов своих родственников, а соседи о них ничего не знали. Потребовалось время на то, чтобы найти Федулаеву, допросить и установить через нее, кто приходил и выносил чемоданы и куда именно.

Оказалось, что приходили в комнату к Володиной Лида Федулаева и ее брат Валентин, которые, как сообщила Федулаева, взяли вещи, лично им принадлежащие.

Тут же часть работников милиции отправилась по установленному адресу Федулаевых, а другие продолжали обыск у Володиной. В доме Федулаевых, в свинарнике, нашли кое-как спрятанные чемоданы. Сначала Федулаевы утверждали, что у них находятся лично им принадлежащие вещи. Когда же им предложили подробно их описать, то они не смогли этого сделать и признали, что вещи принадлежат Володиной. При производстве обыска в свинарнике под балкой обнаружили трудовую книжку на имя Володиной Вассы Ивановны — матери Володиной, несколько квитанций, товарные ярлыки и четыре комитентские карточки комиссионного магазина¹.

Обнаружение ценностей, принадлежащих Володиной, у Федулаевых дало основание предположить, что ее вещи хранятся и у других родственников. В ходе производства обысков это полностью подтвердилось: у сестер Володиной, проживающих в Москве, изъяли несколько чемоданов с ее вещами.

Работникам милиции стало также известно о срочном выезде одной из племянниц Володиной — Раи — в Ленинград, где проживала сестра Володиной — Бабенко. Родственники Раи по вопросу о цели ее поездки давали разноречивые и невразумительные ответы. Возникло предположение, что она выехала с целью скрыть ценностности, принадлежащие Володиной.

Работники милиции решили немедленно вылететь в Ленинград. Они прибыли на квартиру к Бабенко, но той дома не оказалось. Тринадцатилетний сын Бабенко сообщил им, что его мама через полтора часа улетит

¹ Комитет — лицо, сдающее вещи. Комитетская карточка — третий экземпляр квитанции, подвергающей прием вещи на комиссию (является бланком строгой отчетности).

на самолете в командировку, но предварительно с его двоюродной сестрой Раей она должна зайти к учительнице, занимающейся с ним иностранным языком. Мальчик охотно сообщил ее адрес.

Учительница добровольно выдала два чемодана, которые ей принесла Бабенко, объяснив это отъездом в командировку и опасением за сохранность наиболее ценных вещей. На аэродроме удалось найти Бабенко и ее племянницу Раю, признавших, что вещи, находящиеся в двух чемоданах, принадлежат Володиной.

В чемоданах оказались ценности и деньги. Не перечисляя всех вещей, скажем лишь, что там находилось 100 тыс. руб., сберегательные книжки на 60 тыс. руб. на имя Володиной, две каракулевые шубы, несколько золотых серег, десять пар золотых часов, 99 золотых пятирублевых монет царской чеканки.

Гладков оказался прав. Но у «бедной» Володиной нашли имущества, денег и ценностей не на миллион рублей, а почти на два.

Одевая стоптанные ботинки, Володина имела в запасе сто сорок пар туфель всех размеров и всех фасонов. В ее 16-метровой комнате нашли такое количество вещей, что можно было бы открыть второй комиссионный магазин. При этом Володина предпочитала изделия не советского производства, а иностранного. Среди вещей оказалось 300 всевозможных отрезов: французских, английских, немецких и т. д., 200 шерстяных кофточек, в том числе японские, китайские, французские и др., сорок платьев, 120 шт. вилок, ножей, ложек. Одних антикварных сервисов на 12 персон Володина имела пять. Володина, которая питалась на людях одним черным хлебом, позволила себе купить спальный гарнитур за 18 300 руб. Она была обладательницей ковра стоимостью 27 тыс. руб., который, по заключению эксперта, ткали ручным способом не менее 15 лет. На батарее центрального отопления у нее лежали небрежно завернутыми в газету 150 тыс. руб.

Все обнаруженное имущество, по словам Володиной, ей оставила в наследство бабушка, умершая 30 лет назад.

При предъявлении Володиной изъятых у нее золотых часов «Крабы», нейлоновых кофточек и многих других вещей производства последних лет она тут же

изменила свои показания и выдвинула другое объяснение.

Все эти ценности, оказывается, преподнесли ей многочисленные «поклонники», одарившие ее шубами, сервизами, мануфактурой и др. При этом Володина никак не могла забыть свою бабушку, оставившую ей якобы бриллианты и другие золотые вещи.

Пришлося путем допроса родственников Володиной установить, что бабушка Володиной постоянно проживала в б. Рязанской губернии, занималась сельским хозяйством, никогда такими ценностями не обладала и, следовательно, оставить их в наследство не могла. Фамилии и имена «поклонников», преподносивших подарки Володиной, после каждой проверки их следственным путем менялись в ее показаниях, как в калейдоскопе. И даже тогда, когда собирали исчерпывающие доказательства, опровергающие показания Володиной, она, ознакомившись с ними, заявила: «Мало ли что нет таких лиц, а такие поклонники у меня были».

Каким же путем она смогла приобрести такое количество вещей?

Прежде чем перейти к описанию преступной деятельности Володиной, вкратце остановимся на порядке документального оформления приема вещи на комиссию и последующего расчета с лицом, сдавшим ее.

При приеме вещи на комиссию товаровед комиссиионного магазина выписывает квитанцию в трех экземплярах¹: Первый вручается лицу, сдавшему вещь на комиссию (комитенту), второй (товарная карточка) прилагается к товарному отчету, сдаваемому в бухгалтерию магазина, и третий (комитентская карточка) — остается в магазине до момента реализации вещи.

На сданную вещь товаровед выписывает товарный ярлык², имеющий тот же порядковый номер, что и квитанция.

Комитент обязан расписаться в сдаче вещи как во всех трех экземплярах, так и в товарном ярлыке. Пос-

¹ Бланки квитанций являются бланками строгой отчетности, имеют номер, проставленный типографским номератором; снабжение этими бланками производится в централизованном порядке вышестоящей организацией.

² Товарный ярлык также является бланком строгой отчетности.

ледний пришивается к принятой вещи и пломбируется пломбиром магазина. Вещь продаётся вместе с товарным ярлыком и, в случае обнаружения скрытого дефекта, ярлык подтверждает покупку изделия в данном комиссионном магазине.

После продажи вещи комитет предъявляет находящуюся у него на руках квитанцию и расписывается в ней в получении денег, которые выдаются ему при предъявлении паспорта, подтверждающего его личность, а квитанция остается в кассе.

Ежедневно директор магазина составляет товарный и кассовый отчёты, которые передает в бухгалтерию магазина.

В товарном отчёте показывается, по каким квитанциям (номера), какие вещи (их название) и по какой стоимости (сумма) приняты на комиссию. К товарному отчёту, как указывалось выше, прилагаются товарные карточки (второй экземпляр квитанции).

В товарном же отчёте за тот день, в который выплачены деньги комитетам, отдельным разделом показывается реализация вещей (номер квитанции, наименование изделий) и сумма выплаченных комитетам денег. В подтверждение произведенных операций к товарному отчёту прилагаются третий экземпляр квитанций (комитетские карточки).

Одновременно с товарным отчётом составляется кассовый отчёт, в котором отражаются сведения о поступлении денег от реализации вещей покупателям и выплате денег комитетам. И в этих случаях указываются номера квитанций, наименование вещей и сумма.

После выплаты денег комитетам к кассовому отчёту прилагаются первые экземпляры квитанций с расписью комитетов в получении денег. Кроме того, к кассовому отчёту магазина прилагается ордер на сдачу выручки магазина инкассатору госбанка.

Таким образом, после реализации вещи и выплаты денег комитету все экземпляры квитанций сосредоточиваются в бухгалтерии магазина.

Согласно штатному расписанию в магазине № 45 также имелся бухгалтер, но последний по распоряжению директора торга фактически в магазине не работал, а исполнял обязанности одного из бухгалтеров торга. По распоряжению Тушинского торга бухгалтер-

ский учет по магазину № 45 вела бухгалтер рынка того же торга.

В магазине № 45 Володина работала одна. Она сама принимала вещи на комиссию, заполняла и пришивала товарные ярлыки, выписывала квитанции, продавала вещи, получала деньги с покупателей, рассчитывалась с комитетами, составляла кассовые и товарные отчеты и сдавала выручку инкассатору госбанка. Следует отметить, что в магазине № 45 кассовый аппарат отсутствовал.

В декабре 1958 года на должность товароведа была принята племянница Володиной — молодая девушка Федулаева, которая фактически выполняла обязанности не товароведа, а подсобной рабочей (подметала полы, пришивала ярлыки и т. д.).

Примерно раза два-три в неделю Володина отпускала ее с 12 часов дня на учебу в институт.

Изучение обстановки, в которой работала Володина, показало, что у нее имелись все возможности осуществлять преступные махинации. Но необходимо было установить, в чем же они заключались?

В процессе обыска в комиссионном магазине, произведенного в присутствии Володиной, обнаружили товарный ярлык, оторванный от проданной вещи. Когда его положили на прилавок, стоящая рядом Володина быстро схватила ярлык и пыталась его проглотить.

Этот поступок Володиной наводил на мысль, что она явно не желает, чтобы старые оторванные ярлыки попали в руки следствия. Это предположение в последующем подтвердилось.

В результате произведенного обыска было обнаружено большое количество использованных товарных ярлыков.

Как уже указывалось, во время обыска у Федулаевых в свинарнике обнаружили четыре комитетские карточки магазина (на имя Разумей, Шиян, Гордиенко и Зыкова). Решили проверить в магазине движение вещей по этим карточкам. Вещи оказались непроданными.

Тут же вызвали указанных в карточках собственников этих вещей. Все они показали, что вещи сдавали на комиссию давно и деньги за них получили.

Предъявленные им вещи совпадали по наименованию, расцветке и размеру с теми, которые они когда-то сдавали в комиссионный магазин, но в то же время, по их заявлению, это были совершенно другие вещи.

Свидетельница Разумей показала, что 1 июля 1958 г. после продажи сданного на комиссию кожаного пальто она получила от Володиной 1390 руб. В магазине имелось другое кожаное пальто, но с тем же товарным ярлыком. Номер последнего совпадал с номером комитетской карточки, обнаруженной в свинарнике. Аналогичное положение выяснилось и при допросах Шиян, Гордиенко и Зыкова. После этого проверили и другие комитетские карточки на непроданные вещи. В результате удалось установить много комитетов, вещи которых были заменены. На этих вещах оказались ярлыки ранее проданных вещей. Возник вопрос, каким образом Володина умудрялась их доставать, ведь ярлык, являясь бланком строгой отчетности, должен оставаться на реализованной вещи. Выяснить этот вопрос могли помочь покупатели.

Мы нашли несколько граждан — жителей Тушино, покупавших вещи в комиссионном магазине. Большинство из них показало, что, когда они смотрели вещь или примеряли ее, то на ней имелся товарный ярлык, а при упаковке вещи Володина срывала товарный ярлык и оставляла у себя. Один покупатель попросил ее оставить ярлык, но, когда он принес домой покупку, этот ярлык все-таки исчез, по-видимому, Володина его оторвала.

Осмотр товарных ярлыков и комитетских карточек показал, что Володина не простила в них дат приема вещи на комиссию и не давала на подпись комитету.

Это было понятно, так как при продаже вещей в магазине она срывала товарные ярлыки и использовала их в дальнейшем при продаже аналогичных вещей.

Возникал вопрос, для чего Володина это делала и откуда она брала вещи, продающиеся по старым товарным ярлыкам.

Пришлось допросить большое число лиц, сдававших вещи на комиссию в магазин № 45 (устанавливали их по архивным квитанциям)¹. С целью ограничения круга

¹ Квитанции хранились у бухгалтера рынка, исполняющей фактически обязанности бухгалтера магазина.

свидетелей вызывались только граждане, сдававшие вещи на сумму не менее 1000 руб. или неоднократно.

Среди них удалось выявить свидетелей, давших интересные для следствия показания.

Свидетель Королева сообщила о сдаче в ноябре 1957 года на комиссию мехового пальто из мерлушки, которое Володина оценила в 600 руб. Родственники посоветовали Королеву взять пальто обратно, так как оценка была явно занижена (новое пальто стоило 5500 руб.). Через два дня Королева зашла в комиссионный магазин, но Володина заявила, что пальто уже продано, и выдала ей деньги.

Зайдя через неделю в тот же комиссионный магазин, Королева увидела в продаже свое пальто, но оцененное в 1200 руб.

Володина объяснила это тем, что пальто якобы сдавалось в реставрацию, после чего она его оценила дороже. Ввиду заявленной претензии Королевой, Володина доплатила ей 150 руб., взяв с нее расписку. (Эта расписка была обнаружена в личных документах, изъятых у Володиной.)

О занижении стоимости вещей, принимаемых на комиссию, говорили и многие другие свидетели.

Таким образом, как было установлено, способ хищения, применяемый Володиной, состоял в следующем.

Володина, принимая вещи на комиссию, преднамеренно занижала их оценочную стоимость. Если комитет соглашался по этой цене сдать вещь на комиссию, то Володина не выставляла ее в магазине для реализации, а брала себе, погашая своими деньгами стоимость данной вещи. По кассовому и товарному отчету, которым приобщались соответствующие экземпляры квитанций, Володина показывала, что вещь продана.

Затем приобретенные ею по заниженной стоимости вещи она продавала в том же магазине, но по более высокой цене.

С этой целью Володина при реализации однородных вещей (по наименованию, размеру, расцветке и т. д.), поступивших на комиссию от других комитетов и имеющих более высокую оценку, отрывала товарные ярлыки, которые пришивала к выкупленным ею вещам. Фактическую продажу более дорогих вещей она в отчетах не показывала, а деньги, полученные от их реализации,

изымала из кассы магазина, расплачиваясь ими с комитетом, удерживая у себя сумму комиссионного сбора, а документы (первый и третий экземпляр квитанций) в бухгалтерию не сдавала до тех пор, пока не были проданы по указанным в них ценам вещи, ранее приобретенные ею по заниженной цене. После реализации этих вещей Володина изымала из кассы деньги и присваивала их, оставляя на этот раз в кассе комиссионный сбор. Затем она составляла товарный и кассовый отчеты, в которых отражалась продажа тех вещей, с которых она срывала ярлыки, и документы передавала в бухгалтерию (до этого первый экземпляр квитанции на прием вещи с более высокой оценкой, имевшей роспись комитета в получении денег, был Володиной спрятан). Следовательно, одна и та же квитанция и товарный ярлык использовались дважды для продажи двух разных вещей. Продажа одной из них не отражалась по документам.

Помимо указанного способа реализации вещей, приобретенных ею по заниженной цене, Володина прибегала к выписке квитанций на подставных и вымыселенных лиц. Это выяснилось, как только попытались вызвать граждан, указанных в квитанциях.

Например, по квитанции № 231 от 28 марта 1958 г., оформленной на имя Савченко Н. И., Володина продала женский костюм за 557 руб.

Проверка показала, что Савченко по указанному в квитанции адресу не проживает и паспорт за тем номером, который значился в квитанции, в Москве не выдавался. Аналогичных фактов установили очень много.

Допрошенные свидетели характеризовали Володину как человека, который ничем не гнушался и под разными предлогами вымогал деньги у граждан, сдающих вещи.

Вот перед нами инженер завода Иванчук. Он и сам не знает, как Володиной удалось уговорить его расписаться в квитанции в получении 900 руб. за проданный костюм, хотя фактически ему выдали 800 руб.

Таким образом, в результате проведенных следственных действий стало ясно, за счет каких «поклонников» и «бабушек» Володина приобрела столько денег и ценных вещей.

Напомним читателю, что в свинарнике обнаружили трудовую книжку матери Володиной. Почему она там оказалась?

В трудовой книжке, выданной якобы в 1936 году, имелись записи, начиная с 1936 по 1958 год. В этих записях указывалось, что Володина Васса Ивановна работала с 1936 по 1958 год подсобной рабочей на овощной базе Тушинского торга, на ремонтном заводе контролером и товароведом комиссионного магазина № 45.

Осмотр трудовой книжки позволил установить, что она отпечатана в 1945 году, т. е. через девять лет после производства первой записи¹. Кроме того, судя по справке паспортного стола, Володина В. И. впервые приехала в Москву только в 1949 году.

Работники базы и завода, где якобы работала Володина В. И., заявили, что они ее там никогда не видели.

Проведенная по делу криминалистическая экспертиза установила, что записи в трудовой книжке исполнены Володиной Д. А.

На допросе Володина Васса Ивановна заявила, что ни читать, ни писать она не умеет, где находится магазин, ей неизвестно, а слово «товаровед» слышит впервые.

Оформив через Тушинский торготдел на работу товароведом свою мать, которая фактически не работала, Володина подделывала ее подписи в платежных ведомостях и получила начисленную ей за восемь месяцев зарплату в сумме 3577 руб. Это подтверждалось результатами ревизии и криминалистической экспертизы.

Кто же из работников торга помог оформить на работу в комиссионный магазин неграмотную, престарелую матерь Володиной?

Мы не будем останавливаться на методах выяснения этого вопроса, но скажем, что таким человеком оказался заместитель директора Тушинского торга по кадрам Кочетов, находившийся в преступном сговоре с Володиной и, как выяснилось в дальнейшем, с Гладковым, Шаталовым и работниками других магазинов².

¹ На последней странице трудовой книжки имеется типографская отметка о времени ее изготовления.

² Поскольку к уголовной ответственности привлекался начальник отдела кадров Тушинского торга Кочетов как за злоупотребление своим служебным положением при оформлении матери Володиной на работу, так и за получение взяток с Гладкова и Шаталовым. Зак. 3538.

* * *

Способы совершаемых Гладковым и Шаталовым и связанными с ними лицами хищений, а также методы раскрытия и расследования этих преступлений представляют известный интерес, поэтому рассмотрим их более подробно.

Как указывалось выше, обстоятельства, при которых в магазине № 16, по словам Гладкова, образовалась недостача в сумме 27088 руб., вызывали серьезные сомнения.

С этой целью в магазине № 16 организовали документальную ревизию, перед которой поставили задачу — проверить ежедневное движение скupаемых от населения вещей за период работы его бывшего директора Шаталова¹ и назначенного вместо него Гладкова, т. е. проследить движение каждой вещи со времени ее покупки до момента реализации.

Коснемся кратко порядка скупки вещей от населения. При сдаче гражданином вещи ему на основании паспорта выписывается в двух экземплярах квитанция² с указанием фамилии, имени, отчества сдатчика вещи, его домашнего адреса, номера паспорта, наименования вещи, ее характеристики (размер, цвет и т. д.), продажной и скупочной цены³. Квитанция подписывается лицом, сдающим вещь, а также товароведом и директором магазина. Один экземпляр квитанции вручается лицу, сдающему вещь, а другой остается в магазине и приобщается к товарному отчету заведующего или директора магазина и является документом, подтверждающим расход подотчетных сумм.

ва, поскольку дела по обвинению Гладкова и Володиной, совершивших самостоятельные преступления, были соединены в одном следственном производстве. Эти преступления расследовались одновременно, но для удобства изложения в статье они будут освещены каждое самостоятельно.

¹ К моменту расследования настоящего дела Шаталов был осужден за участие в продаже неучтенного товара в промтоварном магазине, где он тогда работал директором.

² Квитанции являются бланками строгой отчетности, и снабжение ими производится в централизованном порядке вышестоящих организаций.

³ При оценке покупаемых вещей работники скупочных магазинов руководствуются существующими прейскурантами.

К каждой вещи прикрепляется товарный ярлык, в котором повторяются сведения о ней, указываются продажная и покупная цена.

Все скупленные вещи заносятся в оценочно-сдаточный акт с указанием даты, номера скупочной квитанции, наименования вещи, ее покупной и продажной цены. Акт выписывается в двух экземплярах: один остается в скупочном магазине, другой вместе с вещами передается в магазин по продаже случайных вещей. В тех случаях, когда вещь нуждается в реставрации, ее направляют в реставрационную мастерскую по ведомости, в которой указываются сведения, аналогичные сведениям оценочно-сдаточного акта. В последующем реставрированные вещи из мастерской поступают в магазин по продаже случайных вещей.

Результаты проведенной ревизии позволили сделать вывод, что, по-видимому, никакой кражи в магазине № 16 не было, а налицо хищение, совершенное работниками магазина.

В частности, ревизоры установили, что в инвентаризационной описи на 12 октября 1958 г. числились вещи, не сданные в последующем магазину № 40 по продаже случайных вещей или в реставрационную мастерскую¹. Об этом свидетельствовали оценочно-сдаточные акты и ведомости, в которых эти вещи не значились. Однако при инвентаризации 22 февраля 1959 г. их не оказалось и в магазине № 16.

Кроме того, в той же инвентаризационной описи на 12 октября 1958 г. и ведомости на сдачу вещей в реставрационную мастерскую от 11 октября того же года числились одни и те же вещи. Так, в ведомости от 11 октября значилось, что товаровед Гладков сдал заведующий реставрационной мастерской Песнячевской женское зимнее пальто темно-синего цвета с каракулевым воротником, стоимостью 1800 руб., имеющее товарный ярлык № 6869. В то же самое время в инвентаризационной описи на 12 октября значилось в наличии то же пальто за тем же товарным ярлыком.

В результате таких комбинаций на 12 октября была скрыта недостача товаров на сумму 4954 руб. Аналогич-

¹ Все вещи, скупленные от населения в магазине № 16, передавались для реализации в магазин по продаже случайных вещей № 40 Тушинского торга.

ные факты ревизоры обнаружили и в инвентаризационной описи на 14 января 1959 г. За период с 12 октября 1958 г. по 14 января 1959 г. всего недоставало вещей на сумму 12134 руб.

В инвентаризационную ведомость либо приписали товары, которых фактически не имелось в наличии, либо ведомость на сдачу вещей в реставрационную мастерскую являлась подложной.

Все члены инвентаризационной комиссии, производившие снятие натурных остатков 12 октября 1958 г. и 14 января 1959 г., показали, что они сами убеждались в наличии вещей. Но заведующая реставрационной мастерской Песнячевская, осмотрев ведомость, заявила, что подпись от ее имени исполнена лично ею и все вещи она принадлежат.

Мы решили допросить всех граждан, сдававших вещи, вызвавшие сомнение.

Результаты превзошли все ожидания. Часть повесток о вызове граждан возвратилась обратно с отметкой о non-existence таких адресов, а лица, явившиеся по вызову, отрицали сдачу вещей по предъявленным квитанциям. Подписи от их имени оказались поддельными. Как утверждали эти свидетели, они сдавали ранее в скучный магазин № 16 совершенно другие вещи. Квитанции на эти вещи удалось найти в архиве. Оттуда, наверное, черпались сведения о фамилии и номере паспорта сдачика, которые и вписывались в подложные квитанции.

Данное обстоятельство натолкнуло нас на мысль — проверить выборочным путем подлинность еще ряда квитанций. Мы взяли несколько квитанций на сдачу вещей стоимостью свыше 3000 руб. (в основном на сдачу меховых изделий) и вызвали лиц, на имя которых они выписывались.

Приведем допрос свидетеля Коробовой, которая работала продавцом продовольственного магазина Тушинского торга. Согласно квитанции, выписанной на ее имя, она сдала в скучный магазин бобровый воротник и получила за него 5000 руб.

На вопрос, имела ли она какие-либо меховые вещи, Коробова ответила отрицательно. Когда ее спросили, сдавала ли она меховой воротник в скучный магазин № 16, Коробова вдруг «вспомнила» об этом, но описать

его не смогла. На вопрос, какого цвета мех бобра, она даже обиделась, заявив: «Я никакого бобра не знаю». Чем дальше велся ее допрос, тем яснее становилось, что квитанция подложная. Запутавшись в своих показаниях, Коробова расплакалась и рассказала следующее. Однажды ее пригласил в магазин Шаталов и попросил оформить на ее имя квитанцию на сдачу мехового воротника, принадлежащего его сестре. Выписать квитанцию на имя последней он якобы не мог, так как ее фамилия тоже Шаталова¹.

Тогда стали вызывать на допросы лиц, сдававших вещи стоимостью свыше 1000 руб. либо в большом количестве однородные или ценные вещи.

В связи с расследованием настоящего дела магазин № 40, куда поступали для продажи вещи из магазина № 16, был закрыт и опечатан². Поэтому имелась возможность предъявлять вещи их бывшим владельцам.

Подобрав квитанции на сдачу вещей стоимостью свыше 1000 руб., вызвали граждан, сдавших их.

Перед нами прошел ряд работников рынка и других лиц, которые иногда из-за дружеских отношений с Шаталовым и Гладковым, а иногда и за 100 г водки представляли паспорта для оформления квитанций на свое имя.

Приведем показания одного такого свидетеля — Шевцовой. Она вела себя уверенно, заявив, что в магазин № 16 сдала лично ей принадлежащее пальто из меха «кролик под котик» и получила за него 3500 руб. Но ее показания, хотя и звучали уверенно, вызывали сомнение. Шевцова проживала в центре Москвы, никого из родственников в Тушине не имела и в то же время она обратилась почему-то в магазин № 16.

На вопрос, сможет ли она опознать свое пальто, сданное в скучный магазин, Шевцова ответила менее уверенно. В магазине № 40 ей предъявили пальто, сданное по оформленной на ее имя квитанции. Среди других таких же пальто она не смогла его опознать. Тогда Шевцовой предложили одеть якобы сданное ею пальто. Шевцова носила одежду примерно 54-го размера, а

¹ Родственникам работников скученных магазинов запрещается сдавать в эти же магазины вещи.

² Магазин № 40 по продаже случайных вещей продавал лишь вещи, полученные из магазина № 16.

предъявленное ей пальто оказалось 46-го. Правда, она пыталась доказать, что за последнее время пополнела, но вскоре поняла всю несостоятельность своих объяснений. Она рассказала, что была в дружеских отношениях с товароведом скупочного магазина № 13 Москуппромторга Фишким. Однажды вместе со своей знакомой, бывшей женой Фишкина, она зашла в магазин № 13 Москуппромторга с целью продать лично ей принадлежащие платья. Фишкин не принял эти вещи, так как не имел возможности оценить их по высокой цене¹, но тут же в магазине познакомил Шевцову и Фишкину со своим приятелем Гладковым — товароведом скупочного магазина № 16. Последний пригласил их приехать к нему в магазин в Тушине. Через несколько дней они заехали к нему. Гладков оценил платья в полную стоимость, но за это попросил Шевцову подписать квитанцию, оформленную на ее имя на сдачу мехового пальто, которого она даже не видела.

Чаще всего Шаталов и Гладков оформляли подложные квитанции на лиц, ранее сдававших вещи в магазин, подделывая подписи от их имени.

При просмотре квитанций создавалось впечатление, что в магазин № 16 приезжали сдавать вещи граждане со всего Советского Союза. Мы подобрали квитанции на граждан, якобы сдававших вещи и проживающих более чем в 30 городах. Прокурорам этих городов направили отдельные требования о допросе лиц, указанных в изъятых квитанциях.

Почти все квитанции, за небольшим исключением, оказались подложными. Справки адресных бюро и паспортных столов отделений милиции подтверждали, что эти граждане там не проживают и им никогда не выдавались паспорта за номерами, значащимися в квитанциях.

Таким путем выявилось свыше 650 квитанций, оказавшихся подложными. Гладков вначале упорно настаивал на версии о краже. Когда же его ознакомили с

¹ Магазин № 13 скупал от населения вещи, имеющие износ более 50%. Согласно приказу Москуппромторга работники магазина № 13 оценку скупаемых вещей производили без преискусств, по договоренности с гражданами, сдающими вещи. Работники магазина не имели права скупать новые вещи. Поэтому вещи оценивались дешево.

результатами ревизии и предложили убедиться в том, что часть вещей, указанных в инвентаризационной описи на 12 октября, уже была сдана на 11 октября в реставрационную мастерскую, то он подробно рассказал об обстоятельствах хищения 27 088 руб. Вместе с Шаталовым они периодически изымали деньги из кассы магазина, а также продавали часть вещей своим знакомым и присваивали полученные деньги¹. В результате этого образовалась недостача в сумме 14 954 руб. В связи с переходом директора магазина Шаталова на работу в другой магазин, все товарно-материальные ценности с 12 октября 1958 г. были переданы новому директору Гладкову. Шаталов попросил скрыть недостачу, угрожая в противном случае сообщить следственным органам о хищении. Тогда Гладков, скрывая следы преступления, составил подложную ведомость на передачу заведующей реставрационной мастерской Песнячевской товаров на сумму 14 954 руб. Подпись Песнячевской он подделал. Члены инвентаризационной комиссии приняли эту сумму к отчету. В последующем подложную ведомость он уничтожил, а взамен ее выписал новую, подлинную за тем же числом, указав в ней номера квитанций и товары, бывшие в наличии на день инвентаризации и фактически переданные Песнячевской.

Шаталов категорически отрицал причастность к хищению.

При проведении очных ставок с гражданами, представляющими ему паспорта для оформления по ним подложных квитанций, Шаталов заявлял, что эти лица, находясь с ним в неприязненных отношениях, его оговаривают.

Однако в хищении он изобличался бухгалтерскими документами, как это будет показано ниже.

Деньги для расчетов с гражданами, сдающими вещи, Шаталов получал по распоряжению торга в Тушинском магазине № 36.

Судя по кассовому ордеру и записям в кассовой книге, а также показаниям старшего кассира, Шаталов утром 12 октября 1958 г. получил в магазине № 36 Тушинского торга 10 тыс. руб., однако, как установил бух-

¹ После этих показаний стало ясно, почему часть вещей не имела дальнейшего движения.

галтер-эксперт (ревизия этот факт не выявила), их не оприходовал. 10 тыс. руб., полученных Шаталовым, оприходовал Гладков только 13 октября 1958 г., т. е. уже после инвентаризации.

Как показал Гладков, эти деньги (не оприходовав их поступление) они 12 октября 1958 г. вложили в кассу магазина для покрытия недостачи.

Между Гладковым и некоторыми гражданами, предоставившими ему свои паспорта, провели очные ставки, после которых он признал себя виновным и в оформлении подложных квитанций.

Но оставалось неясным, откуда Гладков брал вещи, на прием которых оформлялись подложные квитанции, и какова цель выписки таких квитанций. На этот вопрос Гладков, после ознакомления с предъявленными ему несколькими подложными квитанциями, ответил, что вещи они скупали за бесценок у неких Гафур и Сергея, фамилии которых он не знал, а затем совместно с Шаталовым оформляли покупку вещей подложными квитанциями по более высокой цене и разницу в стоимости изымали.

Гладков, пытаясь смягчить свою вину, заявил, что на преступление его толкнули директор магазина Шаталов, систематически похищавший деньги из кассы, и заместитель директора Тушинского торга по кадрам Кочетов¹, который «обложил» их магазин ежемесячной «данью» в сумме 500 руб.

Таким образом, перед следствием возникли новые вопросы, требующие тщательной проверки: получал ли действительно Кочетов взятки от работников магазина № 16 и в какой сумме, кто такие Гафур и Сергей и привозили ли они вещи для продажи в магазин № 16.

Гладков уклонялся от дачи более точных сведений о Сергееве и Гафуре. Первый, по его словам, проживал в Москве, где-то в районе площади Дзержинского. Обнаружить, однако, его так и не удалось. Гафур же, как утверждал Гладков, проживал где-то в районе Арбата, номера его дома он якобы не помнил. Много пришлось потратить времени и усилий для установления Гафура. Гладкова привезли на улицу Арбат и в присутствии по-

¹ Кочетов в это время работал заведующим овощной базой Тушинского торга.

нятых предложили показать переулок, в котором проживает Гафур. Это оказался Калашный переулок. Но в каком доме проживает Гафур, осталось неизвестным.

Тут нам пришла в голову мысль обратиться к поморским ребятам, играющим во дворах домов, расположенных в Калашном переулке. В одном из дворов мы встретили мальчика, который сказал, что его отца звали Гафуром, но он умер в ноябре 1958 года. Допрошенные родственники (жена, три сына, невестка) дали подробные сведения о Гафуре, совпадающие с показаниями Гладкова. Но в магазине № 16 мы установили подложные квитанции, оформленные в декабре 1958 года и январе-феврале 1959 года. Следовательно, версия о получении Шаталовым и Гладковым вещей через Гафура отпадала.

Обнаружение большого количества не новых вещей, принятых по подложным квитанциям, дало основание выдвинуть версию о преступной связи Гладкова с работниками других скучочных магазинов, где вещи скупали от населения по дешевой цене, а затем передавали в магазин № 16, где оформляли их прием по более дорогой, а разницу изымали и присваивали.

Но какой это мог быть магазин? Гладков по-прежнему утверждал, что вещи ему привозил Гафур.

Помог анализ документов и показаний свидетелей. Как уже отмечалось, свидетель Шевцова показала, что Гладков бывал в магазине № 13 у товароведа Фишкина. При просмотре квитанций на покупку вещей в магазине № 16 мы нашли несколько квитанций, оформленных на имя Фишкина и директора магазина № 13 — Гуревича.

Изучение личных дел Шаталова, Гладкова, а также Фишкина и Гуревича дало возможность установить, что все эти лица ранее работали в артели Мосскупромторга и хорошо знают друг друга. Кроме того, проверка поступивших в свое время в органы следствия заявлений граждан о плохой работе комиссионных и скучочных магазинов позволила выявить несколько свидетелей, показания которых имели существенное значение.

В частности, представляло интерес заявление Николаевой, которая жаловалась на неправильную оценку ее каракулевого пальто. Используя ее затруднительное материальное положение, работники магазина № 13 оценили пальто только в 1000 руб., т. е. в несколько раз ниже его действительной стоимости.

Николаева заявила, что сможет опознать свое пальто. Допуская, что это пальто могло быть передано преступниками из магазина № 13 в магазин № 16, ей предъявили все каракулевые пальто и воротники, имевшиеся в магазине № 40 по продаже случайных вещей, куда из магазина № 16 и реставрационной мастерской передавались вещи для реализации. Воротники предъявили в связи с тем, что меховые пальто, скупленные от населения магазином № 16 и имевшие повышенный процент износа, передавались в реставрационную мастерскую, где из них раскрашивались воротники, которые затем продавались в магазине № 40. Не исключалась возможность, что и пальто Николаевой также раскроили на воротники. Это предположение подтвердилось.

Николаева, осмотрев, предъявленные ей вещи, опознала четыре воротника, заявив, что они изготовлены из ее шубы. Эти воротники она опознала по штопке меха, произведенной лично ею¹. В подтверждение этого Николаева представила кусочки каракуля, оставшиеся у нее после ремонта пальто.

Мы назначили товароведческую экспертизу, на разрешение которой поставили вопросы: соответствуют ли по виду и качеству кусочки каракуля, предъявленные Николаевой, меху четырех воротников, а также, произведена ли штопка на этих воротниках специалистом или лицом, не обладающим специальным познанием в штопке меха.

Эксперт пришел к выводу об однородности кусочков меха, представленных Николаевой, и одного из исследуемых воротников. При сравнении же кусочков меха с тремя другими воротниками были обнаружены незначительные различия. Это могло объясняться тем, что для пошива пальто использовались несколько шкурок, различающихся между собой по качеству меха. Эксперт установил также, что штопка на всех четырех воротниках произведена не специалистом.

Таким образом, заключение эксперта косвенно подтверждало показания Николаевой.

В магазине № 16 проверили фамилию сдатчика пальто, из которого выкроили четыре воротника, опоз-

нанные Николаевой. В результате выяснилось, что покупка данного каракулевого пальто была оформлена по подложной квитанции, и оно оценивалось уже не в 1000 руб., а в 2200 руб. Только на данной преступной машине преступники «заработали» 1200 руб.

Это пальто по оценочно-сдаточной ведомости Гладков после покупки передал в реставрационную мастерскую, где из него выкроили воротники и передали их для реализации в магазин № 40.

На основании указанного можно было сделать вывод, что Шаталов и Гладков получали вещи, прием которых оформлялся по подложным квитанциям, от работников магазина № 13.

В связи с этим решили организовать внезапную инвентаризацию в магазине № 13 по скupке вещей от населения и в магазинах № № 58 и 62 по продаже случайных вещей¹.

К моменту проведения инвентаризации магазин № 13 доставил по девяти оценочно-сдаточным актам в магазин № 62 вещи, которые директор магазина № 62 Устинов не успел принять. В присутствии ревизоров и директора магазина произвели осмотр вещей и оценочно-сдаточных актов для того, чтобы установить, все ли вещи, указанные в актах, действительно поступили в магазин № 62. Оказалось, что не доставили девять «мягких» вещей (пальто, костюмы и т. д.) и 62 пары обуви на общую сумму 5036 руб. В то же время этих вещей не оказалось и в магазине № 13.

Поскольку предполагалось, что дешево скупленные вещи от населения из магазина № 13 передавались в магазин № 16, где их поступление оформлялось по более дорогой цене, то работники первого должны были скрывать эту передачу. Это могло делаться либо путем замены качественных, дорогостоящих вещей, скупленных по дешевой цене, другими, менее ценными, приобретенными на стороне; либо вещи, переданные в магазин № 16, включались в оценочно-сдаточные ведомости, а в магазины № № 58, 62 передавались вместо них наличные деньги.

¹ Вещи, скупленные от населения в магазине № 13, реализовывались через магазины № № 62 и 58 Москуппромторга.

¹ Свои показания Николаева подтвердила в присутствии эксперта-меховщика и в судебном заседании.

Отсутствие 62 пар обуви и 9 «мягких» вещей подтверждало второе предположение.

Через Москупромторг организовали проведение бухгалтерских ревизий в магазинах №№ 58, 62 и 13. Ревизорам поручили проверить по документам движение каждой поступившей вещи, сопоставить данные товарных ярлыков, пришитых к вещам стоимостью свыше 100 руб., скупленных магазином № 13 и находящихся к моменту ревизии в магазинах №№ 58 и 62¹, оценочно-сдаточных актов и квитанций.

В результате удалось выявить подмену 40 вещей на сумму 9088 руб.

Так, по квитанции № 19 323 магазин № 13 за 100 руб. купил импортный женский костюм из черного трико. В оценочно-сдаточном акте на передачу вещей из магазина № 13 в магазин № 62 было указано, что по квитанции № 19 323 передан женский костюм. В магазине же № 62 в наличии вместо женского костюма оказался старый поношенный жилет на подкладке из овчины, на котором был прикреплен товарный ярлык за № 19 323. Подмена костюма жилетом могла быть произведена только в магазине № 13, поскольку на нем обнаружили товарный ярлык, заполненный товароведом магазина № 13 и содержащий все сведения о жилете, а не о костюме.

Бывших владельцев 40 вещей вызвали в прокуратуру и там им среди других вещей предъявили замененные. Все свидетели заявили, что среди предъявленных их вещей нет. Ими сдавались значительно лучшие вещи.

Но для замены нужны были не учтенные по квитанциям вещи, поэтому следовало установить источник их приобретения работниками магазина № 13.

Подобрали квитанции, выписанные на граждан, сдавших одну и более вещей стоимостью свыше 200 руб., и допросили их. При допросах интересовались, какие вещи и когда они продавали в скупочный магазин № 13, все ли вещи указаны в квитанциях, предъявленных им, и полностью ли получены по ним деньги.

Учитывая опыт собирания доказательств по магазину № 16, мы понимали, что и здесь могут быть недобро-

¹ Магазины №№ 62 и 58 с нереализованными вещами были опечатаны.

совестные свидетели, которые предоставляли свои паспорта для оформления подложных квитанций. Это предположение подтвердилось. Удалось найти 123 квитанции на сдачу нескольких меховых пальто, костюмов, меховых воротников и многих других вещей, оформленных на имя Боровлевой, проживающей в одном доме с товароведом магазина № 13 Беловой. В связи с этим возникло предположение, что Боровлева давала свой паспорт для оформления подложных квитанций.

Вначале Боровлева категорически заявляла, что она действительно сдавала в магазин № 13 вещи, принадлежащие ее умершему отцу.

По мере предъявления квитанций ее показания становились все менее убедительными, и дело кончилось признанием. Она являлась близкой подругой Беловой и давала ей свой паспорт для оформления квитанций.

Всего удалось изъять 278 подложных квитанций, составленных на сумму 65 985 руб., оформленных работниками магазина № 13.

Изобличенная показаниями Боровлевой, призналась и Белова, которая совместно с Гладковым оформляла квитанции по указаниям Гуревича.

В результате дальнейших допросов сдатчиков удалось получить ценные показания об источниках создания резерва неучтенных вещей.

Выяснилось, что при скupке вещей товароведы указывали в квитанциях не все вещи, выплачивая, однако, сдатчику обусловленную сумму.

Так, скупив 17 февраля 1957 г. у Силиной три мужских костюма, Гуревич оценил их в 2100 руб., а в квитанции № 30 649 и № 30 650 внес только два костюма, выплатив, однако, сдатчику всю обусловленную при оценке вещей сумму, т. е. 2100 руб.

Силина, да и другие граждане, с которыми проводились аналогичные операции, обычно не смотрели квитанцию, выдаваемую им на руки, а лишь проверяли, соответствует ли получаемая ими сумма названной цене вещей.

Кроме того, в ходе расследования было установлено, что преступники с целью создания резерва неучтенных вещей в магазине № 13 пользовались способом аннулирования квитанций.

Согласно правилам приема вещей в скупочный магазин, утвержденным приказом Министра торговли СССР 8 августа 1956 г. за № 434, в случае несогласия сдатчика продать вещь после выписки квитанции, последняя перечеркивается, на ней делается надпись «аннулировано» и ставится подпись владельца вещи и товароведа. Аннулированные квитанции прилагаются к товарному отчету и служат основанием для списания в расход квитанций, являющихся бланками строгой отчетности.

Как выяснилось в процессе следствия, товароведы с целью приобретения вещей, необходимых для замены, погашали оформленные квитанции, внося в кассу деньги, выплаченные сдатчику, вещь, которая была оценена по заниженной стоимости, изымалась и присваивалась.

Таким образом, они фактически аннулировали произведенную ранее операцию. Например, свидетель Зуева, осмотрев предъявленную ей погашенную квитанцию № 128 298 от 17 марта 1958г., показала, что деньги за проданное платье она получила, но работники магазина попросили ее дважды расписаться в квитанции. Между тем, в самой квитанции над второй подписью Зуевой было написано: «аннулировано». Таким путем преступники создавали неучтенный резерв из вещей, которыми в последующем заменялись более ценные вещи.

Но нам важно было получить доказательство, подтверждающее, что вещи, купленные по заниженной цене из магазина № 13, передавались в магазин № 16, где оформляли их прием по более высокой цене.

Изъяв в магазине № 40 вещи, оформленные Гладковым и Шаталовым по подложным квитанциям, мы подбрали в магазине № 13 квитанции на прием от сдатчиков аналогичных вещей, а затем вызвали по ним свидетелей и предъявили им изъятые вещи.

Согласно упомянутому приказу Министра торговли СССР все скупленные вещи не позднее двух дней с момента скупки должны передаваться в магазины для их реализации. Поэтому квитанции в магазине № 13 изымались за четыре дня, предшествовавших дню оформления подложной квитанции на имя подставного лица в скупочном магазине № 16.

Проиллюстрируем это примером. Так, в магазине № 16 приемка енотовой шубы была оформлена по под-

158

ложной квитанции № 2299 от 15 августа 1957 г. на имя подставного лица—Гришина.

Последний признал, что шубы он в скупочный магазин не сдавал, а лишь дал свой паспорт товароведу Гладкову и расписался в выписанной квитанции.

Среди квитанций скупочного магазина № 13 за период с 12 по 15 августа нашли квитанцию за № 143 186 на имя Гордеева, сдавшего енотовую шубу 14 августа. Сдатчик подтвердил продажу шубы, назвав ее отличительные черты, в частности, подкладка была светло-зеленого цвета с рисунками хризантем.

Гордеев опознал свою шубу среди предъявленных ему вещей. Но в магазине № 13 ему выплатили за нее 500 руб., а в магазине № 16 ее оценили в 2521 руб.

Аналогичные махинации выявились и при допросе многих других свидетелей. Всего преступники переоформили через магазин № 16 497 вещей.

Гуревич и Фишキン, не признав себя виновными в совершении преступлений, заявили, что возможно Гладков и Шаталов скупали вещи в магазине № 62 после отправки их из магазина № 13.

Но их утверждение опровергалось сопоставлением дат оформления указанных вещей на подставных и вымышленных лиц в магазине № 16 и передачи вещей по оценочно-сдаточным ведомостям в магазин № 62.

Оформление данных вещей на подставных и вымышленных лиц в магазине № 16 производилось раньше, чем эти вещи включались в оценочно-сдаточные ведомости.

Отсюда следовал вывод:

1. Одна и та же вещь не могла быть одновременно в двух местах — в магазине № 16 и в магазине № 62. Таким образом, Шаталов и Гладков не могли купить ту или иную вещь в магазине № 62, если к этому времени ее прием уже был оформлен в магазине № 16, где она и находилась.

2. По оценочно-сдаточной ведомости вместо данных вещей были переданы или наличные деньги, или другие вещи, которыми заменялись похищенные.

Так, в приведенном выше примере Устинов получил по квитанции № 143 186 енотовую шубу только 16 августа, в то время как ее прием Гладков оформил 15 августа.

159

После предъявления Гладкову собранных документов он признал себя виновным и на этот раз чистосердечно рассказал о преступных комбинациях, в которых он играл далеко не последнюю роль.

Совместно с Шаталовым Гладков, хорошо зная Гуревича и Фишкина по прежней совместной работе, договорился с ними о том, что те будут передавать им вещи, скопленные у населения по дешевой цене, а в магазине № 16 их прием будет оформлен по более дорогой цене.

Гладков после работы (магазин № 16 закрывался в 18 часов, а магазин № 13 работал до 20 часов) приезжал к Гуревичу и брал от него вещи, которые до утра держал в своем сарае, а утром на такси или попутной автомашине отвозил их в магазин № 16, где и оформлял с Шаталовым поступление этих вещей по подложным квитанциям.

Случайно удалось установить свидетеля, который дал любопытные показания.

На допрос вызвали гражданина Седова, на имя которого в магазине № 16 было оформлено 10 квитанций на дорогостоящие вещи. Он работал шофером на автомашине «ЗИМ» и обслуживал одного из ответственных работников, проживающего в Тушино.

Во время допроса Седов признал, что он никогда никаких вещей в скученный магазин № 16 не сдавал. На вопрос, при каких обстоятельствах он познакомился с Гладковым, Седов показал, что однажды утром автомашину остановил Гладков и попросил подвезти его до Тушинского рынка. После этого он часто возил Гладкова как на работу, так и с работы. За одну поездку Гладков платил ему по 40 руб. (это при заработке 800 руб. в месяц). Обычно Гладков имел при себе большие свертки или чемодан.

Таким образом, способ хищения, применяемый Гуревичем, Фишким и другими участниками хищения заключался в следующем.

В магазине № 13 вещи скупались по дешевой цене, но не передавались для продажи в магазины №№ 58 и 62, а изымались преступниками. Изъятие вещей вуалировалось путем:

1) замены другими, менее ценными, которые передавались для реализации населению в магазины №№ 58, 62;

2) передачи в магазины №№ 58 и 62 вместо вещей, включенных в оценочно-сдаточные ведомости, наличных денег.

В последующем вещи, скрытые от учета, передавались в скученный магазин № 16, где прием их оформлялся по более дорогой цене на подставных и вымышленных лиц. Разница в стоимости переоформленных вещей присваивалась участниками преступной группы.

Резерв неучтенных вещей в магазине № 13 создавался за счет:

1) неполного указания в квитанциях количества принятых вещей с выплатой сдатчику стоимости фактически принятых вещей;

2) аннулирования квитанций с изъятием принятых вещей и внесением в кассу магазина суммы, выплаченной сдатчику;

3) покупки на «стороне» по дешевой цене старых вещей.

В ходе следствия были тщательно проверены показания Гладкова о даче им и Шаталовым взяток Кочетову. Эти обстоятельства полностью подтвердились. Кроме того, выявились и иные факты получения им взяток с работников других магазинов Тушинского торга.

За совершенные преступления к уголовной ответственности были привлечены и осуждены к различным мерам наказания Гладков, Шаталов, Гуревич, Фишкин, Белова, Кочетов, Володина.

РЕПОЗИТОРИЙ ГПУ

Прокурор Московской области
Государственный советник
юстиции 3-го класса
Л. И. Ураков

НЕПОПРАВИМЫЕ ОШИБКИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УБИЙСТВА

(По материалам прокуратуры Московской области)

Вечером 10 августа 1957 г. студент Щелкин и его товарищ Щукарев приехали на охоту к озеру, что у деревни Стройково Загорского района. Здесь они встретили охотников Курочкина и Желудова, сидевших у костра, и с согласия последних присоединились к ним. После совместного ужина, не обошедшегося без водки, Желудов и Щукарев легли спать, а Щелкин и Курочкин продолжали разговаривать.

Под утро около трех часов 11 августа Щелкин и Курочкин услышали игру на гитаре и громкое пение. Оба отправились к месту, откуда слышался шум. Пройдя около 50 м, они увидели на берегу озера трех незнакомых им парней, как выяснилось впоследствии, Пыжова Бориса, Апраксина и Романова. Пыжов играл на гитаре, а остальные пели. Подойдя к ним, Курочкин стал грубо требовать, сопровождая это оскорблением, чтобы парни прекратили шум и ушли.

Во избежание ссоры Щелкин, по предложению Апраксина, увел Курочкина. Однако последний вернулся к месту, где находились молодые люди, и выстрелил из своего ружья.

После этого Апраксин, Пыжов и Романов, позвав приехавших вместе с ними брата Пыжова — Виктора, Тюрина и Гришина (они в это время на берегу озера выбирали место для будущей охоты), вместе с ними на-

правились к костру, около которого находились Курочкин, Щелкин, Желудов и Щукарев.

Увидев подходивших Апраксина, Пыжова Бориса и Романова, Щелкин произвел выстрел из ружья. К этому времени сюда же подошли Пыжов Виктор, Тюрин, Гришин, и все начали беспорядочно стрелять.

По окончании стрельбы оказалось, что Пыжов Борис убит, Щелкин легко ранен в спину и бедро, а Желудов — в мягкие ткани головы.

В связи с указанными обстоятельствами Загорский ГОМ возбудил уголовное дело.

Материалы расследования по этому делу начинаются протоколом о выходе на место происшествия, составленным 11 августа 1957 г. старшим оперуполномоченным Осановым с участием других работников милиции. В этом протоколе указано, что задержанный Щелкин показывал на месте происшествия, где и какие происходили события, связанные с убийством Пыжова Бориса, и давал соответствующие объяснения.

При изложении объяснений Щелкин в протоколе записано, что после произведенного Курочкиным первого выстрела... «справа от меня (Щелкина) послышался шум. Оглянувшись, я увидел парня, который шел на меня с приподнятой для удара гитарой в руке и который находился от меня на расстоянии 6—8 м. Я направил на него ружье и несколько раз крикнул «не подходи». Парень, распахнув грудь, шел на меня с криком: «стреляй». Когда парень подошел ко мне на расстояние 4 м, я... произвел выстрел в него. От произведенного выстрела парень упал и оказался в канавке около берега...».

Аналогичные показания Щелкин дал при допросе его в тот же день после выхода на место происшествия.

Какущаяся ясность дела, наличие признания Щелкина в убийстве Пыжова повлекли часто допускаемую в подобных случаях ошибку: следователь не считал нужным собрать и исследовать объективные доказательства.

По настоящему делу на место происшествия выезжал следователь прокуратуры Загорского района Насадович, который 11 августа произвел осмотр места происшествия. Однако необходимых мер к сохранению доказательств он не принял.

В частности, т. Насадович ничего не сделал для надлежащего оформления, изъятия и сохранности ружей и боеприпасов, находившихся у охотников, причастных к этому делу, что в последующем привело к невосполнимой утрате доказательств, имеющих решающее значение для изобличения виновного.

На второй день после происшествия Загорский ГОМ направил дело в порядке ст. 108 УПК РСФСР 1923 года в районную прокуратуру. Следователь Лапин принял его к своему производству 17 августа. К расследованию он отнесся формально и небрежно, все его «следствие» ограничилось предъявлением Щелкину обвинения по ст. 137 УК РСФСР 1926 года, допросом его в качестве обвиняемого, кратким повторным допросом свидетеля Курочкина и поверхностным допросом свидетеля Желудова. Вот как, например, выглядели записанные Лапиным показания свидетеля Курочкина, одного из очевидцев и наиболее активных участников события: «Я полностью подтверждаю свои показания, данные на допросе 11 августа 1957 г. Другого что-либо дополнить к своим показаниям не могу. Кто именно стрелял в того парня, который оказался убитым, я не видел ввиду того, что, когда среди охотников поднялся шум, я сошел ближе к берегу озера и спрятался за кусты и поэтому не мог видеть, кто стрелял. Больше показать ничего не могу».

Следователь, видимо, даже не обратил внимания на то, что эти показания противоречили показаниям Курочкина, данным им в день происшествия. Тогда он говорил, что первым произвел выстрел, после которого началась беспорядочная стрельба и во время нее Курочкин находился не у озера за кустами, а на месте происшествия. Следователь не выяснил, какой дробью были заряжены имевшиеся у Курочкина патроны и ряд других деталей происшествия.

Остальных, находившихся на месте происшествия лиц (Гюрина, Пыжова Виктора, Апраксина и др.), следователь вообще не допросил.

Ранее их всех в один день, 11 августа, допросили работники милиции, причем допрашивающих было почти столько же, сколько допрашиваемых. По протоколам нетрудно было понять, что допросы страдали отсутствием целеустремленности и один допрашивающий ничего

не знал о том, какие показания даны другому. Естественно, что показания этих свидетелей нуждались в уточнении многих деталей и обстоятельств, устраниении имеющихся противоречий. Однако т. Лапин этого не сделал.

В таком виде дело по обвинению Щелкина по ст. 137 УК РСФСР 1926 года направили в народный суд 2-го участка Загорского района.

В судебном заседании 10 октября 1957 г. подсудимый Щелкин показал: «Когда парень с гитарой подходил ко мне, я держал в руке ружье. Кто-то в меня выстрелил, я нажал курок, парень — он оказался Пыжовым — упал. Через некоторое время в меня опять выстрелили... Кто убил Пыжова, я не знаю. Я предполагал, что он упал в тот момент, когда я нацелил на него ружье...».

После допроса Щелкина по ходатайству адвоката, поддержанному прокурором, суд вынес определение о направлении дела на доследование, предложив производству криминалистическую экспертизу для разрешения таких вопросов: «установить номер дроби, которой произведен выстрел в Пыжова; однородны ли дробь и пыжи, изъятые из трупа Пыжова, с дробью и пыжами, которыми были заряжены патроны, имевшиеся у Щелкина; с какого расстояния произведен выстрел в Пыжова; исследовать одежду Щелкина и установить, сколько выстрелов и с какого расстояния в него произведено» и т. д.

Дело вновь принял к своему производству следователь Лапин, который в тот же день вынес постановление о назначении криминалистической экспертизы.

19 октября эксперты Центральной криминалистической лаборатории ВИЮН МЮ РСФСР дали заключение, что «дробь, извлеченная из трупа Пыжова, и дробь, извлеченная из патронов, изъятых у обвиняемого Щелкина, является стандартной заводской дробью. По химическому составу, а также по диаметру (номеру) дроби, извлеченная из трупа Пыжова, отличается от дроби, извлеченной из патронов, изъятых у Щелкина. Пыжи, извлеченные из трупа Пыжова, и пыжи, извлеченные из патронов, изъятых у Щелкина, изготовлены из различных материалов».

Согласно заключению криминалистической экспертизы от 22 октября 1957 г. «...в обвиняемого Щелкина произведен один выстрел из дробового охотниччьего оружия.

Расстояние, с которого был произведен выстрел, установить не представляется возможным. Выстрел, которым убит Пыжов, произведен приблизительно на расстоянии 50 см».

Получив такое заключение, следователь Лапин 24 октября вынес постановление, в котором указал, что «данное заключение экспертизы не может быть принято во внимание ввиду того, что изъятые у Щелкина патроны в количестве 11 шт. 16-го калибра не были опечатаны при их изъятии работниками милиции, а сложены в одну корзину вместе с другими патронами, изъятыми у других охотников, и обезличены. Поэтому два патрона, направленные на исследование, из 21 патрона, оказавшихся в наличии на 17 октября, могут не принадлежать обвиняемому Щелкину, так как все патроны в прокуратуру представлены в обезличенном виде и принадлежность 21 оставшегося в наличии патрона неизвестна». Далее следователь приходит к заключению, что «направлять на исследование остальные 19 патронов не представляется возможным и нецелесообразно, поскольку данные патроны обезличены и их принадлежность в настоящее время неизвестна».

Необходимо отметить, что все обстоятельства, изложенные следователем Лапиным в этом постановлении, были известны ему при организации экспертизы. Направляя в криминалистическую лабораторию два патрона, он знал, что принадлежность их Щелкину вызывает сомнение, и тем не менее указал, что они принадлежат Щелкину. Получив заключение экспертизы, отвергшее сходство дроби и пыжей, изъятых из трупа Пыжова с дробью и пыжами, которыми были заряжены патроны, выданные за принадлежащие Щелкину, следователь своим постановлением пытался устраниТЬ доказательство, опровергающее выдвинутую им версию о том, что Пыжов Борис убит выстрелом из ружья Щелкина.

Такие действия следователя Лапина нельзя расценить иначе как тенденциозные и сознательно направленные на искусственное создание доказательств, подтверждающих принятую им за достоверную версию о виновности Щелкина.

Таким образом, дополнительным расследованием не было добыто никаких доказательств, подтверждающих виновность Щелкина.

Несмотря на это, допросив понятых, присутствовавших при выезде работников милиции на место происшествия со Щелкиным 11 августа, и предъявив Щелкину обвинение (на этот раз Щелкин уже не признал себя виновным), следователь составил обвинительное заключение и дело вторично направил в народный суд 2-го участка Загорского района.

Приговором этого народного суда от 28 ноября 1957 г. Щелкин был признан виновным в убийстве Пыжова и приговорен к лишению свободы сроком на четыре года.

Судебная коллегия Московского областного суда отменила приговор и направила дело на новое рассмотрение со стадии предварительного расследования, после чего его принял к производству помощник прокурора Загорского района Взорова. Она допросила всех основных свидетелей по делу и назначила повторную криминалистическую экспертизу, на разрешение которой поставила вопрос: «С какого расстояния произведен выстрел в Пыжова, которым он убит?»

Результаты экспертизы оказались совершенно неожиданными.

В ходе экспертизы выяснилось, что вывод первой экспертизы основывался на данных, содержащихся в неправильно сделанной выписке из протокола осмотра места происшествия, подписанной следователем и заверенной печатью прокуратуры.

В результате произведенных дополнительных исследований эксперт пришел к заключению, что «установить расстояние, с которого убит Пыжов Борис, не представляется возможным».

Несмотря на то, что дополнительным расследованием также не было добыто никаких доказательств, дело по обвинению Щелкина вновь направили в суд.

Приговором Московского областного суда от 24—26 марта 1958 г. Щелкин был признан виновным в убийстве Пыжова по неосторожности и осужден по ст. 139 УК РСФСР 1926 года.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, рассматрившая дело по кассационной жалобе Щелкина, указанный приговор оставил в силе.

По протесту Генерального Прокурора СССР дело по обвинению Щелкина рассматривалось Пленумом Верховного Суда СССР, постановлением которого приговор

Московского областного суда и определение Судебной коллегии Верховного Суда РСФСР были отменены, а дело направлено на новое рассмотрение со стадии предварительного расследования.

В своем постановлении Пленум Верховного Суда СССР дал глубокий анализ ошибок и нарушений, допущенных по делу.

В нем отмечено, что «обвинение Щелкина в неосторожном убийстве Пыжкова Бориса, вследствие серьезных недостатков, допущенных в стадии предварительного следствия, нельзя признать обоснованным».

Из материалов дела усматривается, что органы предварительного следствия располагали всем необходимым для полного и всестороннего исследования вопроса, кем конкретно из лиц, находившихся на месте происшествия и принявших участие в беспорядочной стрельбе, был убит потерпевший Пыжов Борис.

Между тем, приняв за действительность версию, подсказанную некоторыми лицами, находившимися на месте происшествия и почему-то решившими после случившегося, что потерпевший Пыжов Борис был убит выстрелом Щелкина, а также располагая показаниями Щелкина, не отрицавшего возможность убийства потерпевшего именно им, органы предварительного следствия поверхностно подошли к исследованию совершенного преступления.

Даже тогда, когда в процессе следствия были получены данные, опровергающие эту версию и указывающие на возможность добросовестного заблуждения обвиняемого Щелкина относительно своей причастности к убийству, органы предварительного следствия, придав его показаниям заранее установленную силу, продолжали заниматься только этой версией.

Обвинение Щелкина основано на его показаниях, данных им на следствии и в суде. Первоначально Щелкин показал, что, увидев подходившего к нему парня с гитарой (Пыжова Бориса), он направил на него ружье и сказал, что будет стрелять, если тот не остановится. Со словами «стреляй» парень продолжал идти на него. Когда этот парень подошел на расстояние 3—4 м, он (Щелкин) неожиданно для себя нажал на спусковой крючок. Произошел выстрел, после которого парень упал.

Впоследствии, не отрицая предъявленного обвинения, Щелкин несколько изменил свои показания, утверждая, что выстрел он произвел неожиданно для себя после того, как он сам был кем-то ранен, и что в момент произведенного им выстрела потерпевший находился от него на расстоянии 5—6 м.

В судебном заседании 27—28 ноября 1957 г. Щелкин в основном подтвердил свои прежние показания, но заявил, что после того, как адвокат разъяснил ему смысл и значение некоторых материалов дела, он стал сомневаться в том, что потерпевший Пыжов Борис убит выстрелом, произведенным именно им, а не другим лицом; находившимся на месте происшествия и принимавшим участие в стрельбе.

Показания о том, что потерпевший был убит именно им, он давал потому, что его убедили в этом...».

Доводы Щелкина о добросовестном заблуждении относительно его причастности к убийству Пыжова заслуживали серьезного внимания и подлежали тщательному исследованию, тем более, что обстоятельства дела свидетельствовали о том, что и Щелкин, и другие участники возникшей перестрелки до обнаружения трупа Пыжова не знали о его убийстве.

Из дела видно, что на месте происшествия с ружьем находилось шесть человек и все они производили беспорядочную стрельбу, в результате которой Пыжов оказался убитым, а Щелкин и Желудов получили легкие ранения.

Однако следствие, несмотря на полную возможность, не установило точно, сколько выстрелов и в какой последовательности произвел каждый из принимавших участие в перестрелке, какой дробью и какими пыжами были заряжены патроны каждого охотника.

Установление этих обстоятельств при наличии в распоряжении следствия дроби и пыжей, извлеченных из трупа Пыжова, дало бы возможность определить круг лиц, которые могли быть причастны к убийству, что в последующем облегчило бы установление лица, виновного в совершении преступления.

Большое доказательственное значение имело установление расстояния, с которого произведен выстрел в Пыжова Бориса,

Щелкин первоначально на предварительном следствии показал, что в момент выстрела потерпевший находился от него на расстоянии 3—4 м, а позднее стал утверждать, что это расстояние было 5—6 м.

Между тем судебномедицинская экспертиза, на основании данных исследования трупа, в заключении от 12 августа 1957 г. пришла к выводу, что выстрел в потерпевшего Пыжова произведен с расстояния около 0,5 м, с оговоркой, что «для более точного решения вопроса о расстоянии выстрела необходимо направить одежду на криминалистическую экспертизу, а также провести экспериментальные выстрелы...».

Однако криминалистическая экспертиза для разрешения этого вопроса своевременно назначена не была, а произведенные позднее, после возвращения дела судом, две криминалистические экспертизы дали противоречивые заключения, так как органы следствия организовали их неправильно.

Все патроны, изъятые у шести охотников, сразу же после убийства Пыжова ссыпали в одну корзинку, в результате чего они оказались обезличенными, а затем раздали владельцам, которые из «общей кучи» сами выбирали «свои» патроны. В отборе патронов не участвовал Щелкин.

Оставшиеся после такого отбора патроны впоследствии направили на исследование как принадлежащие Щелкину.

В деле нет ни протокола осмотра изъятых патронов, пыжей и дробин, извлеченных из тела Пыжова, ни постановления о приобщении их в качестве вещественных доказательств, чем допущено грубейшее процессуальное нарушение.

Не согласившись с выводами криминалистической экспертизы от 19 октября 1957 г., органы предварительного следствия в то же время и не опровергли показаний Щелкина о том, что находившиеся у него патроны были заряжены дробью № 4, 5, 7. О наличии у него именно таких патронов Щелкин показывал, начиная с первого допроса, когда признавался в убийстве Пыжова, и эти показания не менял. А из тела Пыжова была извлечена дробь совсем другого номера — 2.

Между тем из показаний Желудова и Курочкина, которые также принимали участие в перестрелке, видно,

что у них были патроны, заряженные дробью № 2. Более того, первоначально в убийстве Пыжова Бориса задозорили именно Курочкина, которого в связи с этим товарищи убитого стали избивать. Избиение Курочкина было прекращено вмешательством Щелкина, уговорившего избивавших оставить Курочкина, поскольку никто еще не знал, кем именно убит Пыжов.

Требовала тщательной проверки также версия о виновности Желудова в убийстве Пыжова, поскольку он также принимал участие в перестрелке, причем патроны у него были заряжены дробью № 2.

Увлечение одной версией о виновности Щелкина привело к тому, что все эти вопросы остались неисследованными.

Если бы своевременно произвели криминалистическую экспертизу дроби и пыжей, обнаруженных в теле убитого, то уже в начале следствия, не полагаясь на признание Щелкина, которое могло явиться результатом добросовестного заблуждения, следствие сосредоточило бы свое внимание на тех лицах из числа принявших участие в перестрелке, у кого имелись патроны, заряженные дробью № 2.

При первоначальном расследовании делались некоторые попытки установить, какой дробью были заряжены патроны у охотников. Выше уже указывалось, что изъятые у них в день происшествия патроны оказались обезличенными. Однако до конца этот вопрос своевременно не исследовался и только впоследствии выяснилось, что заряженные дробью № 2 патроны имелись у Желудова и Курочкина. Имелись ли такие патроны у других охотников, не установлено, и должных мер к исследованию этого вопроса не принято.

Таким образом, возможность использования в качестве доказательств патронов, находившихся у охотников, была утрачена, и восполнить этот дефект уже не представлялось возможным.

Серьезными недостатками страдали организация расследования этого дела и разрешение его в судебных органах.

Расследование этого сравнительно несложного дела в разное время производили следователи Насадович, Лапин, Семенов, помощник прокурора Взорова с участием ряда работников милиции.

Дело рассматривалось пять раз в подготовительных и судебных заседаниях народных судов Загорского района; четыре раза в подготовительных и судебных заседаниях областного суда, два раза в Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР; один раз в Президиуме Верховного Суда РСФСР; четыре раза дело направлялось судебными органами для дополнительного расследования и в конце концов было прекращено.

Неоднократные возвращения дела на доследование, передача его для расследования многим следователям, небрежность, допущенная при производстве ряда следственных действий, привели к тому, что лица, причастные к этому делу, много раз вызывались в следственные и судебные органы. Так, Курочкин и Желудов вызывались более 10 раз каждый, а Щелкин около 15 раз.

В результате поверхностного, одностороннего расследования, вызванного предвзятым убеждением о виновности Щелкина, грубым нарушением тактических приемов расследования и процессуальных норм, лицо, убившее Пыжова Бориса, осталось неизобличенным, хотя все возможности к этому имелись.

Особенно серьезные упущения и грубые нарушения по делу были допущены в первоначальной стадии расследования следователем Лапиным, в настоящее время освобожденным от работы в органах прокуратуры.

*Прокурор-криминалист
прокуратуры Саратовской области
младший советник юстиции*

П. И. Медведев

Преподаватель кафедры
криминалистики Саратовского
юридического института
кандидат юридических наук
И. Г. Масленик

ПРИБОР ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ И ФИКСАЦИИ ПОТОЖИРОВЫХ СЛЕДОВ РУК

В настоящее время в следственной практике для выявления следов рук применяются, как правило, только порошки, наносимые на объект при помощи флейцевой кисти.

Что же касается йодных трубок, то они не нашли распространения, очевидно, из-за неудобства конструктивного характера, в частности, их хрупкости.

иного характера, в частности, из круности.

Имея в виду эти недостатки, нами изготовлен для практического применения следователями при осмотре места происшествия портативный комбинированный прибор для выявления и фиксации на разных поверхностях потожировых слабовидимых и невидимых следов пальцев рук и ладоней. Прибор позволяет использовать минимум два вида порошков-опылителей, пары йода, а также жидкий реактив.

Прибор незначителен по величине, прост по конструкции, несложен в работе и может быть изготовлен в местных условиях (рис. 1).

По форме он напоминает портсигар размером 100 мм×90 мм×25 мм, корпус его сделан из плексигласа. Из того же материала изготовлена крышка, надеваемая во время пользования прибором на донную часть корпуса.

В корпусе имеются четыре гнезда цилиндрической формы. В два средних гнезда насыпаются порошки.

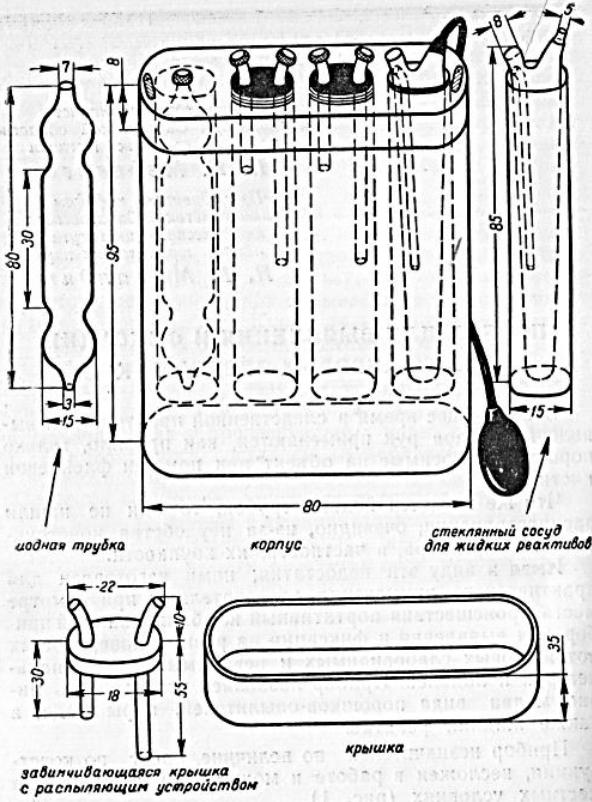

Рис. 1. Схема прибора

Сверху они закрываются завинчивающимися крышками, в которых смонтированы пульверизационные устройства, позволяющие при соединении со шлангом резиновой груши производить распыление порошков. В двух других гнездах, расположенных по краям, помещаются

стеклянные сосуды: один для кристаллов йода (йодная трубка), другой для жидкого реактива. Последний имеет притертую пробку, в которой смонтировано распыляющее устройство.

Отверстия йодной трубки и распыляющих устройств закрываются резиновыми колпачками, препятствующими выливанию жидкости и улетучиванию паров йода. Стеклянные сосуды удерживаются в корпусе прибора при помощи защелок.

Сосуды в процессе применения вынимаются из гнезда и соединяются с резиновым шлангом груши. В зависимости от того, что надо применить: порошок, жидкий реагент, графит в смеси с канифолью, ликоподий, окись цинка, порошок сургуча, окись меди с канифолью и другие порошки.

Путем нанесения порошка распылением имеется возможность обнаружить следы, расположенные как на открытых поверхностях различной формы (плоских, покатых, овальных и т. д.), так и в местах, труднодоступных для кисти.

Применяя для распыления определенный порошок, следует учитывать его свойства и, в первую очередь, степень прилипания частичек порошка к поверхности предмета, с одной стороны, и к потожировому веществу следа, с другой. Как известно из механических свойств порошка, влияющих на качество обработки следа, учитывают степень его влажности и измельченности. Повышенная влажность, равно как и крупнозернистая структура порошка, исключающие в некоторых случаях получение хороших результатов при обработке следа кистью, не препятствует удовлетворительному его распылению с помощью данного прибора. Кроме того, применение прибора связано с гораздо меньшим риском порчи следа, чем нанесение порошка кистью.

В йодной трубке кристаллический йод помещается в ее сферических частях между слоями стеклянной ваты. В процессе применения трубки ее надо соединить с резиновым шлангом груши, зажать плотно в левую руку и путем нагнетания воздуха выделяющиеся из кристал-

лов йода пары распылить над поверхностью объекта.

В случае недостаточного выделения паров йода (например, при работе на месте происшествия в условиях низкой температуры в зимнее время) стенки трубы можно подогреть пламенем спички.

След, окуренный парами йода, надо тотчас же зафиксировать: сфотографировать, откопировать на йодокопировальную пленку или бумагу.

В другой стекляниной сосуд примерно на $\frac{2}{3}$ ее объема наливается жидкий реактив, который при нагнетании воздуха резиновой грушей распыляется над объектом, где предполагается наличие следа.

В качестве жидкостей для выявления потожировых следов можно применить раствор азотнокислого серебра в смеси с уксусной кислотой и дистиллированной водой, раствор бензина в спирте с добавлением 3% перекиси водорода, раствор нингидрина и др.

Прибор значительно упрощает работу по применению указанных реактивов и расширяет возможности их использования при осмотре места происшествия.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Прислушиваясь к общественному мнению — В. И. Никифоров, Г. А. Сопоев	3
Помощь общественности обеспечила быстрое раскрытие убийства — И. В. Калайтанов	15
«Медвежатники» — В. А. Дубровинский	21
Оговор или изобличение соучастников хищений? — И. Е. Быховский	28
О том, как было раскрыто несколько изнасилований — Ю. М. Зашбалов	48
Взаимодействие следователя с работниками милиции обеспечило успешное раскрытие убийства — И. И. Ряnsкий .	53
Взяточники изобличены — Н. К. Сухарев	63
Неудавшаяся инсценировка несчастного случая — А. С. Халинский	71
Работа следователя по предупреждению преступных нарушений правил техники безопасности — К. Ф. Скворцов	78
Изобличение убийцы косвенными доказательствами — Г. С. Азяская	87
Больше гласности в работе следователя — Я. Б. Лумельский	93
Расследование хищений молока в колхозах — Г. И. Злобин	93
Начало и конец одного дела — Б. И. Дремов	104
Убийца — отчим — Г. Мамаджанов	113
	177

РЕПОЗИТОРИЙ ГИДРОГРАФИЧЕСКОГО УЧЕБНИКА

Привлечение общественности к производству проверок по сигналам о правонарушениях — А. А. Шмонов . . .	120
Женоубийца — В. С. Бурданова, М. Г. Любарский	127
Раскрытие убийства с помощью общественности — М. Я. Могилевский	131
Хищения в комиссионном и скученных магазинах — З. Т. Баранова, Н. В. Зольников	134
Неправимые ошибки при расследовании убийства — Л. И. Ураков	162
Прибор для выявления и фиксации потожировых следов рук — П. И. Медведев, И. Г. Маландин	173

Коллектив авторов
«СЛЕДСТВЕННАЯ ПРАКТИКА»

Выпуск 46

Редактор Т. П. Шуракова
Художественный редактор Ю. В. Алексеев
Технические редакторы М. В. Цаплин,
Н. В. Тимофеева
Корректоры Ю. С. Захарова,
В. Д. Рыбакова

Сдано в набор 7/IX-1960 г. Подп. в печ. 26/XI-1960 г.
Формат бумаги 84×108^{1/3}. Объем: физ. печ. л. 5,63;
 усл. печ. л. 9,23; уч. изд. л. 8,99. Тираж 14000.
 А — 10638. Цена 27 коп. Заказ № 3538.

Госиздат — Москва, Б—54, ул. Чкалова, 38—40.
Ивановская областная типография, г. Иваново.
Типографская 6.

РЕПОЗИТОРИЙ ГУМР